

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№12 ДЕКАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2017

О жизни и творчестве художника Павла Федотова
читайте на странице 66.

Неизвестное об известном

<i>Алла Зубкова</i>	«Купеческий Шекспир»	4
<i>Юрий Осипов</i>	«Поэт мысли»	29

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Россия и Австрия	20
--------------------------------	-------------------------------	----

Рассказ

<i>Анатолий Крищенко</i>	Эскиз	44
<i>Ольга Степнова</i>	Когда идет дождь...	108

Минувшее

<i>Денис Логинов</i>	Валиде всех валиде	56
----------------------	---------------------------------	----

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Павел Федотов. «Сватовство майора»	66
---------------------	---	----

Замечательные современники

<i>Евгения Гордиенко</i>	Дмитрий Хворостовский: «Я всегда искал в себе внутренний баланс»	78
<i>Георгий Кричевский</i>	Игорь Ясулович: «Ценить отпущенное»	94

Житейские истории

<i>Сергей Шувалов</i>	Пустой стакан	86
-----------------------	----------------------------	----

Это интересно

<i>Дмитрий Зелов</i>	Я послал тебе бересту	131
----------------------	------------------------------------	-----

Детектив

<i>Иосиф Гольман</i>	Любовь, ненависть и белые ночи	140
----------------------	---	-----

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

В.М. Васнецов «Снегурочка»
(картина писалась как декорация
к пьесе Островского, а прототипом
послужила Сашенька, дочь известного
мецената Саввы Мамонтова)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7750

Зак. № 7144

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.11.2017

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« Александр Данилович Меншиков... Любимый и самый близкий сподвижник великого Петра. Этот человек неиссякаемой энергии и невероятной отваги отличался в то же время ненасытной жадой легкого обогащения и непомерным честолюбием. Все, чего он достиг, казалось ему слишком мало, он мечтал о короне для своих потомков, намереваясь выдать свою дочь за внука Петра I. Увы, и этому баловню судьбы пришлось в полной мере испытать ее превратности. Дни свои он закончил в опале и ссылке...

Алла **Зубкова** «Полудержавный властелин»

« Так и не удалось досконально установить, была ли эта женщина тайным агентом России во многих европейских странах или просто была прирожденным дипломатом, которую, в сущности, интересовала только политика. Она буквально сводила с ума самых влиятельных политиков Европы, умело используя их в интересах Российской империи. В то же время, император Николай I отказывался даже слушать о ней и категорически требовал, чтобы она вернулась в Россию. Княгиня Дарья Христофоровна Ливен, урожденная Бенкендорф, в Россию так и не вернулась, несмотря на императорский гнев и на то, что муж отказал ей в денежном содержании. Она обожала Париж столь же страстно, сколь страстно ненавидела стильный и чопорный Санкт-Петербург. Это говорит о том, что все-таки вряд ли она была тайным русским агентом. Тайные агенты ведут себя обычно по-другому....

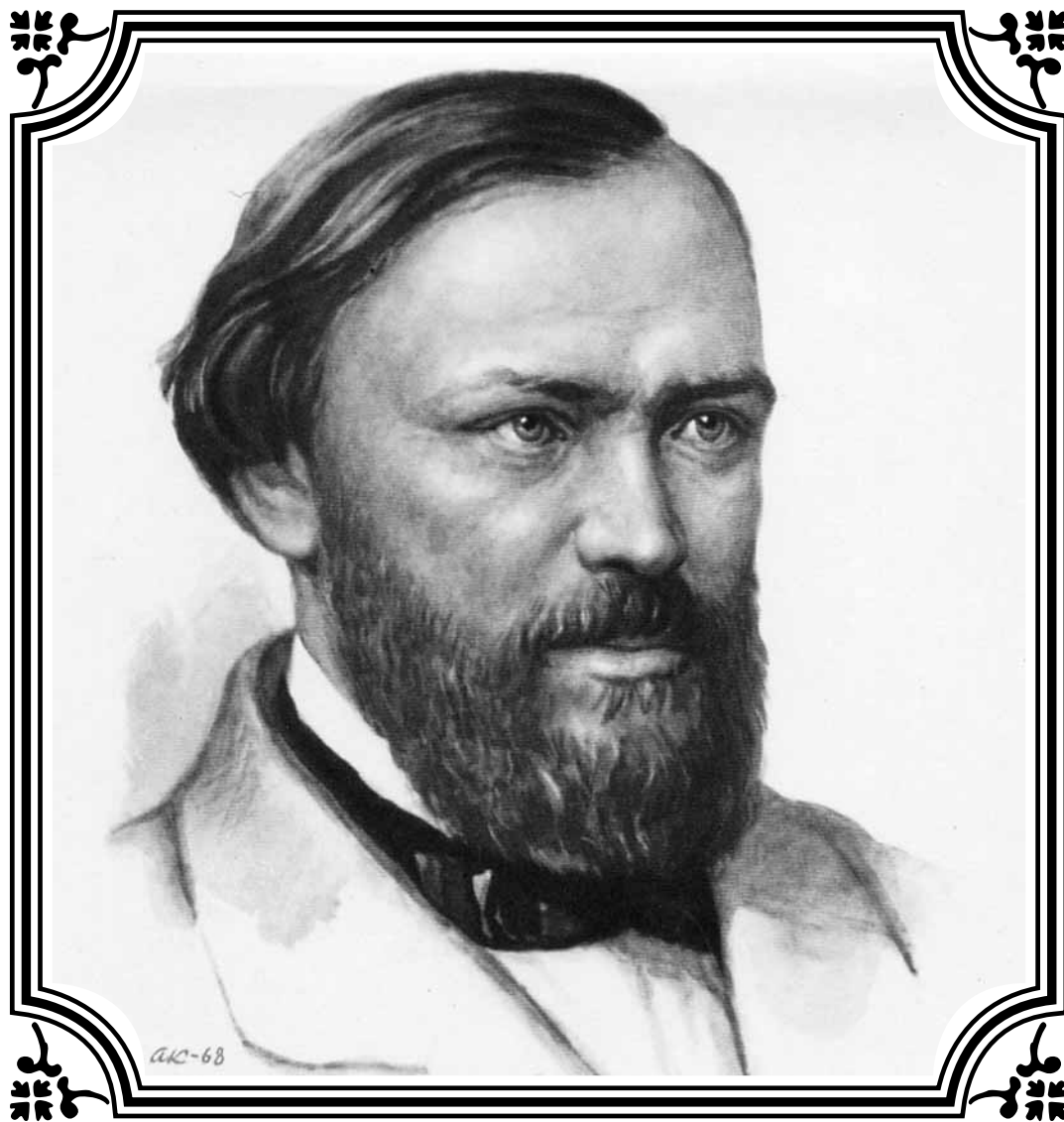
Светлана **Бестужева-Лада** «Прирожденная дипломатка»

« При появлении этого артиста на сцене или на экране зрителей всегда охватывало предвкушение праздника, радостного сюрприза, события. За свою очень долгую жизнь он переиграл в театре и кино сотни ролей и в каждой умел поражать, завораживать, смешить. Даже в образах прохвостов и прохиндеев он умел вызывать симпатию. «Есть во мне какая-то привлекательность. В конце концов, я красивый парень!» — говорит о себе с присущим ему юмором 91-летний Владимир Абрамович Этуш. И он, разумеется, прав.

Георгий **Кричевский**. «Владимир Этуш: «Я по-прежнему «голодный» артист, и печалюсь по поводу ролей, которых уже не сыграю никогда».

« Окончание детектива Иосифа **Гольмана** «Любовь, ненависть и белые ночи»

«Купеческий Шекспир»

Он не был первым русским драматургом. До него уже были созданы такие шедевры, как «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор». Но именно ему, Александру Николаевичу Островскому, суждено было стать основателем русского национального драматического театра. Недоброжелатели называли его «купеческим Шекспиром». Пусть так. Но ведь все-таки Шекспиром.

Его творческий путь не был усеян розами. Еще при жизни драматурга его пьесы объявлялись архаичными, устаревшими. Сегодня подобные обвинения выглядят смехотворными. По произведениям Островского сняты блистательные киноленты: «Женитьба Бальзамина», «Красавец-мужчина», «Жестокий романс» и другие. Его пьесы идут по всей стране. В наши дни только в Москве в репертуар, по крайней мере, полутора десятков театров входят его комедии, ставшие поистине бессмертными, а Малый театр до сих пор называют «домом Островского».

В частной жизни великий драматург являл собой фигуру весьма колоритную и несколько загадочную. Восемнадцать лет прожил он со своей гражданской женой, но никому, даже ближайшим друзьям, неизвестна была ее фамилия, только имя-отчество. Еще при ее жизни он влюбился в одну из ведущих актрис Малого театра, однако, в конце концов, та предпочла ему другого. После смерти жены он на пятом десятке повел под венец молоденькую актрису, больше, чем на двадцать лет моложе себя. Ничто человеческое не было чуждо великому драматургу.

Александр Николаевич Островский родился в Москве, в Замоскворечье, 31 марта 1823 года. Его отец, Николай Федорович, из семьи священника, окончил духовную академию, но в качестве жизненного поприща избрал светскую карьеру. Дослужившись до чина титулярного советника, он получил дворянство, вышел в отставку и занялся частной адвокатской практикой. Мать будущего драматурга, Любовь Ивановна, как и ее муж, происходила из духовного сословия. Была она женщиной необычайно доброй души и жизнерадостного нрава. В детях, а их кро-

ме старшего Саши у нее было трое, души не чаяла. Увы, она умерла, когда Саше не было и девяти лет. Благодаря усилиям и трудолюбию отца семья была весьма зажиточной, причем благосостояние ее все время росло. Домашним образованием Саши последовательно занималось несколько учителей — бывших семинаристов. Особого влияния на мальчика они не оказали, тем не менее, подготовили его к поступлению в гимназию — сразу в третий класс. Ему было двенадцать. В Московской губернской гимназии, что была расположена на Волхонке, Саша осо-

быми успехами не блистал. На передних партах, где располагались лучшие ученики, сживал редко, но и в числе последних не числился. По правде говоря, он и ходил-то на занятия весьма неохотно. Будучи уже в преклонных годах, знаменитый драматург называл это почтенное учебное заведение «треклятой гимназией».

После смерти жены отец Саши не долго оставался вдовцом. Спустя четыре года он женился на семнадцатилетней Эмилии фон Тессен, происходившей из обрусевшего шведского дворянского рода. Молодая мачеха окружила детей лаской и заботой. Достаточно образованная, она занималась с ними музыкой и языками, а они, в свою очередь, относились к ней с доверием и уважением. Уже зрелым мужчиной Островский, обращаясь к ней, неизменно называл ее «маменькой».

У Николая Федоровича была богатая библиотека, и Саша с интересом читал книги, которыми увлекались его сверстники. Среди них были романы Загоскина, готические романы англичанки Анны Рэдклиф, поэзия Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова.

В 1838 году Саша окончил гимназию — девятым из одиннадцати в своей группе. Не Бог весть, какой результат, но юноше он позволил поступить в университет без экзаменов. По настоянию отца Александр вынужден был поступить не на словесный факультет, как хотел сам, а на юридическое отделение. Увы,

результаты этого шага оказались вполне предсказуемыми. Первый курс он закончил более или менее пристойно, а на втором году обучения стал пропускать лекции и вообще заметно охладел к занятиям. Все это носило столь явный характер, что в конце года факультетское начальство обязало его повторить уже пройденный курс. Выражаясь современным языком, он стал второгодником.

Однако причиной этих событий стало не только отсутствие у него интереса к юриспруденции, но и новое увлечение, целиком захватившее Александра, — театр. Он буквально заболел им. Для московских студентов театр вообще был чем-то большим, чем средством досуга. Без него они не мыслили свою жизнь. Кумирами студентов был великий трагик П.С. Мочалов и выдающийся актер комического амплуа М.С. Щепкин. Артисты драматической труппы Московского императорского театра играли на сцене Большого театра в очередь с музыкальной труппой. Отдельной сценической площадки у них тогда еще не было.

Время, проведенное в театре, Островский считал лучшими часами своей жизни. Слушать второй раз уже знакомый курс было невыразимо скучно, и он не утруждал себя посещением лекций, зато почти все деньги, получаемые от отца, тратил на театральные билеты. Именно здесь для него была сосредоточена подлинная жизнь. Мало-помалу Александр знакомился с актерами и начал бывать

за кулисами. А днем — чаще, чем в университете, — его можно было застать в трактире «Британия», расположенном напротив. Здесь за чаем с ромом студенты обсуждали последние спектакли, вышедшие в свет книжки, литературные журналы. Незаметно подошли экзамены. На первом же, по истории римского права, Александр получил единицу. Как второгоднику, ему грозило исключение. Не дожидаясь этого, он сам подал прошение об уходе, и вскоре ему было выдано свидетельство об «увольнении из университета».

сти». Впрочем, вскоре отец добился перевода Александра в более солидное учреждение — Московский коммерческий суд. Островский и прежде знал многое из скрытой, невидимой миру жизни купечества, встречая дома клиентов отца, но только сейчас он смог собственными глазами увидеть то, что творится за высокими тесовыми заборами купеческих домов. Ему открылись скрытые пружины происходивших там событий. Полученные впечатления искали выхода, и Александра все глубже захватывала ли-

Причиной того, что Саша охладел к занятиям в университете, стало увлечение, целиком захватившее его, — это был театр. Время, проведенное в театре, он считал лучшими часами в своей жизни

Отец, разумеется, разгневался. Александр был лишен собственного выезда, материальная помощь ему была урезана. Но не оставлять же родное детище на произвол судьбы? Николай Федорович попытался устроить сына в Московский «совестной» суд на должность канцелярского служителя. В этот суд обращались с исками родители против детей и дети против родителей — суд пытался разрешить эти споры мировым соглашением, «по сове-

тература. Первой пробой пера, дошедшей до нас, является рассказ «Сказ о том, как квартальный надзиратель пустился в пляс, или От великого до смешного только один шаг». Он датирован концом 1843 года. Строгий критик нашел бы в нем немало изъянов, тем не менее, талант двадцатилетнего автора был несомненен. Он начал пробовать себя и в драматическом жанре. Уже в первых драматических опытах Островский понял: вся сила комедии в языке.

Герои на сцене должны говорить так, как говорят люди где-нибудь на Зацепе или в Охотном ряду. Впрочем, ему еще не хватало опыта и мастерства, и несколько начатых пьес он так и не закончил. Но ведь мастерство — дело наживное, и ничего не добивается тот, кто ничего не делает, а Островский упорно работал.

В начале января в газете «Московский городской листок» появились его «Сцены из комедии «Несостоятельный должник». Они были подписаны лишь инициалами А.О., и гонорара автор не получил никакого. Тем не менее, Островский был счастлив. Решив ковать железо, пока горячо, он взял первое действие

восхищался Пушкин, друживший с Гоголем, поздравил всех с появлением «нового светила в русской литературе». Ободренный успехом, Островский с новыми силами принялся за работу.

Однако упорный труд вовсе не мешал ему и развлекаться. Ведь Александру всего двадцать четыре года. Он и его друзья — студенты, оканчивавшие университет, и молодые литераторы — не упускали случая повеселиться и погулять. Они посещали балы, маскарады, заводили интрижки с хорошенькими женщинами. Влюбчивый Александр был хорош собою, одевался у модных портных и имел успех у светских красавиц.

Островский и раньше знал многое из невидимой миру жизни купечества, встречая дома клиентов отца. Но, только поступив на службу в Московский коммерческий суд, смог собственными глазами увидеть то, что происходило за высокими тесовыми заборами купеческих домов

своей незаконченной пьесы «Исковое прошение» и быстро переделал его в самостоятельную пьеску «Картина семейного счастья». Прежде чем напечатать пьесу, Островский, по просьбе своего бывшего университетского профессора С.П. Шевырева, прочитал ее у него на квартире. Успех превзошел все его ожидания. Шевырев, стихами которого

Впрочем, именно в это время произошло событие, которое, на первый взгляд, трудно объяснить. Он познакомился с молодой женщиной, жившей неподалеку от дома отца. Звали ее Агафья Ивановна, и она была чуть старше его. Далеко не красавица, простая девушка из мещан, она, тем не менее, обладала таким обаянием, чистотой чувств, природным умом,

а главное, сердечностью, что Александр не мог не влюбиться в нее. На брак с Гашей, как он ее называл, Островский не мог решиться — отец не простил бы ему этого шага и лишил бы помощи. Впрочем, Гаша и не требовала от него ничего. Ей было достаточно, что любимый человек был рядом. Она окружила его заботой и никогда не корила за увлече-

ния другими женщинами. Восемнадцать лет прожила она с Островским его невенчанной женой, а это были не простые годы. У них рождались дети, но, увы, все они рано умирали. Удивительно, но не только изображений Агафьи Ивановны не сохранилось, но даже фамилия ее так и осталась неизвестной. Для всех, кто приходил в их дом, она так и оставалась

*А.Н. Островский читает пьесу «Гроза» актерам.
Вторая справа — Л. Косицкая*

Агафьей Ивановной или Гашей. Отец Островского, в конце концов, смирился с выбором сына, но никаких отношений с его «сожительницей» не поддерживал. Он отдал Александру небольшой деревянный домик в Николо-Воробьинском переулке, где тот и жил с семьей долгие годы.

Весь 1847, 1848 и половину следующего года Островский работал над своей новой пьесой «Банкрот», которой он позднее дал второе название «Свои люди — сочтемся». Завершенная пьеса была отправлена цензору. Ответ был обескураживающий: «Все действующие лица: купец, его дочь, стряпчий, приказчик и сваха — отъявленные мерзавцы.

Разговоры грязны, вся пьеса обидна для русского купечества, — гласил вердикт. — Пьеса идти на сцене не может».

Разумеется, Островский был расстроен, но сдаваться не собирался. Он решил ознакомить со своей пьесой как можно больше людей, читая ее в московских домах перед самой разной аудиторией — профессурой, именитым купечеством, представителями аристократии. Александр и его друг, замечательный актер Пров Садовский, вместе и по отдельности, с огромным успехом читали комедию. Это произведение молодого драматурга сравнивали с «Тартюфом» Мольера, а некоторые вос-

торженные поклонники называли Островского учеником и даже соперником Гоголя. Кстати, на чтении рукописи в гостиной профессора университета и редактора журнала «Московитянин» М.П. Погодина присутствовал сам Гоголь. Он весьма высоко оценил комедию, хотя отметил «некоторую неопытность автора в приемах», имея в виду построение пьесы.

Вскоре комедия стала распространяться и в рукописных копиях, а в марте 1850 года Погодин напечатал ее в своем журнале. Пьеса вызвала настоящий фурор, журнал буквально рвали из рук, однако запрещение играть пьесу на сцене никто не отменял. Зато Островский получил от Погодина приглашение занять пост его помощника в редакции журнала. В течение нескольких лет, выполняя в «Московитянине» обязанности одного из редакторов, Александр Николаевич печатал в нем свои новые пьесы — «Не в свои сани не садись», «Бедность — не порок», «Не так живи, как хочется».

Погодин был человеком прижимистым и платил Островскому за его произведения очень мало, к тому же с большим опозданием. Его несколько не беспокоило то, что Островский, который уволился из коммерческого суда и лишился за свое непокорство помощи отца, должен существовать только на свои литературные заработки. Еще меньше Александр Николаевич получал за свою редакторскую работу. Рабочий день в «Московитянине» был ненормирован-

Актриса Любовь Никулина-Косицкая

ный, и Погодин, порой задерживая своих сотрудников за полночь, «забывал» угощать их ужином. Нередко Островский со своими приятелями по редакции заходили к знакомому аптекарю на Кузнецком мосту, и тот угощал их разбавленным аптечным спиртом, а на закуску предлагал лепешки от кашля.

Островского, как восходящую звезду на литературном небосклоне, принимали во многих московских домах. С некоторых пор он стал желанным гостем в салоне графини Ростопчиной, хорошо знакомой с Пушкиным и Лермонтовым. В ее салоне играл Лист, пела Виардо. Островский с удовольствием посещал

*Комедия
«Свои
люди —
сочтемся»*

роскошную гостиную графини, куда приглашались многие знаменитости. Являлся он туда всегда один. Он сознавал, что Агафья Ивановна выглядела бы там странно и неуместно, и, хотя искренне любил ее и чувствовал укоры совести, понимал всю невозможность ее появления в салоне. Впрочем, Гаща, по врожденному такту и душевной деликатности, и не настаивала на том, чтобы он брал ее в свет.

Между тем слава «салонного» драматурга уже давно перестала удовлетворять драматурга. Пьесы должны играть на сцене, а не читаться в гостиных для избранного круга любителей и знатоков, — справедливо полагал он. Но цензура по-прежнему была неумолима, находя в пьесах молодого драматурга какую-то видную лишь ей крамолу. И вот, наконец, долгожданный прорыв. В середине января 1853 года в

Большом театре состоялось первое представление комедии «Не в свои сани не садись». Как уже упоминалось, в то время в Большом театре еще ставились драматические произведения, хотя, расположенное через улицу сбоку от него здание бывшего дома купца Варгина с концертным залом было переделано под театр и получило название Малого. Главную роль в комедии играла одна из ведущих актрис этого театра, Любовь Павловна Косицкая. Это был ее бенефисный спектакль. Не красавица, но очень милая, обаятельная, с легкой подвижной фигу-

нивался. На другой день вся Москва говорила о спектакле «Не в свои сани не садись». Одно из последующих представлений посетил сам царь. Николаю I комедия понравилась. Особенно ее назидательный конец. «*Очень мало пьес, которые мне доставили бы такое удовольствие,* — сказал он, а потом добавил по-французски: — *Это даже не пьеса, это — урок*».

1853 год открыл Островскому путь на сцену. Его следующую пьесу «Бедность — не порок» играли уже в Малом театре. Затем там же была поставлена «Бедная невеста». Она

Упорный труд нисколько не мешал двадцатичетырехлетнему Александру еще и развлекаться. Он со своими друзьями — студентами и молодыми литераторами — посещал балы, маскарады, заводил интрижки. Влюбчивый молодой человек был хорош собою, одевался у модных портных и имел успех у светских красавиц

рой, большими голубыми глазами, гладко зачесанными светлыми волосами, звучным сильным контральто, она имела успех в пьесах Шекспира, Шиллера и русских авторов. В роли Авдотьи Максимовны в «Санях» Косицкая была великолепна. Да и другие актеры играли превосходно. Их много раз вызывали на «бис». Вызывали и Островского. Счастливый, он вставал в ложе и смущенно раскла-

также была горячо принята публикой. Имя Островского укрепилось в репертуаре театра.

Осенью 1855 года он написал комедию «В чужом пиру похмелье» и распрощался с журналом Погодина. Началось его сближение с редакцией журнала Некрасова «Современник», в которую входили Толстой, Тургенев и Григорович. Они очень высоко ценили талант Островского.

В начале 1861 года сбылась давняя мечта драматурга. Была разрешена к постановке его многострадальная пьеса «Свои люди — сочтемся». Она игралась на сцене отстроенного после пожара Большого театра. Огромный зал был переполнен. Успех превзошел все ожидания. Бурно вызываемый публикой Островский трижды подходил к барьеру ложи и кланялся рукоплещущему залу. А потом восторженная молодежь, встретившая драматурга в артистическом подъезде, вынесла его на руках на улицу, без шубы, в двадцатиградусный мороз, намереваясь нести его так до самого дома. Благоразумие все-таки взяло верх, кто-то набросил на него шубу, его усадили в сани. Домой его сопровождала толпа в несколько сот человек.

К этому времени в Малом театре с большим успехом уже была сыграна недавно написанная Островским пьеса «Гроза». Создавая образ Катерины, он, к собственному удивлению, все чаще думал о Любове Павловне Косицкой, с которой после постановки пьесы «Не в свои сани не садись» встречался не так уж часто. Тем не менее, он ощущал в ней родственную душу, женщину, понимающую его как художника. А может быть, не только как художника? Репетиции и успех пьесы сблизили их. Обаяние таланта Островского не могло не захватить актрису.

Их тайные встречи пробудили в ней чувственность, в нем — неподдельную страсть. Лишь иногда при-

ходило ей на ум, что для нее это не любовь, а только увлечение. Островский же был готов на все. Даже на расставание с Агафьей Ивановной. Хотя мысль об этом причиняла ему почти физическую боль. Сама Агафья Ивановна, безусловно, понимала, что происходит, и глубоко страдала, но внешне не показывала этого. Близкие отношения, правда, так и остававшиеся несколько неопределенными, Островского с Косицкой продолжались почти два года. И все же время неизбежно приводит к ясности всякую неопределенность. Так случилось и в этот раз. Косицкая страстно влюбилась. Она полюбила молодого купеческого сына, Соколова, который красиво ухаживал за ней — дарил роскошные букеты, богатые подарки, клялся в вечной любви. Увы, добившись своего, он потерял к ней интерес, стал бесцеремонен и нагл. Личное состояние у него было небольшое, прокутив его, он стал обирать Косицкую. Островский был оскорблен тем, что она предпочла ему этого пустого купчика. Но еще долго эта рана кровоточила в его сердце. А Любовь Павловна, доведенная до нищеты и брошенная своим бесчестным любовником, умерла в 1868 году, едва дожив до сорока лет.

Между тем, положение Островского в театральном мире становилось все более заметным. В 1862 году в Мариинском театре в Петербурге расписали новый плафон, на медальоне которого были помещены портреты великих драматургов —

Фонвизина, Грибоедова, Гоголя. И рядом, единственный из современных сценических писателей — Островский. В следующем году его избрали членом-корреспондентом Академии наук. О нем начала писать зарубежная пресса.

Но был ли он счастлив? Постепенно рана, нанесенная неудачным романом с Косицкой, зарубцевавалась. Он вскоре познакомился с недавно вступившей в труппу Малого театра восемнадцатилетней Марьей Васильевной Бахметьевой. Особым драматическим талантом она не отличалась, но была очень недурна собой. Внимание маститого драматурга, естественно, льстило ей. Они стали встречаться. В конце 1865 года у Марьи Васильевны родился сын. Спустя полтора года на свет появился второй мальчик. У «милочки Маши», как называл ее Островский в письмах, характер был ревнивый, страстный и требовательный. Она не отпускала его от себя, упрекала, мучила капризами, подозрениями.

Агафья Ивановна, безусловно, все знала и страдала по-прежнему молча. История с Косицкой надломилась ее, появление Марьи Васильевны лишило жизнь смысла. Она начала часто болеть. Островский очень жалел ее и сильно переживал. Оставить Гашу, как требовала его молодая подруга, он не мог, и даже на время прекратил встречи с Бахметьевой, когда Агафье Ивановне стало совсем худо. Умерла она в начале марта 1867 года. Островский был

безутешен. Он понимал, что ни одна женщина никогда не любила его так нежно и бескорыстно, как Гаша. Тем не менее, через месяц после похорон Марья Васильевна переехала к нему в Николо-Воробьинский дом, а когда у них родилась дочь, они все-таки обвенчались..

Уже в течение многих лет Александр Николаевич проводил лето в имении покойного отца Щельково. В 1867 году они с братом Михаилом решили откупить усадьбу у мачехи. Большую часть денег дал Михаил Николаевич, который делал успешную государственную карьеру. В 1872 году он уже был сенатором, в 1878-м — членом Государственного Совета, и, наконец, в 1881-м — министром государственных имуществ. Сам он в Щельково наезжал редко, и хозяином там был Александр Николаевич. Впрочем, особых талантов к хозяйствованию у него не было, и он передоверил управление имением супруге. К сожалению, и Марья Васильевна в сельском хозяйстве разбиралась неважно, зато энергии и желания делать все по-своему у нее было хоть отбавляй. Она хлопотала по дому и усадьбе, препиралась с крестьянами. Застав мужика за рубкой леса в «господском» лесу, отчитывала его, не жалея слов, но под суд отдавала редко — знала, что Александр Николаевич не одобрит этого. Стоило чужой корове забрести в их луга, она велела загонять ее на барский двор и долго не возвращала хозяину. Тогда крестьяне приходили к барыне и упрашивали

Справа:

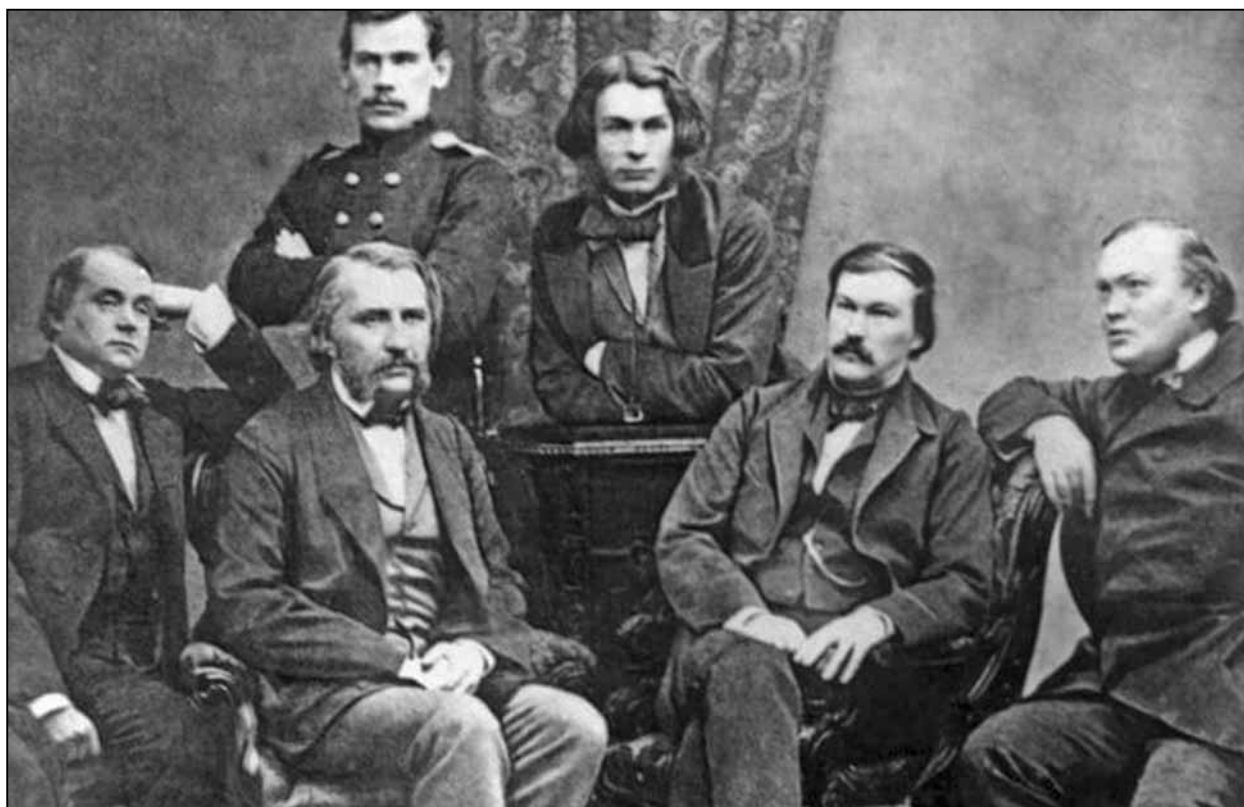
*Золотая редакция
«Современника»:
Иван Александрович
Гончаров,
Иван Сергеевич Тургенев,
Лев Николаевич
Толстой,
Дмитрий Васильевич
Григорович,
Александр Васильевич
Дружинин
и Александр Николаевич
Островский.*

*Марья Васильевна
Бехметьева — жена
А.Н. Островского*

вернуть неразумную скотину. На шум выходил Островский и смиренно обращался к жене: «Выдайте, матушка, Марья Васильевна, скотину мужичкам».

Сам Александр Николаевич в Щелыково старался работать не так интенсивно, как в городе. Он обожал эти края, называя их костромской Швейцарией. Любил походы в лес по грибы и ягоды. С детьми и многочисленными гостями устраивал пикники

в наиболее живописных окрестностях. Но самым любимым его времяпрепровождением была рыбная ловля. Рыбу он ловил на запруде с лодки, в ненастную погоду, укрывшись в деревянной галерейке, специально сооруженной на случай дождя у омута. Пока еще были силы и охотничий задор, Островский ездил осенними вечерами с фонарем бить рыбу острогой в Сендеге, а иногда затевал для гостей ловлю рыбы неводом на Мере.

После закрытия некрасовского «Современника» в конце 60-х Александр Николаевич стал сотрудничать в его же «Отечественных записках». Он печатал там свои шедевры: «На всякого мудреца довольно простоты», «Горячее сердце», «Бешеные деньги», «Лес», «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Волки и овцы», «Бесприданница» и другие, в общей сложности, 22 пьесы. Порой появление этих пьес в журнале предшествовало их постановке на сцене Малого театра, иногда все происходило наоборот.

Работать приходилось буквально на износ. Ведь в 1877 году у Островского с Марьей Васильевной было уже шестеро детей. Чтобы прокормить такую большую семью, нужны были деньги и еще раз деньги. Одна

пьеса в сезон уже не кормила и, если были силы, Островский сочинял зимой вторую.

Не следует считать, что великий драматург писал только «бытовые» пьесы. Его перу принадлежали и произведения на исторические сюжеты, среди которых наиболее известна драма «Василиса Мелентьева». В 1873 году он написал прелестную сказку — «Снегурочка». Она встретила не очень благожелательный отзыв критиков и собратьев по литературе. Зато чрезвычайно понравилась музыкантам. Молодой П.И. Чайковский всего за три недели написал музыку к первой ее постановке, а несколько лет спустя Н.А. Римский-Корсаков сочинил оперу на этот сюжет, сохранив почти весь текст пьесы в либретто.

Между тем финансовое положение Островского стало понемногу улучшаться. В начале 1884 года ему от двора была назначена пенсия в 3 тысячи рублей годовых. Главным же было то, что два года спустя он, наконец, получил должность заведующего репертуарной частью московских императорских театров, которой добивался пятнадцать лет. Да, конечно, он испытывал законное удовлетворение, однако не мог не понимать, что это произошло слишком поздно. Жизнь клонилась к закату, боли и хвори напоминали ему об ее бренности. Его мучили приступы удушья, трепала сильная лихорадка. Александр Николаевич жаловался на постоянно испытываемое раздражение, губительное для него. Он понимал, что такое состояние грозит ударом или мгновенной смер-

нее благодеяние, которое дарит далеко не всем. Это случилось в Щелыково 2 июня 1886 года в 10 часов утра. Островский, читая газету, почувствовал, что задыхается, попробовал подняться и упал, разбив висок о край стола. Когда дочь Маша вбежала в комнату, она нашла его распростертым на полу. Его подняли и положили в кресло. Александр Николаевич прохрипел раз три и затих. Приехавшая из земской больницы фельдшерица констатировала смерть от разрыва сердца. Марье Васильевне сообщили, что мужу очень худо, прямо в церкви. Вне себя от страха и горя, она прибежала домой. Ворвавшись в комнату, упала ему на грудь с криком: «Александр Николаевич, пробудись!» Но его спокойное, с чуть заметной улыбкой в уголках губ ли-

В 1849 году Островский закончил работу над новой пьесой «Свои люди — сочтемся». Это произведение молодого драматурга сравнивали с «Тартюфом» Мольера, а некоторые восторженные поклонники называли его учеником и даже соперником Гоголя

тью. «Хорошо, как пришибет сразу, — говорил он, — а как останешься живым трупом без руки, ноги, без языка, себе и людям в тягость».

Что ж, судьба оказала ему, если позволительно так сказать, послед-

цо было неподвижно, а глаза закрыты навсегда.

Похоронили Островского на местном кладбище. Церемония была обставлена скромно, но сердечно. Друг драматурга, Н.А. Кропачев, пе-

ред открытой могилой произнес трогательную речь. Он так волновался, что в середине ее потерял сознание и едва смог закончить. На могиле был установлен деревянный крест. Позднее он был заменен памятни-

ком из черного мрамора с крестом, на котором было высечено лишь имя, отчество и фамилия драматурга. Но эта простота лишь подчеркивает величие человека, спящего вечным сном под этой плитой. □

Светлана
Бестужева-Лада

История Австрии изобилует интересными фактами и неожиданными поворотами. В 1156 году она была выделена из состава Баварии в самостоятельное герцогство, которое в 1276 году перешло Габсбургам.

Основатель рода Габсбургов жил в X веке. О нем сегодня не сохранилось почти никаких сведений. Известно, что его потомок, граф Рудольф, приобрел земли в Австрии уже в середине XIII столетия. Собственно, их колыбелью и стала южная Швабия, где ранние представи-

тели династии имели родовой замок. Название замка — Габисхтсбург (с немецкого — «ястребиный замок») — и дало имя династии.

В 1273 году Рудольф был избран королем германцев и императором Священной Римской империи. Он отвоевал у короля Чехии Пржемысла Отакара Австрию и Штирию, а его сыновья, Рудольф и Альбрехт, стали первыми Габсбургами, которые правили в Австрии.

В 1298 году Альбрехт наследовал от отца титул императора и герман-

ского короля. А впоследствии на этот трон избирался и его сын. Вместе с тем на протяжении всего XIV столетия титул императора Священной Римской империи и короля германцев был все еще выборным между немецкими князьями, и он не всегда доставался представителям династии.

Лишь в 1438 году, когда императором стал Альбрехт II, Габсбурги окончательно присвоили себе этот титул. С этого периода династия Габсбургов стала набирать все большее могущество, достигнув блестящих высот. Их успехи были заложены удачной политикой императора Максимилиана I, правившего в конце XV—начале XVI века. Правда, главными его успехами были удачные браки: собственный, который принес ему Нидерланды, и сына Филиппа, вследствие чего династия Габсбургов овладела Испанией.

О внуке Максимилиана, Карле V, говорили, что над его владениями никогда не заходит Солнце — настолько широко распространялась его власть. Ему принадлежала Германия, Нидерланды, части Испании и Италии, а также некоторые владения в Новом Свете. Династия Габсбургов переживала наивысший пик своего могущества.

Но после смерти этого монарха исполинское государство распалось, и представители династии разделили свои владения между собой. Фердинанду I достались Австрия и Германия, Филиппу II — Испания и Ита-

лия. В дальнейшем Габсбурги, династия которых разделилась на две ветви, уже не были единым целым.

Они правили большинством государств Европы более пятисот лет, владея все это время Австрией, Бельгией, Венгрией, Германией и Голландией. За 16 поколений семья разрослась до 3-х тысяч человек. А позже, в XVIII веке, начала исчезать.

История межгосударственных контактов между Австрией и Россией восходит к концу XV века. Тогда великий князь московский Иван III обменялся с императором Максимилианом I посольскими миссиями.

Вообще за время правления Ивана III международные связи с другими государствами расширились, в первую очередь со Священной Римской империей, Данией и Венецией, были установлены отношения с Османской империей, заключен союз с Крымским ханством.

Но сын его Василий, находившийся под сильным влиянием матери — византийской принцессы Софьи Палеолог, предпочел сначала навести порядок в собственном государстве, прежде чем расширять международные связи. Посольские миссии обеих стран имели мало значения и для Австрии, которая в то время почти непрерывно оборонялась от турок-османов, и для России, которой сильно досаждали Великое княжество Литовское и Казанское ханство.

Это, правда, не помешало великому князю вторым браком жениться

на литвинке, молодой красавице Елене Глинской, чей отец бежал из Литвы по политическим мотивам. В этом браке доселе бездетный Иван Васильевич обрел двух сыновей — Ивана (будущего Грозного) и Юрия. Наследнику престола было четыре года, когда он осиротел: сначала умер отец, будучи уже пожилым человеком, а потом бояре отравили мать Ивана, «литовскую ведьму».

В боярских склоках и интригах не было места внешней политике, и она оставалась в загоне до тех пор, пока царь Иван не достиг совершеннолетия и не начал править самостоятельно. До Австрии, правда, дело опять не дошло, у русского царства было два сильных врага: Литва и Казань. С первой Иван Васильевич так и воевал до самой своей смерти, вторую взял еще в начале своего царствования.

После смерти Ивана Грозного и его наследника — царя Федора Иоанновича — в России наступили так называемые «смутные времена». Главным врагом была Польша, но немало неприятностей приносила и Швеция. Галицкие земли в ходе европейских войн оказались в составе Австрии, но поскольку они к России не относились, а принадлежали Польше, то русских это событие могло только слегка порадовать, не более того.

После восшествия на трон династии Романовых Европе, включая Польшу, было совсем не до России. Началась Тридцатилетняя война (1618–1648) — первая общеевропей-

ская война. Одна из самых жестоких, упорных, кровопролитных и продолжительных в истории Старого Света.

Начиналась она как религиозная, но постепенно превратилась в спор за гегемонию в Европе, территории и торговые пути. Велась домом Габсбургов, католическими княжествами Германии, с одной стороны, Швецией, Данией, Францией и немецкими протестантами — с другой.

Лишь 24 октября 1648 года в Мюнстере был подписан мирный договор, так называемый Вестфальский, остановивший Тридцатилетнюю войну. Немецкие князья получили право вести независимую от Вены политику. Швеция добилась преобладания на Балтике и Северном море. Франция получила Эльзас и епископства Мец, Туль, Верден. Голландия признана самостоятельным государством. Швейцария навсегда получила независимость от Габсбургов.

Россия, довольно равнодушно наблюдавшая за этим со стороны, вплоть до воцарения Петра I практически не имела прочных связей с Австрией. Только в конце XVII века связи с Габсбургами приобрели регулярный характер: в 1698 году Петр I лично встретился с Леопольдом I в Вене во время своего знаменитого Великого посольства.

По мере экспансии Габсбургов на юг и восток и России на юг и запад отношения между двумя государствами стали играть ключевую роль в обеспечении европейской безопасности.

Верные девизу: «Ты, Австрия, бра- чуйся» — австрийские дипломаты убедили Петра I в закреплении сою- за между двумя странами путем за- ключения брака царевича Алексея с одной из австрийских принцесс. Выбор царя пал на кронпринцессу Шарлотту Бланкенбургскую, сестра которой, Елизавета, была замужем за австрийским эрцгерцогом Кар- лом, впоследствии императором Карлом VI — родня, следовательно, приличная, уважаемая в Европе.

В Галиции, в местечке Яворове, Петр подписал брачный контракт сына: кронпринцесса остается при своем евангелическо-лютеранском исповедании, дети ее принимают греческий закон; кронпринцесса получает пятьдесят тысяч рублей ежегодного содержания из царской казны и, кроме того, половину этой суммы при совершении брака.

Едва Петр вернулся из прусского похода, как последовало и совер- шение брака.

14 октября 1711 года, в резиден- ции польского короля, находящейся в саксонском городе Торгау, была отпразднована пышная свадьба, по- сле чего молодая великая княгиня отправилась в Санкт-Петербург.

Первые месяцы жизнь на новом месте складывалась вроде бы не- плохо — Петр был нежен к невест- ке, вслед за царем свое расположе- ние к Шарлотте старались выказать и его придворные.

Принцесса писала матери: *«Царь меня осыпает ласками и милостями.*

Царица со своей стороны не упу- скает случая выразить мне свое ис- креннее уважение. Царевич любит меня страстно, он выходит из себя, если у меня отсутствует что-либо, даже малозначащее, и я люблю его безмерно».

Увы, кронпринцесса Шарлотта скончалась в ночь с 21 на 22 октяб- ря 1715 года, в возрасте двадцати одного года, оставив годовалую дочь и десятидневного младенца-сына. Первая попытка русско-австрийско- го брачного союза оказалась неудач- ной — к великой досаде царя Петра. Правда, он довольно быстро отвлек- ся на другие дела: война со Швецией все еще продолжалась.

Но еще до брака наследника пре- стола с австрийской кронпринцес- сой произошло событие, первонач- ально оставшееся никем не заме- ченным. В 1704 году в Россию при- был Генрих Иоганн Фридрих Остер- ман, который сыграл громадную роль в развитии и укреплении авст- ро-российских отношений.

Родился он в семье пастора в Бохуме, в Вестфалии, учился в Йен- ском университете, но из-за дуэли должен был бежать в Амстердам, оттуда с адмиралом Крюйсом при- ехал в 1704 году в Россию.

Быстро выучившись русскому языку, Остерман приобрел доверие Петра и в 1707 году был уже пере- водчиком посольского приказа, по- том стал секретарем, сопровождал Петра в Прутском походе, участво- вал в переговорах со шведскими

уполномоченными, а в 1721 году добился заключения Ништадтского мира, за что был возведен в баронское достоинство.

Для лучшего укрепления своего положения Остерман женился на Марфе Ивановне Стрешневой — дочери покойного боярина и стольника Ивана Родионовича Стрешнева, внучке Родиона Стрешнева, «дядьки» Петра I.

Эта свадьба возбудила сильное неудовольствие среди тогдашней русской знати и казалась унижительной для родовитых русских людей. Действительно, двадцатидвухлетняя боярышня Марфа Ивановна доводилась двоюродною правнучкою покойной царице Евдокии Лукьяновне, родной бабке самого государя, и считалась одной из богатых невест, а тридцатичетырехлетний жених был не более как пришелец-иноземец, пасторский сын, к тому же лютеранин...

Остерману принадлежит и заключение в 1723 году выгодного для России торгового договора с Персией, принесшее ему звание вице-президента коллегии иностранных дел. В 1726 году он стал инициатором заключения союза с Австрией.

С вступлением на престол Екатерины I Остерман, как сторонник императрицы и Меншикова, был назначен вице-канцлером, главным начальником над почтами, президентом коммерц-коллегии и членом Верховного тайного совета.

Выбранный в воспитатели Петра II, на которого, однако, мало имел

влияния, после удаления Меншикова Андрей Иванович, как его звали в России, остался во главе управления. Уклонившись в 1730 году, в силу своего иностранного происхождения и болезни ног, от участия в замыслах верховников и даже не подписавшись под «кондициями», он примкнул к шляхетству, стал, вместе с Феофаном Прокоповичем, во главе партии, враждебной верховникам, и переписывался с Анной Иоанновной, давая ей советы.

С вовлечением России в европейские дела формирование союза между Россией и Австрией, направленного против Османской империи и Франции, стало частью политики обоих государств, что объяснялось их внешнеполитическими интересами. В 1729 году страны подписали Венский союзный договор, ставший основой одного из самых продолжительных альянсов в истории международной политики XVIII века.

Со вступлением на престол Анны Иоанновны, наградившей Остермана графским достоинством (1730), для него открылось обширнейшее поле деятельности. Будучи главным и единственным вершителем дел внешних, он являлся и лучшим советником во всех серьезных делах по внутреннему управлению.

Именно с его активной помощью был заключен брак племянницы русской императрицы Анны Иоанновны с иноземным принцем. Почему-то писатели-историки считают Антона Ульриха Брауншвейгского «захуда-

лым принцем». На самом деле принц был родным братом датской королевы Юлианы Марии, фактической правительницы страны.

Когда императрица Анна Иоанновна искала жениха для своей племянницы принцессы Анны Мекленбург-Шверинской, то, под влиянием Австрийского двора, точнее, под влиянием Остермана, она остановила свой выбор на Антоне. Он прибыл в Россию в начале июня 1733 года совсем еще мальчиком. Здесь его стали воспитывать вместе с Анной в надежде, что между молодыми людьми установится прочная привязанность, которая со временем перейдет в более нежное чувство.

Надежды эти не оправдались. Анна с первого же взгляда невзлюбила своего суженого, юношу невысокого роста, женоподобного, заику, очень ограниченного, но скромного, с характером мягким и податливым. Тем не менее, брак этот состоялся, а через год у них родился первенец Иван. Вскоре императрица смертельно заболела и, по настоянию Бирона и канцлера Бестужева объявила Ивана Антоновича наследником престола, а Бирона — регентом.

Но его регентство продолжалось меньше сорока дней. Фельдмаршал Миних очень ловко устроил государственный переворот, регентство перешло к Анне Леопольдовне, а Антон-Ульрих был провозглашен генералиссимусом российских войск,

*Генрих Иоганн Фридрих
(Андрей Иванович) Остерман*

к большой радости Вены и с ее одобрения.

Взошедшая на трон в результате переворота в России в 1740 году Елизавета мало уделяла внимания государственным делам. Сосланный в Сибирь Остерман уже не мог влиять на текущие события. И наследника себе Елизавета выбрала отнюдь не в Австрии: она выписала к себе брата своей покойной сестры Анны герцога Петера-Ульриха Голштинского, заставила его принять православие под именем Петра Федоровича и женила на принцессе Софии-Фредерике Ангальст-Цербтской — будущей Екатерине Великой.

Обе монархии выступали союзниками во время войны за польское наследство (1733–1738), войны за австрийское наследство (1740–1748) и Семилетней войны (1756–1763). События Французской революции привели к формированию идеологической солидарности между Россией и Австрией, которые воевали против Франции в революционных и наполеоновских войнах. В результате этих войн эрцгерцог Австрии лишился титула императора Священной Римской империи, но получил титул императора Австрии.

Первым российским послом в Вене был назначен в 1763 году князь Дмитрий Михайлович Голицын, который прослужил в этой стране 18 лет. Впоследствии послами становились другие видные дипломаты и государственные деятели, в том числе граф Андрей Кириллович Разумовский, князь Александр Михайлович Горчаков, князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский.

После Венского конгресса обе страны стали основными защитниками новой системы международных отношений.

А вот во время Крымской войны Австрия придерживалась политики враждебного нейтралитета по отношению к России и, хотя она и не участвовала в военных действиях, в целом поддерживала англо-французскую коалицию. Австрийская позиция сильно раздражала российского императора Николая I, что

стало причиной дальнейшей натянутости отношений между двумя монархиями.

В 1867 году австрийским императором была издана конституция, провозглашавшая Австрию конституционной дуалистической цензовой монархией, законодательным органом становился имперский совет, состоявший из палаты лордов — титулованного дворянства, и палаты представителей. Главой государства объявлялся наследственный император, исполнительным органом — министерство, назначавшееся императором и несшее перед ним ответственность.

Австро-Венгрия была сильно обеспокоена панславянистской политикой Российской империи, которая предполагала создание общеславянского государства при руководящей роли российского императора. Это привело к антиславянской политике Австрии как внутри страны, так и во внешней политике. Основным источником напряженных отношений между двумя странами был так называемый «восточный вопрос»: что делать со слабеющей Османской империей и ее мятежным христианским населением.

Для противодействия поддержке со стороны России движений за независимость на Балканах, в 1878 году Австро-Венгрия оккупировала Боснию. Это вызвало конфликт между Австрией и Княжеством Сербии, автономным (де-факто независимым) государством в рамках

Османской империи, которое пользовалось поддержкой со стороны России. В 1882 году Сербия стала королевством, а в Османской империи ускорились центробежные тенденции. Когда турки-османы попытались восстановить контроль над Боснией, Австрия в 1908 году формально аннексировала ее, встретив противодействие со стороны России и Сербии.

Долгосрочным результатом этого «боснийского кризиса» стали очень натянутые отношения между Австро-Венгрией и Россией вместе с Сербией. После Сараевского убийства 28 июня 1914 года австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда девятнадцатилетним сербским студентом Гаврилой Принципом, который являлся членом тайной организации «Млада Босна», боровшейся за объединение всех южнославянских народов в одно государство, началась Первая мировая война, в которой Австрия и Россия выступали противоборствующими сторонами. Результатом войны для обоих государств стали революция и свержение монархии.

11 ноября 1918 года кайзер Австрии и король Венгрии Карл I декларирует свое самоустранение от царствования над Австрией, 12 ноября 1918 года рейхсрат упразднил монархию и палату лордов, провозгласил империю республикой Немецкая Австрия и частью

Германской империи, что автоматически повлекло разрыв австро-венгерской унии и ликвидацию Австро-Венгрии.

14 ноября члены рейхсрата от заселенных чехами округов Богемии, Моравии и Силезии образовали Чехословацкое революционное национальное собрание, которое провозгласило Чехословацкую республику.

10 сентября 1919 года был подписан Сен-Жерменский мирный договор, Австрии было запрещено воссоединение с Германией, она признавала независимость Чехословакии, Венгрии; Южная Штирия, Славония, Далмация и Хорватия передавались Югославии, Трансильвания и Буковина — Румынии.

10 октября 1920 года был принят федеральный конституционный закон, провозглашавший Австрию федеративной демократической парламентской республикой и учредивший федеральное собрание в качестве законодательного органа.

В 1938 году произошел аншлюс, аннексия Австрии нацистской Германией, федеральные земли были преобразованы в рейхсгау Вена, Верхний Дунай, Нижний Дунай, Каринтия, Зальцбург, Штирия, Тироль-Форарльберг, управляемые назначаемыми рейхсканцлером Германии наместниками.

В октябре 1943 года на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Вели-

кобритания приняли «Декларацию об Австрии», в которой «аншлюс Австрии» признавался «несуществующим и недействительным», хотя обращалось внимание на то, что она несла ответственность за участие во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии.

В апреле 1945 года войска стран антигитлеровской коалиции изгнали из Австрии вермахт, фашистские наместники были смещены, власть была передана временным земельным правительствам, состоящим из противников фашизма.

Начался процесс денацификации, для контроля за которым страна была оккупирована войсками четырех государств-членов антигитлеровской коалиции и разделена на четыре зоны оккупации: советскую, британскую, американскую и французскую.

В октябре 1955 года был принят закон о постоянном нейтралитете Австрии, который она соблюдает до сих пор. Все союзнические войска с территории Австрии были выведены.

Времена «холодной войны» принесли дипломатическую известность Австрии, ее столице Вене. Здесь обосновались представительства крупнейших международных организаций, в том числе ООН. Успешно развивалась послевоенная экономика страны.

1 января 1995 года Австрия присоединилась к Европейскому союзу.

Современные отношения между Россией и Австрией развиваются неоднозначно.

«Отношения между Россией и Австрией, несмотря на все сложности, с которыми мы сталкиваемся в последнее время, имеют для нас большое значение. Мы всегда уделяли особое внимание нашим торгово-экономическим связям. К сожалению, в результате тех сложностей, о которых я уже упомянул, у нас произошло значительное снижение товарооборота почти на 25%. Хотя российский экспорт в Австрию, как ни странно, немного, но все же начал расти», — сказал президент Владимир Путин на встрече с федеральным президентом Австрии Хайнцем Фишером.

«Тот, кто заинтересован в развитии хороших экономических отношений между Европой и Россией, — не рад тому, что существуют санкции... Но я должен сказать, что Австрия является лояльным членом Евросоюза, и она должна придерживаться тех решений, которые были приняты в отношении России», — заявил Фишер.

Если бы члены австрийского правительства прислушивались к мнению некоторых своих политиков о том, что союз с Россией способен стабилизировать ситуацию в Центральной Европе, многое могло бы пойти по другому сценарию. Но, увы, у истории нет сослагательного наклонения... □

«ПОЭТ МЫСЛИ»

*Он шел своим дорогим путем и независимо...
Он у нас оригинален — ибо мыслит.
Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему,
правильно и независимо,
между тем как чувствует сильно и глубоко.*

А.С. Пушкин о Е.А. Баратынском

Этот поэт считался в 20-е годы XIX века «самым достойным соперником Пушкина». Он был классичен по манере, гораздо более Пушкина питаясь «осьмнадцатым» столетием, отсекал все лишнее, необязательное. Но, стараясь придать своей мысли предельно концентрированное, сжатое выражение, был порой лишен божественной моцартианской легкости, которая создает у читателя ложное впечатление, что Пушкин писал безо всякого труда.

Баратынский мечтал о слиянии с природой, о «первобытной непосредственности духовной жизни», а стал жертвой аналитического мирозерцания и философствования. Юность его была омрачена преступной шалостью, позорным проступком, который поэт искупал долгие годы. Он рано женился и был счастлив в семейной жизни, но глубокая меланхолия навсегда осталась основой его характера и его поэзии. Баратынский опубликовал несколько стихотворных сборников, высоко оцененных лучшими критиками «партии поэтов», в том числе Пушкиным и Киреевским, однако читающая публика встретила их достаточно холодно, а молодые «низкородные» журналисты, такие, как Надеждин, даже злобно высмеяли.

Он, конечно же, опередил поэтической мыслью свою эпоху, выступив своеобразным мостом между остроумными стихотворцами 18-го столетия и метафизическими устремлениями ряда крупнейших русских и западных поэтов века 20-го.

Умер Баратынский в Неаполе, пережив Пушкина на семь лет и написав гораздо меньше, чем тот, и то лишь — в жанре философской лирики. И все же его творческое наследие по-своему исключительно и далеко еще не освоено нами.

Евгений Абрамович Баратынский по праву рождения принадлежал к высшему кругу русской знати. Представители шляхетского рода Боратынских (их фамилия происходит от названия замка Боратынь в Галиции) в конце XVII века выехали в Россию.

Дед поэта, Андрей Васильевич Баратынский, помещик и титулярный советник, в молодости служил в полку Смоленской шляхты. Бабушка — Авдотья Матвеевна, урожденная Яцына, принесла в семью Баратынских в качестве приданого отцовское село Подвойское. Более других на служебном поприще вы-

двинулся непосредственно отец поэта, Абрам Андреевич. Отставной генерал-лейтенант, участник Русско-шведской войны (1788–1790 гг.), он состоял в свите Павла I, командовал Лейб-гвардии Гренадерским полком. Мать, Александра Федоровна (урожденная Черепанова), была дочерью коменданта Петропавловской крепости, выпускницей Смольного института и фрейлиной императрицы Марии Федоровны.

В 1796 году Павел I пожаловал Абраму Андреевичу и его брату большое поместье Вяжла с двумя тысячами душ в Кирсановском уезде

Тамбовской губернии, где 7 (19) марта 1800 года и родился будущий поэт. Там прошло раннее детство Баратынского. Дядькой-воспитателем у маленького Евгения был итальянец, так что язык страны, в которой он окончил свои дни, был ему привычен с детства. Кроме того, в доме был принят французский, на котором смысленный мальчик писал

деспотичная женщина, изводившая сына гиперлюбовью вплоть до самой женитьбы. Тем не менее, он был к ней очень привязан и во всем слушался. Отечественная война 1812 года вступала в решающую фазу, когда Евгения приняли в Пажеский корпус. В письмах к матери он писал о своем желании посвятить себя службе на флоте и об успехах в учебе. Года два

Нолдата Баратынского приняли в кругу офицеров полка как своего. Именно там, а не на паркетe светских салонов он близко сошелся с избранным кругом пушкинских друзей-литераторов, которые поддержали его первые поэтические опыты. Да и само формирование поэта произошло в годы воинской службы, столь чуждой мечтательной и свободолюбивой натуре Баратынского

с восьми лет. В этом возрасте его отдали в частный немецкий пансион в Петербурге. Таким образом, и немецкий язык вскоре вошел в культурный обиход Евгения. Пансион готовил своих воспитанников к поступлению в Пажеский корпус — самое престижное учебное заведение Российской империи, имевшее целью предоставлять отпрыскам знатных дворянских фамилий возможность достижения военных чинов I–III класса.

В 1810 году скончался отец поэта, и его воспитанием занялась мать, добрая, умная, энергичная, но весьма

все обстояло благополучно, а потом успеваемость и поведение Баратынского стали какими-то неровными, чем вызывали озабоченность преподавателей. В юноше неожиданно проснулся бунтарский дух, который выливался в осознанное внутреннее сопротивление мертвящим корпусным порядкам. В результате, Баратынского оставили на второй год.

Будущий поэт, мечтатель и философ оказался в компании дерзких шалунов, развлекавшихся веселыми проделками, чтобы досадить начальству, и воображавших себя шиллеровскими «разбойниками».

Они даже образовали под влиянием его драмы тайное «Общество мстителей». Евгений, не задумываясь о последствиях, принимал активное участие в их проказах. Позднее он так объяснял это: *«Мысль не смотреть ни на что, свергнуть с себя всякое принуждение меня восхитила; радостное чувство свободы волновало мою душу...»* Озорство подростков кончилось плохо. В феврале 16-го они, по обыкновению буйно расшалившись, украли из бюро ро-

дителя одного из членов их компании (тот сам предоставил товарищам ключ) пятьсот рублей и черепаховую табакерку в золотой оправе, беспечно накупив себе сладостей.

Постыднейший для дворянина поступок был раскрыт и привел к исключению 16-летнего Баратынского из Пажеского корпуса, с запретом поступать на государственную службу, кроме военной — причем, солдатом. Но, что еще важнее, содеянное вызвало у молодого человека глубо-

кую психическую травму, которая наложила отпечаток на всю его дальнейшую жизнь и придала поэзии Баратынского отзвук затаенной грусти и печали. Удивительно, как порой неприглядное деяние может быть искуплено творческим взлетом. В жизни же поэту пришлось искупать свою вину долго.

Покинув столицу, он несколько лет жил то с матерью в Маре, то у дяди по отцу, отставного вице-адмирала Б. Баратынского, в Смоленской губернии. Деревня дяди оказала благотворное воздействие на израненную душу Евгения. Он нашел там небольшое общество веселой молодежи и — самое главное — начал писать стихи.

Тем не менее, мучительное воспоминание о бесчестной провинности сидело в нем подобно огромной занозе, не давало покоя его совести и самолюбию. Юноша, не показывая вида, страшно тяготился своим клеймом позора и три года тщетно надеялся на высочайшее прощение. Так и не дождавшись, он в январе 1819 года, по совету родных, отправился в Петербург и, чтобы смыть позор, с немалыми трудностями поступил рядовым в Лейб-гвардии Егерский полк. Начинаясь его взрослая, его творческая жизнь.

Евгений Абрамович прибыл в Семеновские казармы на тогдашней Звенигородской улице, которые занимал Егерский полк. Разжалование в солдаты до выслуги офицерского чина за отличие, либо добровольная

солдатская лямка ради получения погон офицера, дающих право на дворянство, были не редкостью в царской России и находили отражение в литературе. Так, красуясь, носил «толстую солдатскую шинель» Грушницкий в «Герое нашего времени». Рядовым участвовал в Бородинском сражении разжалованный за дуэль с Пьером Безуховым буян Долохов в «Войне и мире».

Поэтому солдата Баратынского приняли в кругу офицеров полка как своего. Еще один любопытный факт. Именно в полку, а не на паркетe светских салонов он близко сошелся с избранным кругом пушкинских друзей-литераторов, которые поддерживали его первые поэтические опыты. Да и само формирование поэта произошло до выхода в отставку, в годы воинской службы, столь чуждой мечтательной, свободлюбивой натуре Баратынского.

Приятель по корпусу Креницын познакомил его с лицейским другом Пушкина бароном Дельвигом, а тот, в свою очередь, представил Пушкину Баратынского. Сверстники понравились друг другу и быстро сблизились. Среди нижних чинов в полку Евгений как дворянин пользовался значительно большей свободой, вне службы ходил во фраке, мог жить не в казарме, а на съемной квартире, которую делил с Дельвигом. По этому поводу они на пару сочинили шуточный стишок:

*Там, где Семеновский полк, в пятой
ротe, в домике низком,*

*Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили немного,
В лавочку были должны, дома обедали редко...*

По словам П. Вяземского, эта компания представляла собой забавное зрелище: высокий, нервный, склонный к меланхолии Баратынский, подвижный, невысокий Пушкин и толстый вальяжный Дельвиг. «Пушкин, Дельвиг, Баратынский — русской музы близнецы». Тогда они

ловича. Видно, ему доложили, кто стоит на часах, он подошел ко мне, спросил фамилию, потрепал по плечу и изволил ласково сказать: "Послужи!"»

Тем не менее, Баратынский не только находил время для творчества, но и упорно совершенствовал мастерство. К 1819 году уже вполне овладел техникой и различными формами стиха и — главное — выработал оригинальный отличительный стиль. Его произведения стали приобретать то «лица необщее выраженье», которое сам он впослед-

А обществе Баратынского ценили как блестящего собеседника, а он предпочитал уединяться в тиши кабинета и работать над стихами, придя к окончательному убеждению, что «в свете нет ничего дельнее поэзии», за исключением друзей-единомышленников

были просто беспокойные талантливые юноши, все время говорили о поэзии, и каждый искал в ней собственный путь. Позже к ним прикнул еще один лицейский товарищ Пушкина, Кюхельбекер (Кюхля).

Между тем солдатская служба оставалась службой, с караулами, муштрой на плацу, ружейными приемами и летними маневрами. Баратынский вспоминал: «Один раз меня поставили на часы во дворец во время пребывания в нем покойного государя императора Александра Пав-

ствии признавал существенным достоинством своей поэзии и о котором писал в тонком стихотворении «Муза»: «...Но поражен бывает мельком свет \\ Ее лица необщим выраженьем, \\ Ее речей спокойной простотой».

На следующий год Баратынский был произведен в унтер-офицеры и переведен из гвардии в Нейшлотский пехотный полк, стоявший в Финляндии, в укреплении Кюмень и окрестностях. Полком командовал родственник поэта и их сосед по

имению подполковник Г. Лутковский, что скрашивало Евгению Абрамовичу воинскую жизнь в окружении суровой северной природы, вдали от общества. С другой стороны, эта обстановка усилила романтический характер поэзии Баратынского, придав ей особо элегическое настроение. Финляндские впечатления отразились в нескольких лучших стихотворениях — «Водопад», «Финляндия». *«Шуми, шуми с крутой вершины, \ \ Не умолкай, поток седой! \ \ Соединяй протяжный вой \ \ С протяжным отзывом долины!»*

Сначала Баратынский вел в Финляндии, по его словам, жизнь «тихую, спокойную, размеренную». Общение поэта ограничивалось двумя-тремя офицерами, которых он встречал в доме полкового командира. Молодой унтер после службы засиживался там допоздна. Там же сблизился с адъютантами финляндского генерал-губернатора А. Закревского — Н. Путятой и А. Мухановым. С Путятой сохранил дружбу на всю жизнь.

В период военной службы в Финляндии Баратынский продолжал печататься. Его стихи появлялись на страницах альманаха Бестужева и Рылеева «Полярная звезда», хотя поэтов-декабристов они не вполне устраивали. В них отсутствовала социальная тематика, к тому же чувствовалось влияние классицизма. Вместе с тем самобытность этого поэта-диалектика у издателей «Полярной звезды» сомнения не вызывала.

Осенью 1824 года, благодаря ходатайству Путяты, Евгений Абрамович получил разрешение приехать в Гельсингфорс и состоять при корпусном штабе генерала Закревского. Там поэта ожидала жизнь шумная и беспокойная. Он страстно влюбился в жену своего высшего начальника, графиню Аграфену Закревскую (урожденную графиню Толстую). Ею также были увлечены Вяземский и Пушкин, назвавший ее в посвященном Закревской стихотворении «беззаконной кометой в кругу расчисленном светил». Женщина яркая, своевольная и умная, Аграфена Федоровна очаровывала всех, кто к ней приближался. Дочь известного библиофила Федора Толстого и Степаниды Дурасовой, внучки богатейшего золотопромышленника И. Мясникова, она состояла в родстве с княгиней Е. Трубецкой и самим Л.Н. Толстым. Смуглая красавица, царившая на балах, избалованная и на вид капризная, Грушенька (как звали ее в свете) отличалась безграничной добротой. В ее усадьбу Ивановское под Подольском в 30-е годы съезжалась вся Москва.

Любовь к Закревской принесла молодому Баратынскому немало мучительных переживаний, которые отразились в таких его прекрасных стихах, как «Мне с упоением заметным», «Фея», «Не обманула вас молва», «Мы пьем в любви отраду сладкую» и других.

Впрочем, пылкая страсть у поэта, любителя математики, всегда ужи-

валась с холодной рассудочностью. Недаром в одном из писем Путяте он прямо отмечает: *«Спешу к ней... но надеюсь, что первые часы уединения возвратят мне рассудок. Напишу несколько элегий и засну спокойно».*

*Приманкой ласковых речей
Вам не лишит меня рассудка!
Конечно, многих вы милей,
Но вас любить — плохая шутка!*

Из Гельсингфорса Баратынскому предстояло вернуться к себе в полк в Кюмень, куда весной 1825 года Путята привез ему долгожданный приказ о производстве в офицеры. Это поэта «очень обрадовало и оживило». Попытки друзей добиться для него офицерского звания долго наталкивались на отказ императора по причине независимого характера и оппозиционных высказываний Баратынского. А ведь за него настойчиво хлопотали Жуковский, Вяземский, Н. Тургенев. Ему горячо сочувствовал Пушкин. Сам подвергнутый ссылке в Михайловское, он в начале 1825 года писал брату Льву: *«Что Баратынский?.. И скоро ль... долго ль?.. как узнать?.. Бедный Баратынский, как подумаешь о нем, так поневоле постыдишься унывать... Свечку поставлю за Закревского, если он его выручит...»*

Закревский выручил. После семи лет беспорочной службы поэта нижним чином теперь Евгений Абрамович сам мог распоряжаться своей судьбой. Сбросивший тяжкий груз с плеч, он в конце мая заказал в Гельсингфорсе через Муханова го-

лубые эполеты с вышитой на них золотом цифрой «23» (номер дивизии). И — писал радостные письма матери, оставшимся в России друзьям...

Находясь на воинской службе в Финляндии, поэт продолжал сочинять стихи. Помимо элегии «Финляндия», истинные шедевры его лирической поэзии тех лет — «Две доли», «Истина», «Признание» увенчались чудесным «Разуверением» («Не ищай меня без нужды...»), положенным на музыку Глинкой и остающимся излюбленным русским романсом.

Вскоре Нейшлотский полк был переведен походным порядком «держатъ караулы» в Петербург, где Евгений Абрамович возобновил прежние литературные связи. Осенью того же года он возвратился с полком в Кюмень. Ненадолго съездил к «старым алтарям» в Гельсингфорс, и там его застало неожиданное известие о болезни матери. 30 сентября 1825 года он уехал в отпуск в Москву и больше уже в Финляндию не вернулся.

Поначалу Евгений Абрамович собирался из-за болезни матушки перевестись в один из полков, стоявших в Москве, но в ноябре познакомился в доме Мухановых с гусарским поэтом и лихим партизаном 1812 года Денисом Давыдовым, а тот убедил его выйти в отставку и предложил свое участие.

В январе 1826 года Баратынский стал свободным человеком. «Судьбой наложенные цепи упали с моих рук», — записал он по этому поводу.

*Жена
Анастасия
Львовна
Энгельгардт*

В Москве поэта ждали новые тяготы светских обязанностей. Он жаловался в письме Путяте: *«Сердце мое требует дружбы, а не учтивостей, и кривлянье благорасположенья рождает во мне тяжелое чувство... Москва для меня новое изгнание».*

Денис Давыдов ввел Баратынского в дом своего родственника,

отставного генерал-майора Л. Энгельгардта (Давыдов был женат на его племяннице). Вскоре Евгений Абрамович посватался к старшей дочери генерала, Анастасии, и 9 июня обвенчался с ней в церкви Харитония в Огородниках, бросившись в брак без раздумья, как в омут с головой.

Супруга Баратынского не отличалась особой красотой, зато обладала острым умом и тонким вкусом. О муже старалась, как могла, заботиться, однако ее беспокойный, нервический характер доставлял немало страданий Евгению Абрамовичу и повлиял на то, что многие его друзья отделились от их дома. И все же мирная семейная жизнь поэта приносила свои плоды. В нем постепенно сгладились мятежные порывы, неоправданное буйство, приступы тяжелой меланхолии. Он сам признавался в этом, когда писал: *«Весельчакам я запер дверь, я пресыщен их буйным счастьем...»*

Как бы то ни было, внешняя жизнь Баратынского проходила без видимых потрясений и драматических событий. Брак принес ему материальное благополучие и прочное положение в высшем свете Первопрестольной. В 1828 году он поступил на службу в Межевую канцелярию с чином коллежского регистратора, который соответствовал его армейскому чину прапорщика. В 1830-м получил следующий чин губернского секретаря, а на следующий год вышел в отставку и больше не служил.

Поэт обитался с женой то в Москве, то в своем имении, в сельце Мураново, близ Троицко-Сергиевой лавры (там сейчас находится мемориальный музей), то в Казани. Много и успешно занимался хозяйством. Иногда наезжал в Петербург и в 1839 году познакомился там с Лермонто-

вым. О чем беседовали эти два великих наследника Пушкина, нам, увы, неизвестно...

В обществе Баратынского продолжали ценить как блестящего собеседника, а он предпочитал уединяться в тиши кабинета и работать над стихами, придя к окончательному убеждению, что «в свете нет ничего дельнее поэзии». За исключением, конечно, друзей-единомышленников. Подолгу бывая в Москве, Евгений Абрамович тесно сошелся с кружком писателей, поэтов и философов — братьями Киреевскими, Языковым, Хомяковым, Павловым, с закадычным пушкинским другом Соболевским.

Но с ними его больше связывали литературные интересы, а душевное общение он поддерживал в Москве преимущественно с еще одним близким пушкинским другом, князем Вяземским. Иногда бывал в знаменитом салоне З. Волконской. Продолжал помещать стихи в «Северных цветах» и журнале Полевого «Московский телеграф».

После выхода в свет в 1826 году под общей обложкой с авторским предисловием стихотворной «финляндской повести» «Эда», высоко оцененной Пушкиным, и поэмы «Пирры» известность Баратынского стала расти. На следующий год был издан его первый сборник лирических стихотворений, а через год — поэма «Бал» (в одном томе с «Графом Нулиным» Пушкина). Затем последовала поэма «Наложница» («Цыганка»)

и в 1835 году — второй сборник стихов с портретом автора.

Часть литературной критики отнеслась к произведениям поэта поверхностно, в особенности те, кто был настроен неприязненно по отношению к пушкинской плеяде. На него нападали за будто бы преувеличенный «романтизм». Понадобился весь неоспоримый авторитет Пушкина, внимательно следившего за творчеством младшего собрата, чтобы, невзирая на эти враждебные голоса, Баратынского, молчаливым согласием большинства литературной общественности и читателей, признали одним из лучших поэтов эпохи. Перед ним распахнулись двери ведущих журналов и альманахов.

Но в нем дремали и другие творческие дарования, правда, ему требовалась какая-либо внешняя причина (в отличие от Пушкина и Лермонтова) для создания нестихотворных вещей. Например, исключительно из чувства дружбы Баратынский написал прекрасное эссе, посвященное поэтическому сборнику юного А. Муравьева «Таврида». Точно так же, задетый необоснованными нападками на свою поэму «Наложница», он ответил «антикритикой», в которой встречаются глубокие мысли о природе поэзии и искусства в целом. Когда в 1831 году И. Киреевский начал издавать журнал «Европеец», Баратынский написал для него повесть «Перстень» и приступил к работе над драмой. А еще собирался вести в «Европей-

це» журнальную полемику. После того как журнал был запрещен, он сетовал в письме к Киреевскому: *«Я вместе с тобой лишился сильного побуждения к трудам словесным... Что делать!.. Будем мыслить в молчании...»*

Современники (как, впрочем, многие недальновидные потомки) воспринимали Баратынского поэтом талантливым, но принадлежащим пушкинской школе. Его позднейшее творчество ортодоксальная критика не поняла и не приняла. Дошло даже до того, что некоторые обвиняли Баратынского в зависти к Пушкину, допуская предположение, что Пушкин списал в «Маленьких трагедиях» своего Сальери непосредственно с него.

У Баратынского и Пушкина было много общего. Прежде всего — социальное происхождение, чем, возможно, объясняется некоторая параллельность основных линий их творчества. Оба поначалу подражали господствующим образцам начала века (эротико-элегической поэзии Батюшкова, элегиям Жуковского). Оба прошли увлечение романтической поэмой. Наконец, оба пришли под конец жизни к отчетливо реалистической манере письма.

Личная же дружба их всегда оставалась незамутненной. И лучше всего о ней отозвался сам Пушкин в письме к П. Плетневу по поводу смерти общего друга Дельвига: *«Без него мы точно осиротели. Считаю по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и все».*

В отличие от Пушкина, Баратынский не принадлежал к кругу декабристов, хоть и разделял их чаяния и убеждения. Он был потрясен расправой над ними и казнью пятерых вождей, среди которых находился его приятель Рылеев. (Путята присутствовал при казни и рассказал о ней поэту). В письмах Баратынского нет и намека на 14 декабря, а в стихах — лишь слабый отзвук. Невозможность открытого сочувствия осужденным тяготила Евгения Абрамовича сознанием собственного бессилия, чувство это было беспросветно и унизительно. Пушкин, имевший случай прямо ответить Николаю I, что «стал бы в ряды мятежников», оказался внутренне свободнее и, наверное, счастливее.

Баратынский глубоко упрятал свою скорбь. Поражение декабристов представлялось ему крахом вольнолюбивых идеалов вообще и лучших устремлений его поколения в частности. Жестокость самовластья он принял за проявление «самовластного рока» и после разгрома восстания на Сенатской площади посчитал для себя невозможным какое-либо участие в государственной жизни.

Он заслонился от общественных проблем хозяйственными заботами — построил в Мураново дом, переоборудовал мельницу, завел лесопилку, насадил лес. Пошли дети (Анастасия Львовна родила ему за жизнь девятерых). Но отказ от «общих вопросов» в пользу «исключительного существования» неизбеж-

но вел поэта к внутреннему одиночеству и творческой самоизоляции.

1837 год, год гибели Пушкина, стал для него также рубежным годом утраты последних иллюзий и окончательного разочарования в российской действительности. Баратынский теперь отошел даже от участия в литературной жизни, замкнулся в Мураново и сообщал в письмах друзьям о желании надолго уехать в Европу. Его «нелегкий», характер и особые, мало кому понятные, творческие задачи привели поэта к конфликту как с прежними союзниками по литературе, так и со старыми противниками в лице нарождавшихся западников и славянофилов. «Для всех чужой и никому не близкий», — сказал о Баратынском под конец его короткой жизни Гоголь.

В 1842 году, уже являясь звездой «разрозненной плеяды», поэт издал тоненькой книжкой свой последний и самый сильный сборник стихов «Сумерки». Как ни странно, этот шедевр навлек на автора критический удар со стороны самого Белинского, решившего, что Баратынский восстает в стихах против науки и просвещения. Имелись в виду следующие бессмертные строки:

*Век шествует путем своим
железным.*

*В сердцах корысть и общая
мечта*

*Час от часу насущным
и полезным*

Отчетливей, бесстыдней занята.

Исчезнули при свете просвещенья

Поэзии ребяческие сны.

И не о ней хлопочут поколенья,

Промышленным заботам преданы.

Оскорбительный выпад Белинского сопровождался, к тому же, уничижительными сопоставлениями в откровенно грубой форме. Баратынский был глубоко уязвлен и потрясен подобным непониманием сути его поэзии. Полагают даже, что это явилось причиной ранней смерти поэта. Он ответил Белинскому стихотворением «На посев леса». А затем — еще

под холодным морозящим дождем в любимшее кафе на Елисейских Полях, иронизировал над притворной европейской зимой, гулял с детьми в Люксембургском саду.

Поздравляя Путятю с наступающим Новым годом, Евгений Абрамович писал: «Поздравляю вас с будущим, ибо у нас его более, чем где-либо; поздравляю вас с нашими степями, ибо это простор, который никак незаменим здешней наукой; поздравляю вас с нашей зимой, ибо

Часть критиков отнеслась к произведениям поэта достаточно поверхностно, многие нападали на него за будто бы преувеличенный «романтизм». Понадобился весь неоспоримый авторитет Пушкина, внимательно следившего за творчеством младшего собрата по перу, чтобы, невзирая на эти враждебные голоса, Баратынского, молчаливым согласием большинства литературной общественности и читателей, признали одним из лучших поэтов эпохи

одним, последним им написанным, «Когда твой голос, о поэт...»

Осенью 1843 года страдающий, душевно опустошенный, замкнувшийся в вере, Евгений Абрамович, закончив строительство нового усадебного дома, на деньги, вырученные от удачной продажи леса, выехал с женой и тремя детьми в Европу. Полгода он жил в Париже. Ходил

она бодрее и блистательнее и красноречием мороза зовет к движению лучше здешних ораторов; поздравляю вас с тем, что мы, в самом деле, моложе двенадцатью днями других народов и посему переживем их может быть двенадцатью столетиями». Вдали от родины поэт осознал себя патриотом.

За месяцы, проведенные в Париже, Баратынский познакомился со

многими французскими писателями, в том числе с А. де Виньи и П. Мери-ме. Те по достоинству оценили его уникальную личность, культурный кругозор, поэтический талант, поскольку он перевел для них несколько своих стихотворений. Но общение с ними не могло восполнить ему однообразия парижского существования. Поэту захотелось южного тепла и свежих впечатлений. Весной 1844-го Баратынский с семьей отправился из Марселя морем в Неаполь. Навстречу смерти.

В Неаполе у Анастасии Львовны произошел нервный припадок, какие у нее и раньше случались. Однако этот особенно подействовал на Евгения Абрамовича. Он слег с жесточайшим приступом головной боли, от которой часто мучился, а на следующий день, 29 июня (11 июля) скоропостижно скончался. Свидетельницей его загадочной смерти была только жена.

Лишь в августе следующего года (?) кипарисовый гроб с останками поэта перевезли в Петербург и захоронили на Ново-Лазаревском кладбище Александро-Невского монастыря. Кроме родных при погребении присутствовали всего трое близких друзей-литераторов: князь Вяземский, В. Одоевский и Ф. Соллогуб. Газеты и журналы на смерть Баратынского почти не откликнулись. Он ушел из жизни, разойдясь идейно с большинством собратьев по перу, так до конца и не признанным.

Кардинальный пересмотр оценки творческого наследия Баратынского начали поэты-символисты Серебряного века, находившие в его поэзии близкие им черты. Благодаря символистам Баратынский стал восприниматься как самостоятельный, очень крупный лирик-философ, в одном ряду с Тютчевым. Казалось бы, чуждый поэтике Баратынского, бесстрашный новатор стиха Осип Мандельштам писал: *«Хотел бы я знать, кто из тех, кому попадутся на глаза... строки Баратынского, не вздрогнет радостной и жуткой дрожью, какая бывает, когда неожиданно окликнут по имени».*

«Я думаю, что Баратынский серьезнее Пушкина. Разумеется, на этом уровне нет иерархии, на этих высотах...» — таково мнение нобелевского лауреата по литературе Иосифа Бродского. А вот что сказал о Баратынском парадоксальный Владимир Набоков: *«Баратынский хотел воплотить нечто глубокое и трудно передаваемое, но по-настоящему сделать это так и не сумел».*

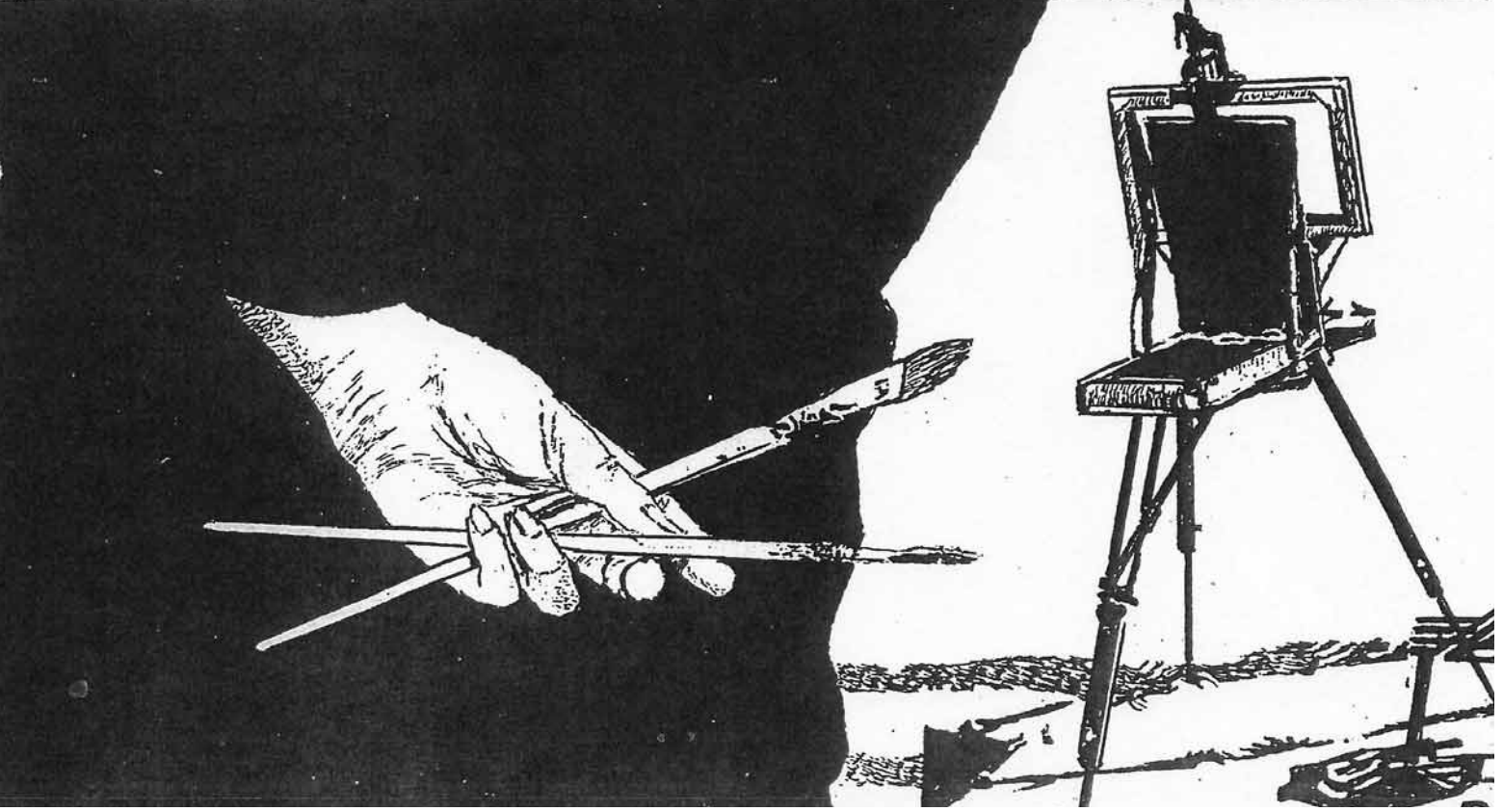
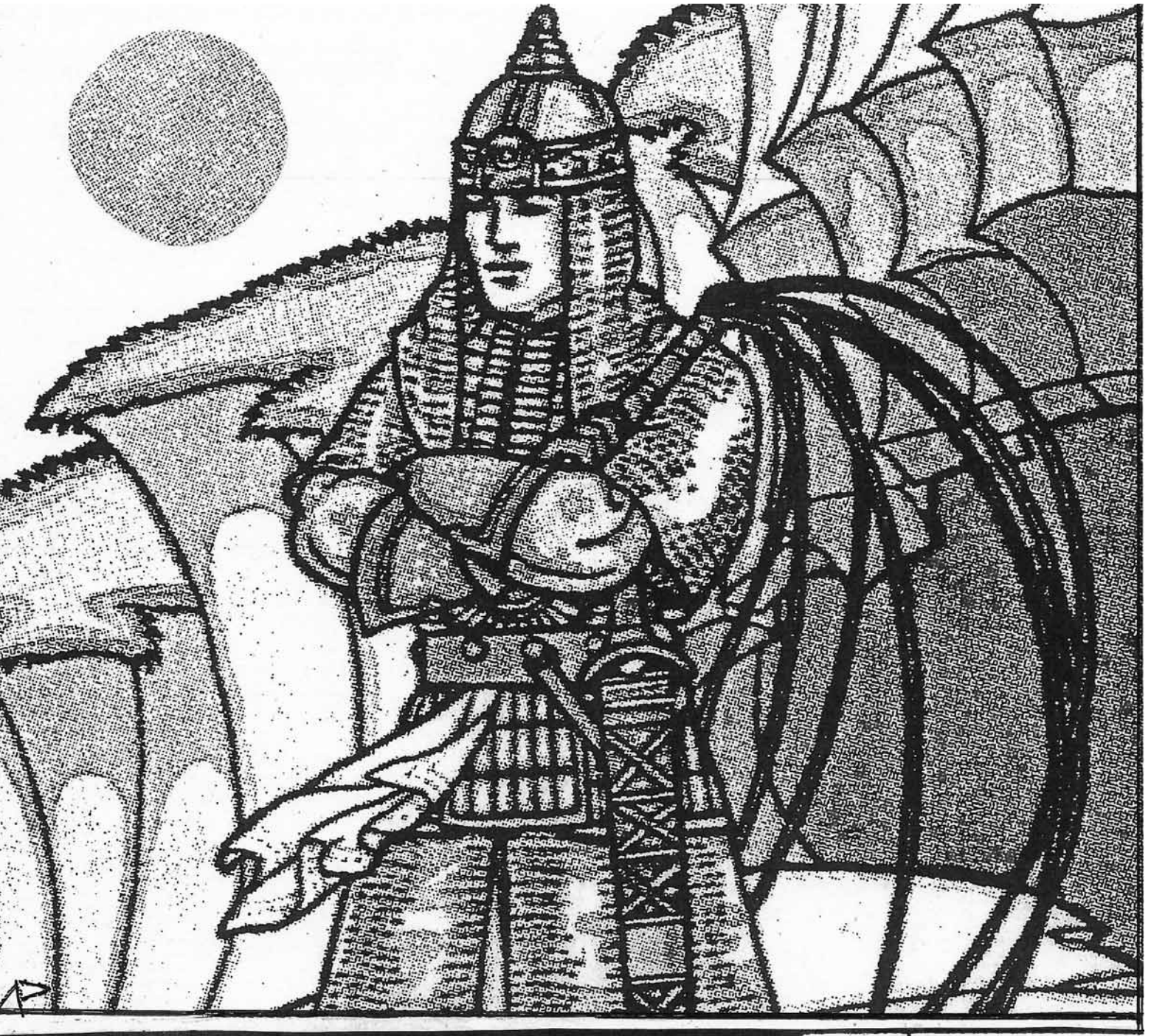
Этому утверждению хочется противопоставить слова видного поэта и пронизательного критика Валерия Брюсова: *«...Если освоиться с особенностями поэзии Баратынского, если внимательно вникнуть в склад его речи, открывается меткость его выражений, точность его эпитетов, энергия его сжатых фраз... Чтобы оценить его музу, надо его стихи не только почувствовать, но и понять: к его поэзии применимо то, что*

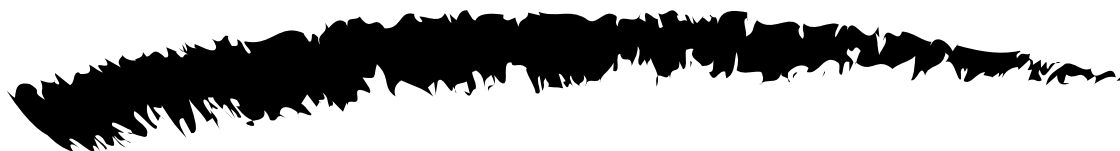
князь П.А. Вяземский сказал о нем как о личности: "Нужно, так сказать, буравить этот подспудный родник, чтобы добыть из него чистую и светлую струю"».

*Нельзя ль найти любви надежной?
Нельзя ль найти подруги
нежной?*

*С кем мог бы в счастливой
глуши
Предаться неге безмятежной
и чистым радостям души...
На перепутье бытия?
Где ж обреченная судьбою?
На чьей груди я успокою
Свою усталую главу? □*

ЭСКИЗ

Он жадным взглядом ловил лучи заходящего солнца. Тонкие стрелы света легко пронзали опаленные листья могучего дерева и озорно поблескивали вечностью. Подумалось: «За окном то же светило, что грело пращура в IX веке, но у нас-то уже яростно и непредсказуемо обозначилось XXI-е столетие. А курганчик IX века — живой! И мой оживает. Но угадал ли я эфирно-призрачный колорит той эпохи?»

Художник наносил аккуратные мазки, завершая портрет. Мелькнула озорная мысль, что этот воин, здесь на холсте, возник-то случайно. Вглядываясь в картину, уже вслух произнес:

— Ты, пращур, воевал, конечно, убивал и спорил. Тоже искал свою истину... Ага, вот тут чуть подбелим, а здесь отсвет фона коричневый. Ну, что молчишь, варяг? Оживай, держать ответ придется! Сокол-птица, ну-ну, веселей гляди, зорче! А оружие твое, двузубец, вот так, вроде бы в тени, но наготове. И тучи, тучи над курганом чуть просветлим лучами солнца. Вот так... А я каюсь, господин князь. Прости. Грешен. С Максом поспорили. Спор, можно сказать, творческий: кто из нас за неделю убедительнее «заисторичит» твой древний курган. Но у меня так вышло, что курган как бы идет вторым планом. А голова твоя, человеке, — на первом. Она глядит прямо из верхушки кургана. Сейчас тебя там нет. А неделю назад точно был. Я видел тебя. Может, ты тоже с кем-то в том своем железном веке поспорил, как мы с Максом. Щучу. Могуч ты, Рюрик. Велик. Хотя Европа не признает в тебе русича. И мы, «иваны, не помнящие родства», вроде бы и соглашаемся с таким мнением. Да не все... Интересно, а что изобразил на своем холсте Макс? Догадываюсь: богатенький Максюша ловко обрисовал курган в своем стиле. А что? Хорошая натура с разными деталями иногда

больше убеждает, чем моя безудержная смелость фантазии. Да нет! Фантазия — великая вещь. И почему меня туда занесло? Я словно околдован кем-то...

Художник словно растворился в художественном замысле: скупые и точные движения кисточкой уже производились почти машинально. Ему казалось, что он приблизился к тайнам непостижимых истин.

В этот момент с улицы раздался громкий стук в калитку.

Олег на мгновение замер. На его лице ожили еле заметные лобные морщинки, чувственные губы слегка сжались. Даже окна избы настороженно замерли, перестав подмигивать любопытными солнечными зайчиками.

Продолжая всматриваться в портрет, он неожиданно заметил, что глаза воина на картине осветились, как бы ожили. Сразу всплыли в памяти чеканные наставления Мастера. Академик утверждал: живописный портрет обязывает распознать внутренний мир человека. Хотя бы в самой малой степени. Создаваемый образ должен оживать в любой картине. Как этого достичь — рецептов нет. Можно только предположить, что проникновение в образ и способствует оживлению рисунка. Сие всегда тайна. Но в ней — и только в ней! — суть мастерства живописца.

«Живо-пись, — мелькнуло в его сознании, — исстари означает живое писание. Живое... должно оживлять. Вот и мой князь Руси ожил!»

Мысли художника снова оборвал настойчивый стук в калитку, и Олег уже раздраженно произнес вслух:

— Что за напасть?! Кого занесло?

Он вышел из домика, быстро подошел к калитке и решительно отодвинул засов: перед ним стояли двое мужчин.

— А дед Тимофей дома? — вежливо спросил крепкого телосложения незнакомец. — Глуховат старик: вот мы и тарабаним...

— Умер Тимофей. Я пока здесь живу.

— Вот это расклад! А мы к нему. Вот, с зайцем... А он умер. Царствие ему небесное!

— Так в чем дело? Умер старик, говорю...

— Извини, хозяин, за беспокойство. Мы археологи. Машина сломалась, вот мы пехом и топаем. Переночевать пустишь? А работаем рядом. Копаем ваш новгородский курганчик.

— Полчаса назад я слышал выстрелы со стороны славянского кургана. Это вы стреляли? — спросил Олег, настороженно глядя на незваных гостей.

— Да, да! По зайцам, — уточнил второй, держа за уши дрожащего зайчишку. — Вот. Русак на стол под «Рюрик» — водка. Его там, у кургана я стрелял. А есть у меня и архитрофей — Рюрик на камень... Он крепче водка. Природа рисовал.

— Какой Рюрик на камне?! — воскликнул Олег. Чуть смутившись, тихо и растерянно переспросил: — Наш князь? Славянский?

Высокий блондин, с непонятной заинтересованностью вглядываясь в него, с акцентом ответил:

— Да. Полагаю, тот. Ваш князь. Его, полагаю, курган мы и копать. Ведем раскопка.

— Ну, да, копаем, — подтвердил другой. — Снимаем третий слой. Да машина бесова сломалась. Нам бы переночевать. Мы, браток, не «черные копатели». Мы с наукой связаны. Он — немец научный. При нем, кажись, и бумаги есть. А я по найму. Они хорошо платят.

— Он тоже брат, — подхватил немец. — Мой товарищ. Это я его к нам... устроить. А бумага закон есть на копать.

— Да заходите! — придя в себя, громко произнес Олег, а в голове проносилось: какой у него на камне Рюрик? И, когда гости переступили порог домика, сходу попросил, почти потребовал каменный архитрофей.

Немец, достав из походной куртки защитного цвета небольшой плоский камень, передал его со словами:

— Гуд Рюрик! Нет цена.

Олег взглянул и обмер, настороженно разглядывая нерукотворный рисунок. На камне скупыми соединениями был изображен точно такой же шлем, как и на его картине. Угадывалась и поражающая схожесть лица. А немец тем временем все говорил и говорил:

— Рисунка — природа послать. Чтобы мало-мало читать, понять, надо знать штрихкод. Ну, как касса магазин. Кассир смотреть товар, на упаковка штрихкод. Вы платить и проходить. Здесь, — указал он на камень, — тоже свой штрихкод. Вот это и это линия. Они вот здесь иметь крест. Здесь пересекаться на впадина. Вместе давать рисунок, образ воин-человек. Я предполагать — это Рюрик. Мне надо знать штрихкод. Теряю слово... ваше... Вспомнил. Сакральная живопись природа и есть компас океан истин. Надо уметь ее знать. Штрихкод — нету.

— Штрихкод. Может, и так... — задумчиво произнес Олег. — Располагайтесь, господа копатели. Мой замок прост. Вешалка вот, на стене, лавки, стол... Сервис вашего деда Тимофея, господа археологи, сами понимаете, — сельский.

— Да, знакомо, — согласился гость.

— Я тоже своего рода археолог, — продолжил художник, жестом приглашая сесть к столу.

— Понятно, — неожиданно холодно буркнул немец и осторожно спросил: — Значит, вы тоже история копать?

— Пытаюсь.

— О, да! Мы там замечать ваш историчный след русский лопата. Вы есть варвар! Копать. Зачем бросать копать? Некорошо.

— Да нет! Я не там копаю, — сконфуженно проговорил Олег.

— А где не там? — с тем же холодком спросил настырный немец.

— А вон, — небрежно махнул рукой Олег в сторону комнатки, где просматривался силуэт мольберта. — Там и копаю кистями да красками.

Немец, взглядываясь в дверной проем, уважительно спросил:

— Вы есть, полагаю, художник?

— Есть, — кивнул Олег. — Не «черный копатель». Моя русская лопата — кисточка.

— Корошо. Очень приятно. Очень... Я есть Ганс. А он есть Коль. Мой товарищ. Брат археолог.

Олег опять бегло охватил взглядом обоих. Отметил, как разительно они отличаются. Коренастый, курносый Николай, конечно, в немецкой экспедиции — рабочий. Какой он археолог? А насмешливо-вежливый, холодный Ганс — «белая косточка», потомственный аристократ. Но что-то их сближало. Совсем не археология, может, неведомая наука, что на всех языках мира зовется дружбой...

Вскоре все трое сидели за столом и беседовали. Ганс с увлечением и даже как-то одержимо говорил и говорил об археологии. Он даже привставал от захватывающего азарта, чувствуя обостренную заинтересованность Олега:

— В моя исторично-подкопной наука археология, вы знать, совсем мало-мало политика. Но там случаться тоже копать против друга. История мало-мало есть болото. Гипотез бывать много. На болото разный гипотез нельзя поставить прочно фундамент истина. Печально, но так происходить очень давно. Без фундамент нет дом. Так не быть. Даже такой мало-мало маленький русский изба, как ваш, иметь свой фундамент. Это корошо. И не надо тут гипотеза никакой!

Николай и Олег, переглянувшись, улыбнулись. Ганс, заметив это, притворно-строго продолжил:

— Совсем не надо улыбка, господа-товарищ. Я ваш язык мало-мало нехорошо знать. А вы так со мной на немецкий можно? Он, Коль, — найн. А вы, Олег?

— Я тоже, как Коль, — найн.

— То-то! Русский язык можно корошо петь: ля-ля-ля. Очень гуд. Но трудно понимать. В одном слова много смысл можно быть. Эти... краски... разные от один слова, разные от...от...

— Оттенки, — подсказал Олег.

— Я, я, да. Взять слово «отдавать». Это десять значения! И шесть... тень. Я изучать этот коварный глаголь, — волнуясь, объяснял Ганс. — Много

плана всегда богатство. От такой богатство, полагать, ваша бедность, может быть. Но вы дух есть богачи очень. Богачи. И природа много-много.

Глаза немца лучились, светлое лицо полыхало доверчивой теплотой. Но в голосе ученого все же улавливалась некая воинственная уверенность предков. «Немцы всегда точны, — подумал Олег, — прямолинейно точны. А мы, славяне, искривлено-гибки: березки в обрыве бытухи-житухи. Ишь, как точно подметил: от богатства — бедность. Но от богатства теней светлее и добрее не будешь. И чего это белобрысика-немца занесло на российский заросший колючками и забытый всеми холм?»

А Ганс тем временем продолжал:

— Слышать по версиям ученые американцы Адам был негр. Да, да, негра Адама. Так им надо. Стратегия смысла. Пусть, допустить, будет так. Адам — негро-эфиоп. Но Рюрик есть славян. Надо копать. Доказать факт. На земля Европа много славянский след. Археологи откопать много-много ваш поселений, русич. Очень древний, не христиан. Мы, немцы, даже ладья находить, ваш лодка, посуда, орудия. Ладья мы опять закопать.

— Зачем закопали? — возмутился Олег.

— Зачем? — хмыкнул Ганс. — Ваша славян ладья вам была не надо. Вы не взять. Вот мы и закопать архифакт ваша история. В наша немецкая земля. Так есть. Протокол где-то...

Повисла пауза.

Осознав, что его «понесло», немец смущенно посмотрел на Олега:

— Вы, пожалуйста, прощать меня. Я много-много говорить. Вы гуд слушать.

— Да прощаем мы тебя, Гансик, — откликнулся Николай. — Но у нас, у русских, говорят: соловья баснями не кормят. Кушать надо.

— Я, я. Правильно, Коль. Кушать очень надо.

— Во-во, — подхватил Николай, развязал рюкзак, достал продукты. Быстро поставил на стол бутылочку водки «Рюрик» рядом с консервами, колбасой, галетами. Олег выставил хлеб, сыр, вареную картошку и свежие овощи.

В голове его теснились мысли. Они то появлялись, то исчезали. Беспокойно думалось ему, что история — это «темная лошадка» под непонятным седоком времени. Хотя немец чуть ли не клянется в точности археологии, но вряд ли это так. И зачем немцу нужна наша история и Рюрик? Холмы противоречивых научных доказательств о нем написаны. Большинство гипотез не в нашу пользу. Кто ты, Рюрик? Если ожил на моем портрете, значит наш, славянин. Но портретная догадка не исторична. Писалась фигура предка не с натуры, а с видения верхушки холма, того, что старики почетно называли рюриковым. Почему наши археологи копали и бросили? Да что

холм? Мы многое побросали. А немец ворчит, зачем бросили копать... Да... в любой истории фальсификаций хватает. История — своего рода обманчивое лекарство для больного человечества. А что истинно исторично? Хотим заглянуть и заглядываем в иной мир, а в своем реальном мире — космос гипотез.

Словно подслушав эти мысли, Ганс тихо воскликнул:

— Рюрик даже в другом мире есть славянин, а не араб и не индеец. Если даже, допустим, Рюрик быть варяг, это уже вторично. Первично — он первый князь русичи. Мы след его икать. И найти. Даже Адам след нашли. А Рюрик еще нет. Наука найн цирк. В ней фокуса нет, не надо фокус.

Олег и Николай переглянулись, а Ганс, подняв бутылку, спросил:

— Можно еще немец сказать? Я много-много уже говорить... не все, господа-товарищ...

— Да, да, — почти одновременно воскликнули оба, — говори!

— Спасибо, — чуть наклонив голову, поблагодарил Ганс и, разливая водку по рюмкам, продолжил: — Я пить за тебя, князь и воин. Не потому, что твой геном крепости водка, а потому что ты есть и быть крепость жизни славян — русич. За Рюрик!

— Спасибо за тост, — поддержал Олег. — За Рюрика!

Они выпили, после чего немец снова заговорил, причем на этот раз насмешливо и гневно:

— На поиск геном Адам Америка бросил много доллар. Наверно, такой Адам-негра им нужно. Я, я! Они очень даже политика. Американский ученый везде политика. Но Америка часто бояться архифакт. Вы тоже бояться?

— Да нет, Гансик. Мы боялись разного. Заморились бояться, — угрюмо откликнулся Николай.

— Понимайт, я, я, гуд, — кивнул Ганс.

— Слышал, на Западе, — продолжил Николай, — в моду опять входит ваш Маркс с его социализмом. Даже крутые олигархи изучать Карла стали, сам слышал по телеку. А нам никакие «измы» не нужны. Жить хочется без обмана.

— Так, так, — закивал головой немец. — Но жизнь, Коля, иметь свой спираль повтор. Он, художник, такой история портрет написать... Там опять ваш спираль повтор. О, я не так сказать. Там, — указал Ганс на закрытый мольберт, — может, там опять закрыть история? Я опять не так сказать? Про истина ваша. Она чуть туман...

Возникла гнетущая пауза. Николаю стало горько и за себя, и за Олега, и за свою историю.

— Ладно, закроем тему! — решительно произнес он. — У вас, Гансура, тоже со стеной вашей Берлинской свои закидоны... исторические. Тоже туман.

— Я, я! — горячо откликнулся Ганс. — Очень даже большой закидон делать и мы. А стена, как ваш ладья, копать, убирать найн, не надо! Мы тоже иногда делать ошибка. Ошибка часть любой работа.

— Не в этом дело, Гансик.

— А в чем, Коль?... В чем?!

— В ошибочках, в них, Гансик...

Оставив гостей за спорным диалогом, Олег тихо подошел к окошку и увидел, как в чистом осеннем небе полная луна уже светила каким-то обморочным светом и как будто хохотала над своей прошлой жизнью. Хохотала над обманчивым бессмертием рожка-пастушка месяца, ошибочно возомнившим себя вечным. В его сознании настырно пробивались силуэты рисунков. В них на фоне огромного бездонного неба четко вырисовывался и исчезал облик Рюрика. Почему-то от небесных рисунков исходила звуковая напевность. Величественная и бодрящая...

К действительности его вернул притворно-наивный голос немца:

— О! А где фрау водка? Найн? «Рюрик» нет, а мне обидно страдать...

Николай вопросительно взглянул на Олега и спросил:

— Скажи, вещей Олег, есть же у вас ночной магазинчик? Может, я сгоняю?

— Я, я. За дамочка-водочка он отлично гонять, — заявил Ганс.

— Не надо гонять, — остановил его Олег и, быстро открыв маленький холодильник, вынул бутылку водки. — Конечно, это не князь «Рюрик», — рассмеялся он, заметив настороженность в глазах Ганса, — но и не самопал.

— Я, я. Прописка здесь видать, — разглядывая этикетку, сказал Ганс. — Можно, полагать, пить. Без прописки жить нельзя у вас, рюрики.

— И пить нельзя, гансики.

Они говорили и смеялись, рассказывая небылицы, анекдоты, и были довольны подаренной судьбой встрече.

«Может, показать им портрет? — мелькнула мысль у художника. — Да нет! Пусть созревает. Показ картины, что показ невесты».

Не без помощи «перцовой дамы сердца» гости увлеченно, с приколами, спорили, как будто давно знали друг друга. Не сговариваясь, органично перешли на «ты».

— А вот первый «Рюрик» — водка был гуд! Корошо бренд! Вкусно, — продолжал Ганс. — Даже почти мало-мало сладкий. А эта фрау местная прописка много-много горько. На бренд местный перец не тянуть. А «Рюрик» — корошо бренд! Так я сказать?

— Точно, Гансик, водка вообще кругом — водка, — улыбнулся Николай. — Даже в деревеньке той, где обозначился американский негр Адам.

Там водка горькая, как их жизнь. А в житухе той, да и в нашей тоже, нету, понимаешь, нету аромата... такого... сладенького.

— А я, — мечтательно проговорил Ганс, — любить особый аромат чуть сладенько французский коньяк «Наполеон». И очень уважать сладенький торт «Наполеон». Два Наполеон — стол любой земля уважать очень.

— Да у тебя, Ганс, почти стратегическое наполеоновское определение. Французский коньяк и русский торт «Наполеон», — сыронизировал Олег.

— Зачем торт «Наполеон» русский? — не понял Ганс. Он — Наполеон — француз.

В Олеге прорвалось почти забытое, горькое, но еще живое национальное самолюбие:

— Да будет тебе известно, господин ученый археолог, что сладкий бренд, то есть торт «Наполеон», обязан своим вкусным рождением Александру I, нашему российскому императору. Это — исторический факт!

— Я, я. Где-то слышать. Думать, анекдот, — часто заморгал глазами Ганс. — Продолжайт, давай, — попросил он. — Такой история надо знать. Любопыт-но... Скажи, скажи...

— Так известно же, что император Франции Наполеон, будучи в то время еще не тортом, а убийцей-гением, хотел завоевать Россию. Нашу землю порезать на мелкие кусочки. Стереть Россию с карты мира. А не вышло. Не случилось и не случится. Бежал хваленый «гений», как крыса с тонущего корабля. Русская армия отбила наполеоновские войска. И «гению» как юк, как сам знаешь. Один бренд гастрономический с тех пор остался. Мир съедает слоеный торт «Наполеон», режет его на мелкие кусочки, как хотел «гений» порезать нашу землю. Это самый гениальный бренд на века, господин ученый.

— Нашенский бренд, Гансик, нашенский, понял? — с гордостью добавил Николай.

— Да, да. Получать не победа Наполеон, а бренд выход на стол. Получать торт «Наполеон» есть архифакт гастрономом.

— Политический, Гансик, не гастрономический, — вмешался Николай.

— Я, я. Да, да. Коль. Очень плехо хреновый политика война. Очень хитрый алкоголь. Он как выпитый бутылка. Война тоже алкоголь. И смерть много-много. Всегда.

Николай взял пустую бутылку «Рюрика», стал рассматривать ее наклейку и прочел вслух:

— Рю-рик, Рю-рик... — Потом тихо спросил: — Интересно, а «Гитлер» — водка у вас есть? Или шнапс?

Румянец блаженства вмиг исчез с лица Ганса. Он вскочил из-за стола, но сказать ничего не успел, так как неожиданно из коридорчика раздались неопределенные громкие звуки.

— Коты мышкуют, — махнул рукой Олег.

— Или заяц, оклемавшись, сбежал, — съехидничал Николай.

Олег открыл дверь, громко крикнул:

— Точно, сбежал зайчик!

— Я заяц стрелять. Как он сбежать? — возмутился Ганс. — Не мог. Не иметь право!

— А вот иметь, Гансик, — глубокомысленно изрек Николай. — У нас и не такое бывает.

— Вероятно, собака соседа из зайца решила сделать свой, собачий бренд, — усмехнулся Олег, и все дружно рассмеялись.

— Так шнапс «Гитлер» у вас есть? — повторил свой вопрос Николай.

Ганс недовольно произнес:

— Не знать я такой бренд. Шнапс «Гитлер» — найн. Он — яд.

Они снова говорили, спорили, доказывали друг другу те истины, которые хорошо знали. Но все истины мира упорно живут по своим законам. Совсем иным. Тайным.

Опьяненный беседой и градусами, Олег все же решил показать гостям портрет Рюрика. Он поднялся, чуть торжественно и интригуяюще произнес:

— Мужики, а в той комнате вас ждет сюрприз, — и жестом пригласил их в соседнюю комнату.

Подойдя к мольберту, снял накидку, быстро установил его в центре комнатки так, чтобы паутинки света от лампочки лучше освещали портрет Рюрика. Посмотрел на притихших гостей, отметил: Николай словно ком проглотил, а Ганс, видно, знаток живописи. Рассматривая портрет, ученый с особым немецким пристрастием искал схожесть рисунка со своим каменным, что нашел на кургане, Рюриком, даже извлек его из кармана и, сравнив, подумал: «Нет, мой больше похож на немца, а этот на русича». У него возникла вдруг жгучая потребность купить у Олега его работу, а там, дома, сделать выставку под интригующим названием: «Рисунки природы и людей». Этот воин и этот камень произведут впечатление.

Покосившись на художника, он с сомнением прикинул: «Если не захочет продать, то на время, может, отдаст для выставки. Редкий портрет. Живой воин. Надо удержать. Моя выставка — европейский резонанс, а здесь деревня. Хотя и в России много выставок, но Рюрика я не видел». А вслух, задумчиво глядя на эскиз, произнес:

— За эта картина можно убить.

— Ты, Гансик, того... что-то зарюрился, — с укором заметил Николай.

— Нет, я на Рюрик две рука и нога... Я, я, надо знать: за полуталант всегда наказать. А за такой талант, — указал Ганс на картину, — можно убить. Я видел, здесь все точка сходится: зависть, политика, история, миф

и быть. Портрет идет война против всех. Да, против всех! Искусство тоже воевать.

Повисла пауза. Какая-то тяжелая, непробиваемая.

— Чего молчишь, создатель были? — в упор посмотрел на Олега Николая.

— Я с ним почти согласен: искусство — воюет, — чуть помедлив, выдохнул художник.

— Твой Рюрик — не Бог и не икона. Он — воин. Но почему от него, я чувствую, валит свет прямо в башку?

— Рюрик — божий воин.

— Согласен. Мы тоже божьи воины. Но от тебя и Гансуры моя башка свет не чувствует.

— Ты, Коль, не типа и не прототипа, — засмеялся Ганс.

Николай с удивлением посмотрел на него, потом повернулся к Олегу:

— Он что, по-твоему, прав?

— В основном, да, — ответил тот. — Ты — рисунок жизни, а не искусства.

— Точно сказать, — одобрительно кивнул Ганс.

— Вы оба — тупые интеллигенты. От ваших слов точно нет света, только башку ломит, — усмехнулся Николай.

— Лечись Рюрика, — назидательно произнес Ганс и вплотную приблизился к мольберту.

Неожиданно на обратной стороне картины он увидел слова, которые Олег суеверно запечатлел для работы и забыл заретушировать, и, тихо шевеля губами, стал читать. Затем, посмотрев на Олега, спросил:

— Это ваши слова? В сюжет пришел. Чей слова? Ваш... голова?

— Нет. Голова неба.

— Как неба? Где неба? — не понял гость.

— Там, вверху, — поднял руку Олег.

— Мистика, — хмыкнул Ганс. — Небо — автор. Интересно архифакта. Можно я вслух прочитать? Мистика. Так мне разрешать читать? Корешо мистика.

— Забыл загрузить, — досадливо произнес Олег.

— Не надо грузить небо! — возразил немец. — Небо уже всех наказать за такой грузить. Катастрофа все и везде. Кругом. За что?! Грузить история. Взрывать земля. Океан тоже грузить внизу. А небо еще нам слать свой послание. Это стих — ваш история, очень ваш. Можно сам читать? Стих небо!

Олег молча взял холст. Взглянув на строчки, подумал, что влетевшие в голову слова тоже способствовали рождению портрета. Точно! Благодаря им он так ошеломляюще быстро написал Рюрика. Понимал, что ме-

лодии красок, их линии, как бы подчиняясь четкому ритму слов, были соавторами. Точно — были. И, уступая просьбе гостя, громко продекларировал:

— Под тихой мудростью кургана / Впитай и ты, крещенный внук, / Посыл нетленный мудреца Баяна, / Что именуют Русский Дух. /

Николай хотел что-то сказать в своем насмешливо-едком стиле, но не смог. Только сердито и почему-то хрипло заметил:

— Слова эти... вроде стихи оттуда. Сверху. Но почему небо нас, рюриковичей-славян, так не любит? Почему?!

— Можно мне сказать... про вас? — спросил Ганс и, не дожидаясь ответа, тихо добавил: — Да потому, что вы не любите себя.

— Это точно, Гансик. Мы же блаженные. Понимаешь? — горько усмехнулся Николай.

— Не понимаешь. Что есть блажь?

— Блажь... Как тебе сказать... Блажь — вроде святой.

Ганс, насмешливо взглянув на Николая, захохотал:

— Ты, Коль, не святой. Ты — мент, грех. — Но, увидев его гневный взгляд, резко оборвал смех и, оправдываясь, продолжил: — Нет, нет. Обман, шутка. Вы, ребята, совсем не блажь. И ты, Коль, совсем не святой. А вот Рюрик, — указал он на портрет, — эскиз вечности. Думаю, мало-мало есть святой.

Все трое стали вновь вглядываться в портрет. Каждый находил в чертах пращура что-то свое, личное. И каждый ощущал очистительный свет.

Такой свет веками сближает прошлое с настоящим и даже недругов делает друзьями. □

Денис Логинов

ВАЛИДЕ ВСЕХ

ВАЛИДЕ

«Ученик иногда может... быть лучше своего учителя. Уверена, вы скоро докажете, что вы намного могущественнее, чем Хюррем Султан. Но придет другая эпоха, и кто-то еще заменит вас. И перстень власти на вашем пальце перейдет к другой хозяйке».

Эту историю она рассказывала так часто, что сама в нее поверила. А следом за ней поверили и все остальные.

...Едва гондола, в которой сидели благородный синьор Баффо и его шестилетняя дочь, коснулась набережной, фигура в черном домино скользнула через борт и простерлась перед хозяином.

— Встань! — сказал Баффо. — Кто бы ты ни был, венецианец или иноземец, тебе не пристало раболепствовать!

— Венецианка! — Неожиданный посетитель поднял лицо. Оказалось, что это крючконосая старуха с острым подбородком. — Я простерлась ниц перед всемогущей правительницей, — и она указала на маленькую девочку.

Баффо рассмеялся. Прижав к себе малышку, он спросил:

— Почему ты так решила?

— Разве ты или я можем решать такие вещи? — надменно усмехнулась старуха. — Я прочитала об этом в лазурной книге, в которой звездами пишет Создатель. Дочь твоя будет великой владычицей!

Прошло еще шесть лет. Баффо получил назначение губернатором на остров Корфу, принадлежавший тогда Венеции. Когда он всходил на корабль, возле трапа опять возникла фигура в черном. Показав костлявым пальцем на прелестную пятнадцатилетнюю девочку, старуха прокаркала:

— Будет править великой империей!

В Отрантском проливе три турецких судна с трех сторон пошли в атаку на венецианский фрегат. Затем турки ринулись на abordаж... А через три месяца девушку доставили во дворец только что вступившего на трон султана Мурада III.

Когда султан сдернул с ее головы кисейную чадру, он обомлел: эта неверная была подобна райской гурии!

Года не прошло, а великий султан уже полностью находился в подчинении у венецианки...

Возникла эта история, скорее всего, потому, что свекровью Сафии была венецианка Сесилия Веньер-Баффо из семейства венецианских дождей, получившая в гареме имя

Нурбану. Она была тщательно воспитана самой Хюррем-Султан — для одного из ее сыновей. Воспитание пошло впрок: после смерти свекрови Нурбану стала одной из

Нурбану (Сесилия Веньер-Баффо)

самых влиятельных женщин Османской империи.

Ей приходилось постоянно быть бдительной — большинство интриг обрывалось ею в самом начале их зарождения. Огромный гарем Селима представлял опасность — каждая женщина претендовала на место Нурбану и мечтала возвысить своего ребенка за счет Мурада. Это был сложный период дворцовых перипетий и жертв во имя будущей власти. А опаснее всех была Сафие, но она пока пребывала в санжаке с шах-заде Мурадом, названным наследником престола.

Когда стало очевидно, что правление Селима II скоро прервется

его смертью, Нурбану не растерялась: доверенные лица и охранники были расставлены по всему гарему, никто не мог свободно общаться и покидать свои комнаты. Фактически, дворец был переведен на военное положение. Поэтому, когда Селим умер, тайна смерти осталась в его покоях.

Нурбану отправила срочное письмо сыну, умоляя его тайно покинуть свой пост и немедленно прибыть в Константинополь. Пока он не приехал, она делала все возможное, чтобы скрыть факт смерти султана. Подданные были уверены, что он продолжает сражаться с недугом. Убедить в этом всех оказалось

совсем несложно — Селим был известен своими пристрастиями к алкоголю, что не могло не отразиться на его внешнем виде и здоровье. Публичного оглашения о смерти не было сделано до возвращения Мурада. Только тогда, отдав дань уважения памяти великого правителя, был провозглашен новый султан.

Сын Нурбану стал Мурадом III, а она получила титул валиде-султан, что было равнозначно европейскому титулу «королева-мать». Это высший титул, который могла иметь женщина в Османской империи.

Она не желала повторять ошибку своей свекрови — знаменитой Хюррем-Султан — и вводить в гарем Мурада какую-то необыкновенную девушку. Ее единственному и обожаемому сыну вовсе не нужна была наложница, которая соперничала бы с ней красотой, умом и знатностью; слишком долго она сама прожила в тени всемогущей Хюррем. Гарем, конечно, был, но состоял из абсолютно безликих девушек «на одну ночь». Увы...

Дочь султана Сулеймана I и Хюррем-Султан, Михримак-Султан, унаследовавшая от матери острый ум и незаурядное чувство юмора, подарила своему племяннику, будущему султану Мураду III, красивую рабыню. Михримак утверждала, что девушка приходится Нурбану близкой родственницей, чтобы хоть немного сбить спесь со своей золовки. Однако, вероятнее всего, девушка была родом из албанской

Селим II

деревни Рези, располагавшейся в Дукагинском нагорье, где ее нашли люди Михримак. Та ее и воспитала — по методике покойной матери.

На протяжении двух лет София получала образование, в это время она изменила свое настоящее имя София на Сафие, которое означает «чистая, невинная, наивная красота». Девушка оказалась не только красивой, но и умной — как раз такой, какой совсем не хотела Нурбану.

Когда Сафие исполнилось 15 лет, тетушка подарила ее Мураду, и она стала наложницей наследника Османского трона. В 1568 году Сафие родила своего первого сына — будущего султана Мехмеда III. Все это

Сафие

было в порядке вещей. Исключение состояло лишь в том, что Сафие была единственной наложницей Мурада, который просто не замечал других девушек. Вплоть до восшествия его на престол и долгие годы после этого Сафие так и оставалась единственной. Приходившая от этого в ярость Нурбану советовала сыну брать других наложниц — якобы для блага династии. Даже обвиняла девушку в колдовстве, которое сделало Мурада неспособным взять новую наложницу. Несколько слуг Сафие арестовали и подвергли пыткам. Втайне от Сафие, приказал учинить следствие и сам султан Мурад, которого тоже беспокоила такая странная крепкая связь между

ними. Но никакого колдовства обнаружено не было.

Разговоры о привороте закончились, когда сестра султана подарила ему двух очень красивых рабынь, которых он принял и сделал своими наложницами. В течение последующих нескольких лет Мурад стал отцом двадцати сыновей и двадцати семи дочерей.

Сафие держалась с достоинством и не показывала ревности к наложницам Мурада: она прекрасно знала, какова, скорее всего, будет их судьба после смерти Повелителя. Позднее она сама покупала красивых рабынь для гарема, чем заслужила благодарность султана, который продолжал ценить ее и со-

ветоваться с ней по политическим вопросам, особенно после смерти Нурбану.

Точных данных о количестве детей, которых родила Сафие за свою жизнь, нет. Известно только, что ко времени восшествия Мурада на престол (в 1574 г.) у них с Сафие было четверо детей: дочери Айше и Фатма, и сыновья Мехмед и Махмуд. Махмуд вскоре умер, и единственным на тот момент взрослым наследником отца стал Мехмед.

Девятнадцать лет прекрасная Баффо (под этим именем она чаще всего упоминается в истории) делила со своим мужем власть над огромной Османской империей, простиравшейся от Крыма до Египта и от Индии до середины Европы. Кроме власти, ее уже ничего не интересовало.

Перед ними трепетала Венгрия, Австрия платила им дань. Блистательная Порта вела бесконечную войну с ее родной Венецией. Политическая линия Сафие порой была даже более жесткая, чем у Мурада. Ведя переговоры, она была тверда, а к побежденным не знала никакого снисхождения. Страдания миллионов бывших единоверцев оставляли ее совершенно равнодушной. Как с горечью писал один европейский историк, «да и могла ли заботиться об участии христиан женщина, отступившая от Евангелия и последовавшая Корану?»

Более того, любое упоминание о том, что когда-то она исповедо-

Мурад III — сын Селима и Нурбану, муж Сафие

вала иную веру, приводило ее в бешенство, поскольку напоминало о том, что родилась она отнюдь не в семье султанов. Истории о пророчествах старухи-венецианки были прочно забыты. Она была всемогущей Сафие-Султан, «валиде всех валиде», правоверной и только правоверной, истово исполняющей все обряды и предписания ислама.

Согласно донесениям послов, Мурад был недоволен популярностью своего старшего сына, особенно

среди янычар, которые недолюбливали неповоротливого, в силу огромной тучности, султана, и опасался, что тот свергнет его с престола.

...Мехмед добрался до Стамбула 28 января и проследовал напрямик во дворец Топкапы. Как говорится в сообщении, которое составил для английского посла раввин Соломон, Мехмед сразу же отправился в гарем, чтобы навестить свою мать Сафие-Султан, которую он не видел двенадцать лет, с тех пор, как оставил Стамбул. Она отвела его к телу отца, которое, скорее всего, находилось в том же погребке со льдом, в котором двадцатью годами ранее хранился труп Селима II.

Затем Мехмед явился в Тронный зал, где его уже ждали Ферхад-паша и все остальные визири и сановники, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. После этого его официально возвели на престол в качестве нового султана Мехмеда III.

Далее Соломон повествует о том, как султан Мехмед поступил со своими сводными братьями:

«Той ночью его девятнадцать юных братьев отвели к султану Мехмеду. Это были дети мужского пола его отца от нескольких жен его; их подвели к султану, чтобы они поцеловали ему руку. Их брат-султан сказал им, чтобы они не боялись, потому что он не хотел им вреда, но только произвести им обрезание, согласно обычаю. И это было то, что никогда не делал никто из его предшественников, и после того как они

поцеловали ему руку, над ними совершили обрезание, отвели в сторону и проворно задушили носовыми платками. Это кажется ужасной и жестокой вещью, но таков обычай, и люди привыкли к нему».

Затем Соломон описывает похороны девятнадцати принцев, самому старшему из которых было одиннадцать лет. Их погребли в саду у Айя Софии рядом с их отцом:

«В субботу этих невинных принцев обмыли и приготовили, согласно обычаю и возрасту, и положили в кипарисовые гробы, и поместили на площади перед Диваном, и показали мертвыми монарху. С этого места останки несчастных принцев в сопровождении такого же траура, как и за день до того, и вдвое большего числа людей были унесены. Их похоронили соответственно их возрасту вокруг гробницы их отца под плач всех присутствовавших».

И добавляет, что почивший султан Мурад оставил после себя несколько беременных жен, и что два ребенка мужского пола родились после его смерти, и их тут же утопили. Описав расправу султана Мехмеда со своими братьями, он рассказывает о том, как тот затем покончил со всеми наложницами своего покойного отца, которые могли быть беременными:

«И чтобы одним разом избавиться от страха перед всеми соперниками (величайшей пытке для сильных мира сего), он в тот же день (как сообщают) приказал утопить в море

*Сафие-
Султан*

десять жен и наложниц, таких, кого у него были все причины опасаться.

Сразу же после того, как похоронили этих несчастных принцев, которые, как говорили люди, обладали необычайной красотой, население собралось у ворот, чтобы поглазеть на выселение из сераля

их матерей и других жен прежнего монарха вместе с их детьми и их добром. Для этой цели пришлось использовать все кареты и экипажи и всех мулов, лошадей, какие только были при дворе.

Кроме жен монарха и двадцати семи дочерей там было двести дру-

гих (женщин) нянек и невольниц, и их отвезли в Старый Дворец, где обитали жены и дочери почивших султанов вместе с их евнухами, которые охраняли их и служили им с соблюдением всех почестей. Там они могли оплакивать своих покойных сыновей и мужей сколько им угодно».

Именно Мехмед ввел в Блистательной Порте пагубный обычай не давать возможности царевичам принимать участие в управлении государством при жизни отца (как это делалось до тех пор), а держать их взаперти в серале, в павильоне «Кафес» («клетка»), и в случае необходимости — убивать. Тихо, безмолвными палачами, вдали от дворца.

Сафие-Султан не потеряла своего влияния и после смерти Мурада III и восхождения на престол Мехмеда III. Она защищала сына от любых опасностей во время его правления, даже вела интриги против его старшего сына Махмуда, чья мать, Халиме, якобы хотела посадить его на трон. Султан стал подозревать сына в заговоре, постоянно думать о том, что он скоро умрет, и, в конечном итоге, приказал задушить Махмуда. Халиме-Султан чудом удалось избежать смерти.

Сафие это событие оставило абсолютно равнодушной. Ее по-прежнему волновали только власть и деньги, которые давали эту власть и оборачивались еще большими деньгами. Оставались еще два наследника: сын Хандан шах-заде Ахмед и младший сын Халиме шах-заде

Мустафа. Бабушка Сафие проявила несвойственную ей доброту и оставила в живых обоих. Правда, хотя бы одного все равно следовало пощадить, иначе некому было бы наследовать трон, тем более что Мустафа был еще очень мал и слаб здоровьем.

Став валиде, Сафие получила огромную власть, а когда Мехмед III отправился в поход на Венгрию в 1596 году, он даровал своей матери право управления казной. В этот период все назначения или смещения с должностей практически полностью сосредоточились в ее руках. Без ее ведома не совершалось ни одного назначения. При этом каждый претендент на тот или иной пост непременно давал ей взятку. Она даже создала группу, которая занималась взиманием взяток. Мздоимство Сафие вообще породило во дворце культ взяточничества.

Через год после своего восшествия на престол Мехмед III решил организовать очередной поход против Габсбургов и лично возглавить армию. Эту мысль Мехмеду внушил его наставник Садеддин Ходжа, который убедил султана в «необходимости завоеваний и добродетелях священной войны».

Сафие-Султан была непримиримо настроена против того, чтобы ее сын отправился на войну, опасаясь потерять его, а, значит, и власть. Она стала действовать через одну из любимых наложниц Мехмеда, которая, по наущению Сафие, пыта-

лась уговорить его изменить свое решение. Однако это стоило девушке жизни. Во время разговора с ним султан пришел в такую ярость, что выхватил свой кинжал и убил девушку. Больше никто не осмеливался затрагивать этот вопрос, так что поход все-таки состоялся.

12 октября 1596 года Османская армия захватила крепость Эрлау в северной Венгрии, а две недели спустя встретилась с основными силами Габсбургской армии, которые заняли хорошо укрепленные позиции на Мезекерештеской равнине. Когда на следующий день обе армии сошлись в решающей битве, у Мехмеда сдали нервы, и он собирался, было, бежать с поля боя, однако визирь Садеддин Ходжа надел на султана священный плащ пророка Мухаммеда и буквально вынудил его присоединиться к сражающимся войскам. Результатом сражения стала неожиданная победа турок, а Мехмед заработал себе прозвище Гази.

После своего триумфального возвращения султан Мехмед III никогда больше не водил свои войска в поход. Тем более что, как отмечал венецианский посол Джироламо Капелло, «врачи объявили, что султан не может идти на войну по причине его плохого здоровья, вызванного излишествами в еде и питье».

Здоровье Повелителя действительно разрушалось на глазах. Он часто терял сознание и впадал в забытие. 21 декабря 1603 года султан Мехмед III скончался на тридцать

Актриса Хюлья Авшар, сыгравшая Сафие-Султан в сериале «Великолепный век. Империя Кесем»

восьмом году жизни. Смерть, по видимому, наступила от сердечного приступа, но многие считали, что его отравили. Его царствование длилось почти девять лет.

А потом трон унаследовал его сын Ахмед I, которому тогда было около четырнадцати лет. Одним из первых его решений было лишить власти Сафие, и она была сослана в Старый дворец.

В 1619 году, во время очередной поездки в столицу, Сафие-Султан стало плохо. Несмотря на быстрое вмешательство врачей, она умерла в тот же день. Ей был 71 год. Так завершилась жизнь одной из самых могущественных матерей султана Османской империи... □

Ирина
Опимах

Федотов Павел

«Сватовство майора» — одна из самых известных и любимых картин в русской живописи. Выразительные персонажи, написанные не только с огромным мастерством, но и с юмором, театральность всей изображенной художником сцены, тонкая наблюдательность Федотова — все это роднит его с мастерами мировой жанровой живописи, такими как лучшие «малые голландцы» и англичанин Уильям Хогарт. И как же жаль, что судьба была к нему столь немилосердна: замечательный художник Павел Федотов умер в 37 лет, как и многие другие русские гении...

Осенью, в октябре 1849 года, как всегда в Петербурге открылась выставка Академии художеств. Все было как обычно, пришедшие в залы Академии спокойно переходили от одного полотна к другому, от пейзажей к портретам, от библейских сюжетов к историческим полотнам. В общем, особого столпотворения не было, и только в предпоследнем зале постоянно собирался народ. У одной из картин стоял молодой человек приятной наружности и звонко декламировал забавные стихи: «Честные господа, / Пожалуйте сюда, / Милости просим, / Денег не спросим». Подошедшие люди узнавали, что этот человек — автор этой и еще двух экспонировавшихся рядом картин. Он был и автором стихов, которые декламировал. Стихи — он называл их «рацея» — играли очень важную роль: в них объяснялся замысел картины. А на картине была изображена забавная сценка. «В купеческий дом сваха приводит жениха-майора. Хозяин засуетился поскорее застегнуться. Дочка сконфуженно хочет убежать, но мать удерживает ее за платье. Обе разряжены для приема жениха. На столе разная закуска. Кухарка несет кулебяку, а сиделец (приказ-

«Сватовство майора»

чик) — вина. К нему из другой комнаты тянется старуха с вопросом: к чему эти приготовления? А он показывает на входящую сваху.

Шампанское уже стоит на подносе на стуле.

Кошка заманивает гостей.

В комнате у левого края видна часть образов с лампадками, под ними стол со священными книгами.

На стене портреты митрополита, Кутузова, Кульнева и самого хозяина с книжкой в руках, картина: "Эловайский на ковре и вид монастыря"», — так описывал свое полотно сам художник.

Выставка Академии художеств шла две недели, и все это время Федотов был в центре внимания. Что и говорить — настоящий успех! То был самый лучший период в его жизни. К сожалению, он был столь короток...

Павел Андреевич Федотов родился в 1815 году, в семье чиновника Московской управы благочиния, офицера в отставке. Конечно же, его родители и подумать не могли, что их мальчик станет художником — уж очень далеки они были от искусства. (Об этом, с присущим ему юмором, рассказывал сам Федотов. В 1843–1844 годах он сделал серию из 9 рисунков, которая так и называется — «Рождение и младенчество гениального живописца». На одном из рисунков у только что родившегося младенца обнаруживается «бугор живописи».)

Отец Андрей Илларионович полагал, что сын станет военным, ну, в крайнем случае — чиновником, а потому отдал Павла в Московский кадетский корпус. Мальчик сразу же проявил способности к рисованию: где только было можно — на полях учебников, тетрадок — он изображал сценки из жизни юных кадетов, делал шаржи на приятелей и пре-

подавателей. А еще он любил петь и сочинять стихи. В общем, мальчик был неординарный. «Федотов и ребенком был существом необыкновенно оригинальным: между товарищами он пользовался репутацией отличного рисовальщика, певца и поэта. Чертежи Федотова были выставлены как образцовые, в хоре корпусных певчих он был тенор-солист, а относительно занятий науками и словесностью неоспоримо занимал место первого», — вспоминал его соученик П.С. Лебедев.

И вот один из лучших выпускников корпуса Федотов поступает в петербургский лейб-гвардии Финляндский полк — в те времена это была большая честь и большая удача. Он был хорошим офицером, однако кроме военной службы в его жизни было искусство — он рисовал, играл на гитаре, пел романсы и сочинял стихи.

Рядом с казармами находилась Императорская Академия художеств,

*«Бивуак
лейб-
гвардии
Гренадер-
ского полка.
Установка
офицерской
палатки»*

и Федотов стал посещать вечерние занятия в Академии. Вскоре его талант в полку был признан — он даже получал за свои портреты и зарисовки буден полковой жизни поощрения. Павла понемногу начала тяготить армейская служба — ведь она отнимала время от рисования, а он уже понимал: это то, чем он по-настоящему хочет заниматься в жизни. Но уйти из армии было непростое — служба давала неплохое жалование, а ему приходилось помогать своему семейству, отец-то уже был далеко не молодым человеком. Павел решился на этот ответственный шаг только в 1844 году.

В это время он уже увлекся бытовым жанром — в отличие от баталь-

ных полотен, жанровые картины позволяли изображать «нравственно-критические сцены из обыкновенной жизни». Свои сюжеты он брал из реальности, в которой жил сам. Поначалу это были сепии, рисунки, а потом он освоил и масляные краски. Сначала родился «Свежий кавалер», потом — «Разборчивая невеста». «Сватовство майора» стала третьей его картиной, написанной маслом. Эта работа оказалась не легкой. Во-первых, нужно было купить реквизит, холст и краски, затем — найти и нанять натурщиков. К тому же у него не было мастерской, где можно было работать. Брюллов, увидев работы Федотова, тут же понял, что перед ним —

талант, и принялся ходатайствовать за него в Академии, чтобы там помогли молодому художнику. Мастерскую ему не дали, но некоторые деньги он все-таки получил. В.В. Серов, общавшийся с Федотовым во время создания «Сватовства майора», вспоминал: *«Я не слышал тогда из его собственных уст многие из тех виршей, которые он любил читать, и где он объяснял свою картину. Я присутствовал при поиске типов и подробностей. Мне памятливы его рассказы, его юмор, его веселость, его остроумие и наблюдательность — все, что делало*

его таким привлекательным для всех...»

Придумывая композицию картины, Федотов мыслил как настоящий театральный драматург, да и режиссер.

Во-первых, он сочинил сюжет, а затем выстроил мизансцену.

В те времена, впрочем, как и сегодня, брак частенько помогал поправить материальное положение одного или другого молодожена. Брак по расчету — вещь порой весьма полезная. Недаром этот мотив так часто встречается в русской литературе XIX века: бедный офицер из разорившейся дворянской семьи берет

Слева:

*«Разборчивая
невеста»*

*«Свежий
кавалер».
Утро
чиновника,
получившего
первый
крестик*

в жены купеческую дочь, умеющую играть на фортепьяно, говорить по-французски, а главное, обладающую хорошим состоянием. Но и для представителей славного купеческого сословия было лестно породниться с дворянином, пусть и без копейки в кармане. Денег у них самих хватало.

На картине изображен интерьер купеческого дома. Перед дверью уже ждет жених, ожидая приглашения войти, бравый майор молодцевато подкручивает ус. Федотов мно-

го встречал в жизни таких офицеров, подуставших от службы, уже не мечтавших достичь карьерных высот и готовых обрести домашний покой и уют рядом с хорошенькой и небедной женой. *«Вот майором десять лет, / а надежды нет как нет, / В подполковники подняться,.. / Да, женюсь, и на богатой, / Дам щелчка судьбе рогатой... / Чем не муж я, чем не зять?... / Шпоры, конь, усы и лета, / Что ж, в поре я, просто хват. / Хоть немного толстоват... / Это возбудит*

почтенье... *Уж для купчих — это сущий клад для них!*» — писал он в поэме «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора», разошедшейся в списках по всему Петербургу.

О появлении майора хозяевам дома сообщает сваха — уже немолодая дама, явно дока в своем деле. В своей «рацее» Федотов говорит, что она — «отставная деревенская пряха Панкратьевна», как и многие другие бывшие крестьяне, сбежавшая когда-то из деревни и осевшая в городе. Такие свахи играли в купеческих домах очень важную роль — они находили достойных кандидатов на роль женихов и невест, сообщали новости и порой даже выполняли некие щекотливые поручения. В рацее Федотов называет ее «привирахой» — да ведь как без некой доли «привирания» должным образом расхвалить свой товар, добавив к реальным достоинствам того или иного жениха (той или иной невесты) и достоинства мнимые.

Но, конечно, главные действующие лица тут — невеста и ее мать. Хозяйка дома, слегка располневшая, но все еще вполне себе привлекательная дама, одета в богатое шелковое платье, на плечах — роскошная шаль. Почти городская госпожа, да только вот на голове у нее все еще деревенский платок (городские-то носят чепчики): *«Как в параде весь дом, все с иголки в нем, только хозяйка купца не нашла, знать, по голове чепца. По старинному — в сизом платочке.*

Остальной же наряд у француженки взят...»

И, наконец, сама невеста — она явно пребывает в страшном смущении — ведь пришел жених, а она в непривычном для нее виде, в платье с открытыми плечами. Чтобы написать невесту, Федотов пользовался не только манекеном, но и попросил своего друга К.К. Флуга помочь ему, и тот позировал художнику, надев женское платье. В итоге художнику все удалось — блестяще написаны переливы шелка, игра света на коже девушки, блеск ее украшений, а главное — она такая живая, эта испуганная купеческая дочка, которой предстоит встреча с, возможно, будущим мужем!

Для образа главы дома, отца невесты, Федотов искал натурщиков, гуляя возле Апраксина рынка. И вот однажды, увидев толстого рыжебородого купца, он сразу понял — это то, что ему нужно. В «рацее» Федотов рассказывает, что отец невесты — лесной подрядчик и старовер, готовый отдать в приданое миллион, но вот хотел бы заполучить в зятя человека из благородных, и хорошо бы — из военных: *«О, так надобно, чтоб зять непременно был военный — это самый сан почтенный»*. Художник не случайно изобразил купца на втором плане — ясно, что в этом доме всем заправляет его жена.

А еще дальше видны другие обитатели дома — кухарка, которая ставит на стол пирог, старуха-приживалка,

приказчик (таких называли сидельцами, они замещали хозяина в лавке, когда ему приходилось отлучаться по делам), принесший из лавки бутылки вина. Для образа кухарки Федотов использовал черты служанки в доме Флугов, а для приживалки и сидельца — продавцов и покупателей Толкучего и Андреевского рынков.

Но Федотов не только внимателен к героям, действующим лицам своего спектакля — важны ведь и декорации. И он с присущим ему мастерством и точностью вводит нас в обстановку купеческого дома середины XIX века. Тут все показывает на то, как стараются хозяйева дома соответствовать городским манерам и устоям. Но не всегда и не всюду у них это получается. Вот на столике под образами лежат Псалтырь и Библия, рядом — богородническая просфора, перед иконами горят свечи, тут нет диванов, обычных в городских гостиных, зато с потолка свисает огромная, дорогая люстра, а на стуле — поднос с бутылкой шампанского и бокалами. Федотов на своих картинах ни в чем не хотел отступать от реальности, а потому искал интерьер для картины в настоящих купеческих домах, куда старался попасть под самыми разными предложениями. Все, что он изобразил, было увидено, куплено или взято напрокат, а то и сшито — как, например, платье невесты — специально для художника.

Как-то после завершения картины один его приятель заглянул к Фе-

дотову в мастерскую. Увидев его с бокалом шампанского, он очень удивился, ведь шампанское стоило немало, а Федотов жил довольно скромно. «Вот, уничтожаю натурщиков», — объяснил другу художник.

«Сватовство майора» захотели купить многие, но Федотов долго не соглашался, а потом решил продать ее Федору Прянишникову, известному государственному и общественному деятелю, а также меценату и библиофилу. (Он был вице-председателем Общества поощрения художников, членом Московского художественного общества и нередко помогал художникам, покупая их работы. Таким образом Прянишников собрал замечательную коллекцию русской живописи начала-середины XIX века.) Правда, Федотов был не совсем доволен после продажи «Сватовства майора» — он получил значительно меньшую сумму, чем та, на которую рассчитывал: поначалу Прянишников обещал за «Сватовство» две тысячи рублей, а при окончательном совершении сделки объявил художнику, что сможет заплатить только половину. Федотову, которому деньги на тот момент были очень нужны, пришлось согласиться.

После петербургской выставки Академии художеств Федотов сразу стал знаменитым. Вскоре его картины увидели и москвичи, и тоже с восторгом приняли его работы, узнавая в них себя и своих знакомых. «Мои

картины производят фурор! Новым знакомствам и самым радостным теплым беседам нет конца...моя стихотворная безделица ("рацея") ходит по рукам, и меня часто заставляют ее читать», — рассказывал он в письме своему другу А. Дружинину. Федотов был счастлив! Ведь сам Брюллов писал ему: «Поздравляю Вас, вы меня обогнали». О нем вели беседы в светских гостиных, писали в газетах, сравнивали с Островским, который в своих пьесах так же ярко и остро живописал купеческие нравы.

А он продолжал трудиться, и новые его работы были тоже очень

хороши. (Теперь его имя называли в одном ряду с таким мастером жанра, как гениальный англичанин Уильям Хогарт.)

Но очень скоро отношение публики и прессы к художнику резко изменилось. И вот уже в его картинах стали находить «злону и сатирическую насмешку над изображаемыми лицами», о его живописи говорили — причем весьма известные, авторитетные критики, — что она «временная», «злая», и даже более того — ей не место в христианском обществе! Это уже была настоящая травля. А тут еще вся забота о се-

Слева:
*«Все холера
виновата»*

«Вдовушка»

мье легла на его плечи, а денег так не хватало...

Но что он мог? Он продолжал работать — лихорадочно искал заказы, писал портреты. А для себя создавал глубоко драматичные, наполненные чувством и размышлениями о жизни полотна — «Вдовушка», «Анкор, еще анкор», «Игроки».

Теперь его герои — не забавные персонажи, а драматические, порой и трагические фигуры, как женщина, только что потерявшая мужа (сюжет был навеян печальной судь-

бой его сестры), игроки, проигрывающие не только деньги, но и всю свою жизнь, или одинокий офицер, у которого только один друг — собака. Да и сам художник сильно изменился — из весельчака, поэта, мастера смешных, остроумных поэм, он превратился в мрачного, одинокого мизантропа. Тетради, дневники и разрозненные записи Федотова, хранящиеся в отделе рукописей Русского музея, создают удивительно трогательный образ — образ человека глубоко чувствующего, ранимо-

*«Завтрак
аристократа.
Не в пору
гость»*

Справа:
*«Передняя
частного
пристава
накануне
большого
праздника»*

го, непрерывно размышляющего о месте художника в обществе, о несправедливости жизни и неизбежности смерти. Ему хотелось думать, что талант, мысль и труд гораздо важнее и ценнее, чем большие деньги, чем самые высокие чины и звания. Для него главное — это живопись, творчество. В свое время Федотов решил, что искусство требует всей его жизни — и отказался от военной карьеры, от личного счастья. Он признавался Дружинину: *«Меня не станет на две жизни, на две задачи, на*

две любви — к женщине и искусству. ...Нет, чтобы идти и идти прямо, я должен оставаться одиноким зевакой до конца дней моих».

Когда-то, когда им восторгались все ценители прекрасного в обеих столицах, Федотову сватали племянницу известного мецената богача Тарновского. Молодые люди понравились друг другу, переписывались, но Федотов так и не сделал предложения — он решил, что не имеет права на личное счастье, ведь его жизнь принадлежит искусству.

А теперь было ясно, что все его жертвы напрасны, его картины никому не нужны...

Этот страшный итог он не перенес — он просто сошел с ума. Болезнь развивалась быстро. Федотов умер, когда ему было всего 37 лет, 26 февраля 1852 года, спустя всего три года после триумфа «Сватовства майора». Умер в больнице для душевнобольных, в одиночестве. Врачи говорили — от грудной водяной болезни (плеврита). Рядом с ним до конца оставался лишь его верный денщик Коршунов, да несколько самых близких друзей. Они и проводили его в последний путь...

А «Сватовство майора» по-прежнему украшало петербургское со-

брание Прянишникова. После его смерти (меценат, много сделавший для русского искусства, умер в 1867 году) картина, вместе с другими полотнами из его коллекции, была передана в Московский Румянцевский музей, а в 1925 году, после расформирования музея, поступила в Государственную Третьяковскую галерею.

И сегодня, придя в галерею, можно снова увидеть эту картину, этот замечательный спектакль, поставленный для нас выдающимся русским художником Павлом Федотовым, и снова посмеяться над его незадачливыми героями, и снова окунуться в жизнь давно ушедшей эпохи... □

Евгения Гордиенко

*«Я всегда
искал в себе
внутренний
баланс»*

A portrait of Dmitri Hvorostovsky, a Russian tenor, with long white hair, wearing a dark tuxedo jacket, a white dress shirt, and a dark bow tie. The background is black.

**Дмитрий
Хворостовский**

Он родился 16 октября 1962 года в Красноярске, в семье Александра Степановича Хворостовского, инженера-химика, и Людмилы Петровны, врача-гинеколога. Несмотря на вполне приземленную профессию, отец будущей оперной знаменитости прекрасно играл на рояле и обладал красивым глубоким баритоном. В доме хранилось множество пластинок с редкими записями: Тито Гобби, Энрико Карузо, Мария Каллас, Федор Шаляпин, Марио Ланца... Все это юный Дмитрий мог слушать до бесконечности. И слушал, и любил.

По его собственным воспоминаниям, пел он всегда. Родные несколько корректируют эти данные: впервые, по их словам, Дмитрий запел года в четыре. Вскоре подросло и время осваивать рояль, а затем — как и всем детям из интеллигентных семей — поступать в музыкальную школу. И если в ней все складывалось хорошо (хотя педагоги в мальчишке видели скорее будущего великого пианиста, чем певца), то в общеобразовательной школе юный Хворостовский особых успехов не имел. В выпускном классе он получил разгромную характеристи-

ку и предпочел об этом непростом времени забыть.

Тем более что нужно было выбирать место для поступления. Дмитрию советовали поступать в Красноярское училище искусств, однако он выбрал педагогическое училище имени Горького, где получил специальность преподавателя музыки. Не исключено, что сделано это было с дальним прицелом — в конце концов, всегда нужно иметь в руках «земную» профессию, а не надеяться только лишь на талант — пусть и огромный.

Однако училище, к тому времени уже именовавшееся Красноярским государственным институтом искусств, все же настигло Хворостовского. Он поступил туда через несколько лет, успев к тому времени увлечься новомодными музыкальными направлениями, среди которых был и хард-рок, и даже поучаствовать в выступлениях любительской музыкальной группы.

В институте Дмитрий учился у Екатерины Константиновны Иофель, которая вырастила многих будущих гениев оперной сцены. Только ее Хворостовский видел своим преподавателем, а вот великий педагог не сразу согласилась взяться за

обучение юного таланта. Она вспоминала: «Когда Дима ко мне пришел после хорового факультета и попросил взять к себе в класс, я ему отказала, так как была перегружена — у меня был первый выпуск моих студентов. И тогда за него стали просить все! И Димины родители меня уговаривали, и его педагоги из педучилища, и мой старый друг — настройщик пианино. В общем, я сдаюсь, и мы начали заниматься. Я стала его исправлять. Он взъерепенился: «Так что ж, я ничего не умею?!» А я ему: «А голос-то откуда идет?» В начале третьего курса был уже значительный прогресс. Представьте только: он вставал у рояля, а я садилась в другой конец класса — и мне достаточно было одного взгляда, чтобы он меня понимал и

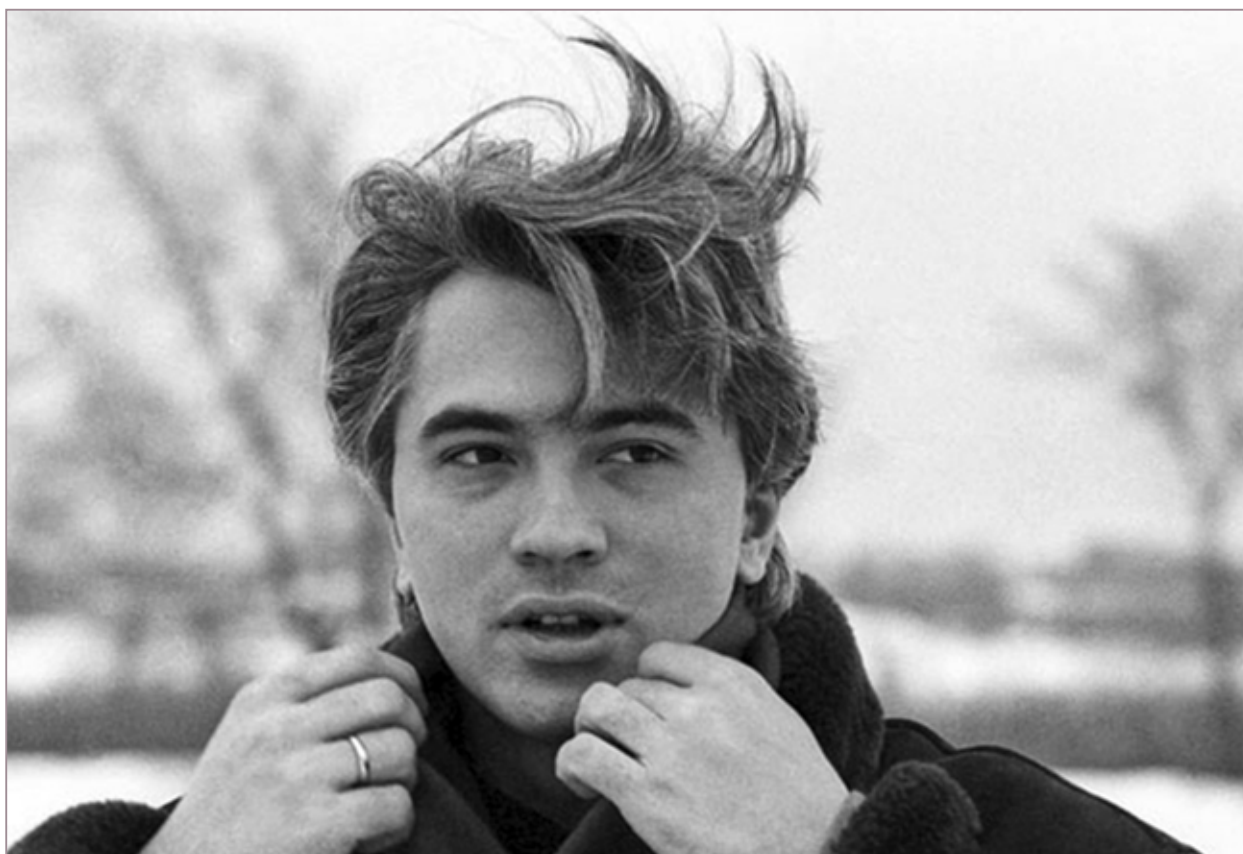
делал, как надо! Тогда его пригласили выступить с симфоническим оркестром».

Хворостовский признавался, что уроки Екатерины Константиновны пронес с собой через всю жизнь. Однако после этого тему педагогов для себя закрыл и дальше уже занимался только самообразованием.

Карьера оперного певца у Дмитрия началась еще во время его учебы — в 1985 году — на сцене Красноярского театра оперы и балета. Он принимал участие почти во всех классических постановках: «Пиковая дама», «Иоланта», «Травиата», «Евгений Онегин», «Фауст», «Паяцы».

Но вскоре стало понятно, что в родном Красноярске такому таланту попросту тесно. Настало время выходить на всероссийскую и между-

народную сцену. Этому способствовало получение множества премий конкурсов, в которых участвовал Хворостовский. Он получил Первую премию Всероссийского конкурса вокалистов и Всесоюзного конкурса вокалистов имени М.И. Глинки, Гран-при международного конкурса в Тулузе, стал лауреатом международного конкурса в Ницце, победителем престижного международного конкурса «Кардиффские голоса» в столице Уэльса и получил еще множество других наград...

Эта победа в Кардиффе и стала переломным моментом — о русском оперном певце Дмитрие Хворостовском узнал весь мир.

Узнал — и ахнул. Потому что помимо роскошного голоса, который он предъявил миру, Хворостовский

показал еще, что оперный певец может выглядеть... ну, не как рок-звезда, конечно, но все же совершенно непохоже на признанный канон тучного и не всегда симпатичного оперного исполнителя. Молодой, но с роскошной гривой абсолютно седых волос, атлетично сложенный, идеально выглядевший что в костюме, что во фраке, что в джинсах, что в кожаных штанах, Хворостовский на долгое время стал едва ли не секс-символом оперной сцены. Был момент, когда журнал «People» даже включил его в список 50 самых красивых людей мира. Сам певец, правда, относится к этому весьма скептически, считая, что все это вторично. Голос — вот что на самом деле важно. Кстати, знаменитая седина Хворостовского — просто гены.

Мама Дмитрия начала седеть, когда ей было чуть за двадцать, а он сам, по его собственным словам, — едва ли не с семнадцати лет.

После успеха в Кардиффе для Хворостовского были открыты все оперные сцены мира — в Берлине, Милане, Вене, в лондонском «Ковент-Гардене» и нью-йоркской «Метрополитен-опере». Россия не осталась в стороне — Дмитрий часто пел как в Мариинском театре, так и в Государственном Кремлевском дворце.

К моменту прихода популярности Хворостовский успел жениться. Во время учебы по нему страдали все девушки от первого до пятого курса. Еще бы, талантливый красавец, к тому же умный и галантный.

Но Дмитрий выбрал ее — балерину Светлану Иванову. Она была разведена и растила ребенка. Екатерина Иофель была решительно против этого брака и обещала выгнать Хворостовского, если он женится. Причем возмущал ее не сам факт женитьбы, а кандидатура избранницы — репутация у девушки была не лучшей. Хворостовский обещал пожениться с женьбой, но мнения своего не изменил.

Впоследствии выяснилось, что все, кто так или иначе намекал Дмитрию на ошибочность его выбора, оказались правы. Супруга не хранила ему верность, и однажды это едва не кончилось плачевно для всех.

Дмитрий, решив сделать жене сюрприз, вернулся с гастролей рань-

Со Светланой Ивановой

ше, и застал ее с любовником — одним из своих друзей. Завязалась драка, досталось всем: и любовнику, и неверной жене. Hvorostovsky едва не попал под суд, но за него поручились многие, в том числе оперная певица Ирина Архипова. Дело замяли, а брак, на удивление, продержался еще долго: супруги вместе уехали в Англию, где через несколько лет у них родились близнецы — Александра и Данила. И все же в 2001 году супруги развелись: Дмитрий оставил семье дом в Лондоне и обязался выплачивать бывшей супруге солидные алименты, которые со временем только увеличивались — по настоянию Светланы. В 2016 году ее не стало — женщина умерла от менингита и острого сепсиса.

Второй супругой Hvorostovsky стала Флоранс Илли, наполовину француженка, наполовину итальянка, и тоже — оперная певица. Она познакомилась с Дмитрием, когда он еще был женат на Светлане. Вот как он сам вспоминал о том времени: «Первое время после нашего знакомства я ее избегал. В тот момент я уже был женат. И хотя этот брак давно уже катился под откос, я все равно старался сохранять семью, поэтому бегал от Флоранс как от огня. Но от судьбы далеко не убежишь, и я очень благодарен ей за то, что она, в конце концов, нас соединила. С Флоранс я счастлив. Раньше я и представить себе не мог, что такое возможно. Она помогает мне во всем. У нас двое детей: сын Максим и дочь

Нина. Нам очень хорошо и интересно вместе».

Жену Хворостовский боготворит до сих пор: «С Флошей моя жизнь радикально изменилась, заиграла яркими красками! Мне и думается, и дышится, и поется легко. Я всегда искал внутренний баланс и благодаря этой женщине нашел его. Все встало на свои места. Флоша позволяет мне быть самим собой, с большим пиететом относится к тому, что я делаю в профессии, — и для меня это очень важно».

Флоранс тоже не отстает — ради мужа она даже выучила сложный русский язык, который, впрочем, пригодился — она снималась в российском телесериале «Тяжелый песок». Несмотря на образование — Флоранс пианистка и оперная певи-

ца, — она все же выбрала семью. Ездит с Хворостовским на все его выступления, присутствует даже на репетициях. Свою карьеру Флоранс отодвинула в сторону, по крайней мере, пока: «Чтобы чего-нибудь достичь в этой профессии, надо очень много заниматься. Когда-то я мечтала вместе с Димой спеть в «Евгении Онегине». Но сейчас поостыла и сомневаюсь, что хочу делать певческую карьеру. Я просто спросила себя, что важнее: карьера или семья? Ответ был однозначным: семья. Так что я ни о чем не жалею!»

В последние пару лет семье Дмитрия Хворостовского пришлось многое пережить: у певца обнаружили опухоль гипоталамуса. Поначалу ни партнеры по сцене, ни друзья не замечали никаких изменений в по-

С женой Флоранс и детьми

ведении артиста. Но самочувствие его становилось все хуже: головокружения, расстроенная координация, проблемы со зрением и слухом... Впоследствии сам певец говорил, что словно знал что-то заранее: «Знаете, до своей болезни я как будто чувствовал, что должен заболеть: у меня появилась апатия, появилось очень черное восприятие мира... Я был очень уставший, пессимистичный, даже жить уже не хотелось... Поэтому, естественно, когда начинаешь бороться с болезнью, начинаешь по-другому воспринимать жизнь, и хочется выжить».

Летом 2015 года на официальном сайте певца появилось объявление об отмене концертов. Тогда же Хворостовский принял решение лечиться в Англии, в клинике «Роял Мар-

сден», специализирующейся на онкологических заболеваниях. Уже в сентябре того же года он возобновил концертную деятельность, спев вместе с Анной Нетребко в Нью-Йорке в опере «Трубадур» Верди.

Дмитрий постепенно восстанавливается после болезни, снова много выступает, а в октябре 2017 года отметил 55-летие.

Говорят (очень может быть, что это «придумка» журналистов), что в юности цыганка нагадала Хворостовскому славу, успех, двух жен и много детей. И еще, что он тяжело заболеет, но вылечится и проживет еще много лет. Остается только надеяться, что это правда, и впереди у оперного певца долгие годы счастливой жизни и успешного творчества. Иногда ведь нужно верить и цыганкам... □

ПУСТОЙ СТАКАН

Я сидел рядом с ней. Она смотрела в окно. Досадно, но я замечал все изменения: терпкий больничный воздух явно не способствовал выздоровлению. Но окна не открывались...

— Ты можешь подложить мне вторую подушку? Посмотри,— показала она рукой справа от себя, даже не поднимая головы. — Я хочу видеть, что там, за окном.

Я подложил подушку, и мы смотрели в окно. На улице стоял трескучий мороз. Все покрылось белой коркой.

— Где деревья? — спросила она.

— Мы высоко, — ответил я, улыбнувшись, — их просто не видно.

— А где город?

— Города тоже не видно... Хочешь, я подниму тебя?

— Нет, не надо, пожалуй. Мне тяжело... Одна это дурацкая труба, источающая ядовитые газы... Мне кажется, она бесконечно будет стоять вот так, всегда будет выбрасывать наружу эту гадость и еще многих людей переживет — тех, кто будет лежать на моем месте, — озлобленно проговорила она.

— Если у тебя есть силы раздражаться, значит, еще не все потеряно, — сказал я и опять улыбнулся.

— Чертова труба!..

Я сидел рядом. Мы смотрели в окно. Яркое-малиновое солнце закатывалось за горизонт.

— Где машина? — спросила она тихо.

— Ее уже не восстановить.

— Я спросила, где она?

— Отвезли на свалку.

— Я ничего не помню...

— Странно, что ты вспомнила о машине... Это такая мелочь...

— Ты мне изменял?

— Помилуй, когда?.. — рассмеялся я.

— Не строй из себя дурака, пожалуйста. У меня нет сил, чтобы говорить много. Отвечай правду — возможно, это один из наших последних разговоров.

На глаза накатывались слезы. Я смотрел на нее, и предчувствие, что витало в этой комнате, казалось мне правдивым. Обычно такие фразы обрывают и взамен говорят что-то незначительное, ободряющее. Но у меня не получилось. Мы оба понимали цену этой правде.

— Да, изменял — когда с тобой еще не познакомился, и то не очень много, потому что чувствовал твое приближение и на всякий случай вел себя консервативно. — Я сказал это спокойно и снова улыбнулся.

Она повернула голову — осторожно и совсем немного. Ее глаза, уставшие, полные страдания, смотрели на меня.

— Ты добрый все же...

— Спасибо, — кивнул я и осторожно взял ее за руку.

Солнце закатилось. Бессмысленные разговоры закончились. Стало темно. Она заснула.

Я вышел из больницы и, опять увидев эту трубу, подумал про себя: «Беспощадная, отовсюду ее видно... И эта история не «Последний лист» О'Генри. Тут все намного сложнее: трубу не уберешь».

Я решил выключить телефон. Мне не хотелось никаких звонков этой ночью, подозревая, какими они будут. Станные мысли посещали меня. Все случилось так внезапно, что невозможно было вжиться в эту ситуацию всем существом и принять ее неотвратимость, которая в полной мере касалась и меня, но что-то во мне протестовало, ежесекундно напоминая о том, что со мной-то ничего, собственно, не случилось, и растрачивать себя, убивать себя просто нет никакой необходимости.

Но была и другая сторона.

«Может, я ее и не любил? — подумал я. — С какой стати я говорю это в прошедшем времени?.. Значит, сейчас между нами точно ничего нет. Какая-то дикость!.. Кто живет во мне?!»

Все это было странно. Очень странно.

Я пришел домой. На стуле заметил вечернее платье, которое она надевала совсем недавно. Кремы, тушь, цепочки, косметички, большие

и маленькие, и тому подобное... Столько вещей напоминало о человеке, но меня это почему-то больше не волновало. Подавленный, я рухнул в постель.

Проспав до 11 утра, поднялся, будто заново родившись. Только пропущенные звонки на моем телефоне вернули меня к реальности.

Белые халаты, какая-то суета, все на ходу...

— Состояние, в принципе, стабильно... — Пауза... — Стабильно тяжелое... Вы же понимаете, о чем я. Задет спинной мозг, но мы не можем делать операцию сейчас. Потеря чувствительности ниже таза почти полная. А вы — странный. Все обычно спрашивают: «Какие прогнозы? Чего ждать?», а вы идете рядом и молчите.

— Я, доктор, спрашиваю вас про себя и сам себе на этот вопрос отвечаю.

— Езжайте лучше пока домой — отдохните или отвлекитесь.

— Можно ее увидеть? — спросил я.

— Да, пожалуйста. Только недолго. Вот туда, направо. Сестре скажите, чтобы провела. Назовете мою фамилию. Мы ее перевели в палату интенсивной терапии. До свидания, — ответил доктор и удалился.

«Спинной мозг... — думал я, заходя к ней в палату. — Что это значит?»

Она лежала в углу. Куча каких-то приборов ежесекундно выводили на экраны новые данные. Бесконечное количество трубок пронизывали ее тело и уходили куда-то внутрь этих приборов. Капельницы стояли в очереди. Она была в сознании. Я сел рядом. Не обратив на меня никакого внимания, она прошептала:

— Наверное, это ты.

— Да, — тихо ответил я.

— Я ненавижу все, что меня окружает. Я ненавижу себя. Единственное мое желание — чтобы перед моими глазами больше не маячила эта страшная труба...

— Я все понимаю....

— Ты не такой, каким был последний раз... Я чувствую холод...

— Хорошая моя... — Я взял ее руку в свои.

Она с трудом повернула голову и посмотрела мне в глаза.

— Да, это ты, — сказала она, чуть улыбнувшись, и снова откинула голову на подушку. — Мне трудно говорить. Посиди со мной. Я хочу побыть рядом с твоими мыслями...

Мы сидели так долго, очень долго. Мои мысли были в воспоминаниях, в чудесных воспоминаниях о наших встречах, а потом и нашей жизни. Все было как-то не так, как у других — шатко, неровно, импульсивно, но так выразительно, что даже самые, на первый взгляд, счастливые пары завидовали нам. Насколько это было важно? Не знаю, — все было важно тогда. Повышенная чувствительность ко всему — это то, чем мы обладали и чем гордились.

Она уснула. Я покинул палату и отправился домой, спать.

Прошла неделя.

— Вот что я вам скажу. Позитивная динамика присутствует, вы это видите сами, но мы ничего не можем гарантировать, полное обследование будет проведено на следующей неделе, после чего решится вопрос о возможности операции. Анализ первых томограмм показал, что спинной мозг сильно поврежден. Не исключена дегенерация. В таких случаях медицина бессильна. И это значит...

— И это значит? — переспросил я.

— То и значит, — закончил разговор доктор.

Я зашел к ней в палату.

— Милый, я уже почти сижу!

Она посвежела. Улыбка возродила ее лицо, а взгляд... я увидел в нем то, что видел всегда. «Жизнь возвращается», — подумал я и тоже улыбнулся.

— Поцелуй меня! — Она протянула ко мне руки.

Я подбежал, положив огромный букет цветов на тумбочку между бесконечным складом еды и медикаментов, и начал целовать ей руки. Какие были эти руки! Горячие, пульсирующие, обворожительные — самые красивые в мире женские руки!

— То, что я пережила за эти дни...

— Да, я все понимаю, я старался быть с тобой.

— ...это невозможно понять, — прошептала она и заплакала.

— Успокойся, все уже почти позади... Ты идешь на поправку. Мы это понимаем, ведь так?

— Да-да, все хорошо, только... я почему-то не чувствую ног... Я спрашивала докторов — они говорят, это посттравматическое.

— Какого черта они говорят?

— В следующий раз принеси молоток, помнишь, у нас в кладовке лежит обычный молоток. Сядь вот тут рядом со мной. Я попрошу тебя просто размозжить правую ногу. Начнешь это делать, а я в это время буду целовать тебя и улыбаться. Понимаешь, о чем я?

— Наверное, да, понимаю... — неуверенно проговорил я.

Прошло несколько месяцев.

Моросил мелкий дождь, нам было холодно.

— Так на сколько лет я тебя младше?

— Ну, разве это важно? Ты рядом, и тебе хорошо, это главное...

— А тебе? — спросила она. — Я без ума от тебя!

Что-то остановило меня сказать «да».

Я прижал ее к себе и страстно поцеловал.

— Как это романтично, целоваться под дождем! — рассмеялась она. — Я, по-моему, согрелась, а ты?

«Это моменты, ради которых стоит жить!» — думал я, идя домой полный сил и энергии. Но, подходя к дому, возвращался в свое обычное в последнее время состояние.

— Ты где так долго?

— Привет! Задержался на работе.

— Я хочу погулять.

— Там дождь на улице, давай отложим.

— Выведи меня на улицу! — почти закричала она.

— Успокойся...

— «Успокойся»? Да как можно вообще быть спокойной в моем положении?! Я — инвалид, обреченный инвалид! — Она зарыдала. — А вот ты, я смотрю, спокоен — спишь, с кем попало, чуть ли не каждый день!

— Какого черта?! — закричал я. — Повторяю: я был на работе!

— А «Шанель №5» тоже у вас на работе?

— Я не понимаю, о чем ты.

— Ты никогда ни в чем не сознавался, но это не значит, что можно скрыть правду и скрывать ее всю жизнь!

Я схватился за голову. Казалось, выхода нет, и у меня не было сил искать его. Похоже, все вокруг способствовало тому, что мои отношения с ней становились совершенно невозможными. Даже сам факт присутствия ее в соседней комнате был для меня невыносим.

— Прости меня, — прошептала она, не поднимая заплаканных глаз.

Я подбежал, обнял ее.

— Ну что ты, я же рядом...

— Я не знаю, как жить дальше. Я в тягость тебе, я в тягость себе самой! Не осталось никаких ориентиров. А ведь еще полжизни не прошло! — И она снова заплакала.

— Какая осень в этом году! Такой в моей жизни еще никогда не было! Невозможно налюбоваться! А куда мы едем? — спросила она.

— Мы просто едем — подальше от города. Мне сложно сказать, куда именно.

— Это так замечательно, когда не знаешь, куда едешь!..

Я остановился перед закрытым въездом в лес. Шлагбаум так давно не поднимался, что, казалось, уже прирос к опоре. За ним виднелась нехоженная широкая дорога. Извиваясь, она пропадала из поля зрения всего метров через двести, скрываясь за древними стволами неповоротливых дубов, ухоженных елей и золотистокроновых берез.

— Пожалуйста, осторожнее выкатывай — я до сих пор еще боюсь твоей машины, — попросила она. — Мы тут перейдем?

Я медленно катил ее вдаль. Мы любовались этим местом, замечая любые незначительные детали, восхищались ими.

— Поразительно все же, как может измениться человек! Но зачем платить такую непомерную плату?..

— Я не знаю. Я раньше тоже был другим, хотя со мной ничего и не произошло.

— Произошло, еще как произошло. Ты стал другим, — сказала она и улыбнулась.

— Спасибо.

— Какие удивительные цвета вокруг! Я даже никогда не задумывалась, что, перед тем как уйти во временное забытие, природа как бы раскрывает всю свою красоту. Перед кем? Перед нами, людьми?

— Это всего лишь пигментация листьев. Разрушается хлорофилл, и выступает другой окрас, который летом заглушался зелеными зернами того же хлорофилла.

— Меня это мало волнует. Это же просто красота!..

— Быть может, это красиво потому, что ты не привыкла к этому?

— Вечно ты желаешь все объяснить!

— Прости!

— Какое сегодня солнце! Оно припекает, ты заметил? И это в начале октября! Удивительно! Я вряд ли уже увижу осень лучше, чем эта.

— Ты опять? Перестань!..

— Послушай, ты можешь для меня кое-что достать? Я прочла в Интернете, не помню название точно... но я записала. Долго думала, что выбрать.

Меня передернуло от мысли, которая пришла мне в голову, и я спросил:

— О чем ты? — спросил в надежде, что это совсем не то, о чем я подумал.

— Ты знаешь, о чем, — произнесла она ледяным голосом. — Так мы решим все проблемы. И твои тоже.

— Да как ты можешь говорить такое?!

— Перестань теперь ты... Театрал!

— А почему ты никогда не приглашаешь меня в гости? Мы все время у меня. — Она вытянула правую ногу и поглаживала ее руками.

— Мы обязательно поедem ко мне. Скоро. Давай, я тебя поцелую. Хочу честно признаться, я не люблю поцелуев, но ты это делаешь так, что мое единственное желание — это засыпать и просыпаться с твоими поцелуями.

Она обняла меня, и мы снова запутались в одеяле.

Вечерело. Я сидел в уютном кафе и пил чай. Подошел мой друг и сел рядом.

— Спасибо, что нашел время... — начал я.

— У тебя что-то случилось? — спросил он.

— Даже не знаю, с чего мне начать... Она хочет уйти из жизни. — И я, не выдержав, заплакал.

— Мне кажется, это серьезная проблема. Возможно, нужно обращаться в какие-то специальные реабилитационные центры... Но главная поддержка — это ты, и ты должен осознавать свою ответственность. Я понимаю, как тяжело тебе. Чем я могу помочь?

— Возможно, ты не понял. Давай не будем касаться моральной стороны этого вопроса — мы можем просто пофантазировать на отвлеченную тему, не воспринимая всерьез этот разговор.

— Что ты имеешь в виду?

— Предположим, случится страшное — ведь в жизни все бывает.

— И ты таким спокойным тоном говоришь мне это? — Мой друг побагровел.

— Успокойся, пожалуйста, дослушай меня до конца. Она же не может отравить себя сама. Кто-то должен принести ей... Это значит, что тот, кто это сделает, становится убийцей?..

— Убийцей, возможно, нет, но соучастником — точно, — ответил он, опустив голову.

— Можно каким-то образом сделать так, чтобы после этого ужасного происшествия не было ни соучастников, ни убийц?..

— Ты сошел с ума! — воскликнул друг. — Ты жить после этого нормально не сможешь, даже если все пройдет гладко!

— Да мы просто фантазируем — не более, успокойся...

— У вас бывает кто-нибудь в гостях?

— Нет...

— Возможно, чтобы к вам зашел незнакомый тебе человек?

— Я понимаю, о чем ты... Наверное, возможно.

— Решишь это проблему, все остальное — дело техники. И вот еще что, нашей встречи не было, и ты мне ничего не говорил. Мне не хочется быть причастным к этому, даже в разговорах.

— Хорошо.

Он встал из-за стола и вышел из кафе, не пожав мне руки.

— А ты побудь на моем месте, хотя бы несколько дней... Чертов адвокат! — вырвалось у меня.

Я заметил за собой, что решение вопроса таким способом превратилось в навязчивое желание, о котором я думал отныне день и ночь.

Прошло несколько недель.

Все успокоилось, улеглось. Она начала шевелить пальцами ног — удивительно, но это так. Какая это была радость! Возвращаясь после работы, я купил бутылку шампанского и цветы. Наверное, это был первый счастливый день после аварии для нас двоих.

У нее блестели глаза. Она долго говорила о том, как в результате тренировок, мучительных, долгих, возможно встать, вернуть чувствительность, что неважно, насколько это будет тяжело и долго, — главное, чтобы Бог дал ей шанс прийти к этому.

Я был внутренне спокоен. Мне казалось все это несбыточной мечтой, но я улыбался и поддакивал. Она находила в моем взгляде поддержку, но душа моя была равнодушна.

Ночью мне приснилось, что я отравил ее. Я проснулся в холодном поту — наверное, потому, что история была очень близка к реальной, и организм так отреагировал. Мне стало не по себе. Она лежала рядом и тихо спала. Тогда я подумал, если это даже во сне ужасно, как же можно реализовать в действительности, и заключил: «Не смогу никогда!»

Но жизнь моя, волей-неволей, менялась. Я достал то, что требовалось, оставаясь при этом анонимным.

Час «икс» пробил. Растворив порошок в обезболивающем лекарстве, я подошел к ней.

— Ты ведь единственный, кто остался рядом со мной, — взяла она меня за руку. — Я вот ругаю тебя, круче некуда, обижаюсь, но кто бы мог стерпеть то, что терпишь ты. Какая тяжелая ноша у тебя, и как ты с гордостью, самообладанием, как мужественно ты несешь ее. Кто бы смог так?

— Перестань!

— Ты ведь меня не любишь уже... Да и кто способен любить такую, как я... Но я не ошиблась в тебе. Дай попить.

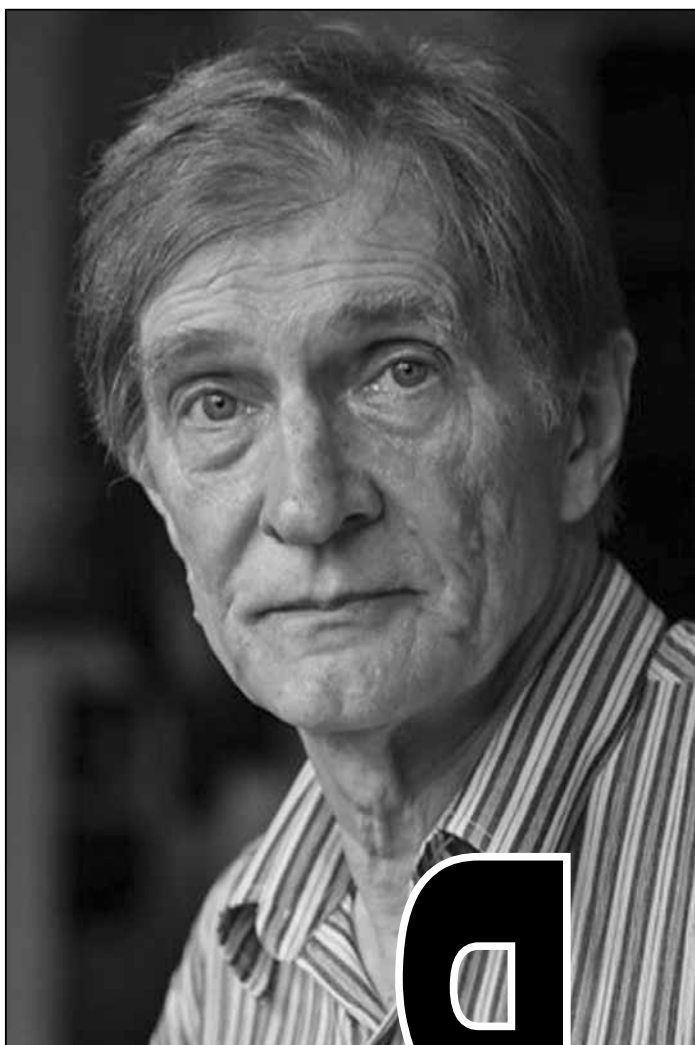
Я протянул ей стакан.

— Я хотела сказать, что тебе будет лучше, если ты перевезешь меня в больницу. У меня на счету есть деньги. Только обещай, что будешь навещать меня хотя бы раз в неделю. — Она сделала глоток и закрыла глаза.

...Я взял ее за руку и долго держал в своей. Я плакал и не давал охладеть ее руке еще много-много часов. Внезапность происшедшего, осознание того, что это не игра и не сон, а необратимая реальность, было самым страшным наказанием, которое могло только быть уготовано мне.

Я взял ручку и начал писать. И вот сейчас строки на исходе, а стакан еще не пуст. Я принял непростое для себя решение, но, видимо, это единственный правильный выход. Счастье ушло для меня безвозвратно, и с таким грузом на душе оно уже никогда не повторится.

Я дописываю. Кладу ручку. И выпиваю остаток... □

Этому ведущему артисту Московского театра юного зрителя недавно исполнилось 77 лет. Выпустившись из ВГИКа, играл в Театре киноактера Чацкого. На сцене МТЮЗа он прославился главными ролями в сенсационных спектаклях «Гроза», «Черный монах», «Скрипка Ротшильда». С блеском воплощает острохарактерных персонажей и до сих пор висит на сцене вниз головой, делает кульбиты...

Георгий
Кричевский

Игорь Ясулович:

«Ценить отпущенное»

И он же за свою долгую творческую жизнь снялся почти в двухстах картинах. На экране бывал художником, врачом, ювелиром, бомжом, ученым. А еще — аристократом, партийным боссом, жуликом и пропойцей. При этом в жизни Игорь Николаевич — очень добрый, мягкий человек, любящий и заботливый муж, отец, дедушка.

Обладатель уникального, мгновенно узнаваемого голоса мягкого, богатого эмоциональными оттенками тембра, он всегда был востребован на озвучивании отечественных и дубляже иностранных лент, что немало способствовало их зрительскому успеху. Достаточно вспомнить одного из героев мини-телесериала «Театр», Арамиса в «Трех мушкетерах». Голосом Ясуловича говорят персонажи «Списка Шиндлера», «Князя Владимира» и «Русалочки», «Шрека-2», памятного диснеевского мультсериала «Черный плащ»...

Свое второе призвание Игорь Николаевич нашел, воспитывая студентов во ВГИКе, где уже не первый год возглавляет кафедру актерского мастерства, сменив на этом посту Алексея Баталова. Его ученики, друзья, близкие в нем души не чают. Не удивительно. Про таких, как он, говорят: «Светлый человек!»

Родился будущий актер и режиссер (кроме актерского он окончил также режиссерский факультет ВГИКа) 24 сентября 1941 года в селе Рейнсфельд Куйбышевской области (ныне — Залесье), в семье кадрового офицера, по происхождению белоруса. С раннего детства мальчик привык к частым переездам семьи, пока она, наконец, не осела в Таллине. Там он пошел в школу, там же стал заниматься в театральном кружке и вскоре выдвинулся в число лучших его участников. А к окончанию школы у Игоря созрело бесповоротное решение поступать в столичный театральный вуз. Родители, скрепя сердце, не стали рушить мечту сына и отпустили его в Москву. Мать,

домохозяйка, только вздохнула на прощанье: «*Лучше бы ты, сыночек, на инженера поступал*». Увы, к вступительным экзаменам в ведущие театральные училища он опоздал, а в ГИТИСе срезался на втором туре. Удача улыбнулась ему во ВГИКе.

«Закваску я получил там хорошую, — рассказывает Игорь Николаевич. — Пластическое мастерство актера, пантомиму нам преподавал артист театра Таирова Александр Александрович Румнев, и мы все буквально влюбились в этот предмет, столь для нас необычный. А тут еще во времена «оттепели» в Москву приезжали великие мастера этого дела — Жан Луи Барро, Марсель Марсо, и среди студентов

*К/ф
«Двенадцать
стульев»*

Справа:
*К/ф
«Самая
обаятельная
и привлека-
тельная»*

началось просто повальное увлечение пантомимой. Мы создали свой театр пантомимы, занимались еще биомеханикой. Ее элементам нас обучал Зосим Павлович Злобин, он у Мейерхольда осваивал эти упражнения. Режим был такой: утром — тренаж (причем в него включался и балетный станок, и акробатика, и прочее), потом — репетиция, а вечером — спектакль».

Впоследствии кинорежиссеры охотно использовали специфические умения Ясуловича. Он бегал в картинах по крышам вагонов идущего на полном ходу поезда, выпрыгивал из окон, выполнял сложные автомобильные трюки. В фильме «Ай лав ю, Петрович» ему пришлось убежать по оврагам от погони с гусем в руках, догонять едущую железнодорожную платформу и взбираться на нее... Сам Игорь Николаевич ничего осо-

бенного в этом не находит. «Такая моя профессия», — улыбается он.

Актерский факультет ВГИКа Ясулович окончил в 1964 году, успешно начал в разных театрах актерскую карьеру, а в 1974-м решил получить еще и режиссерское образование, поступив на курс Михаила Рома.

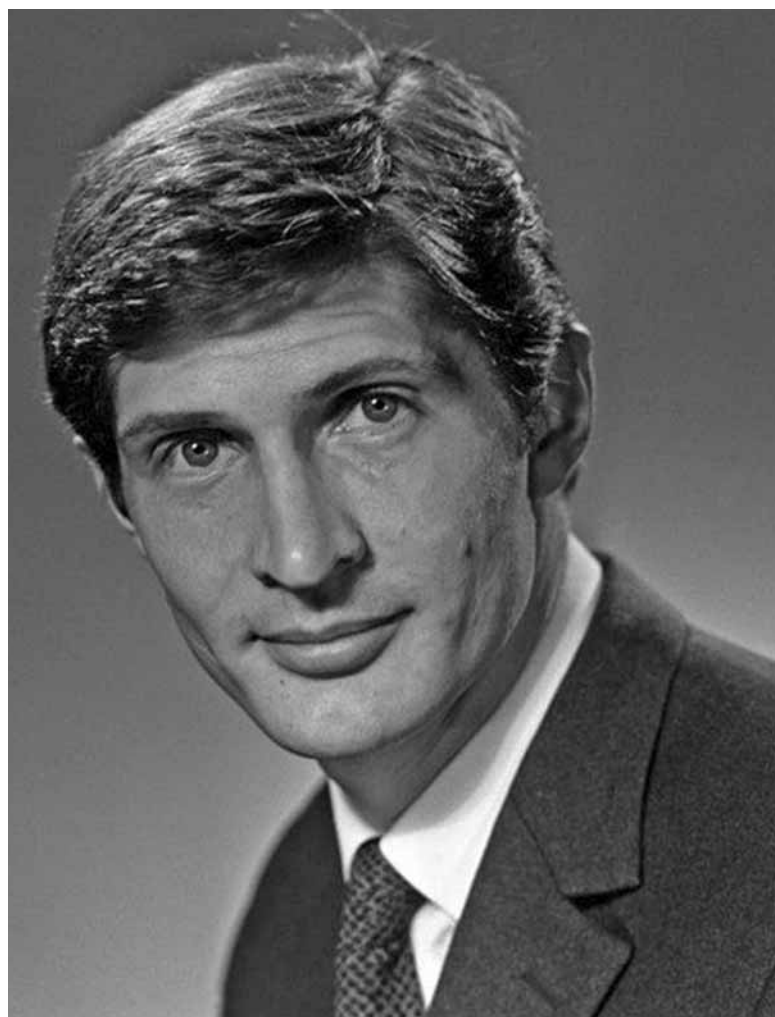
В кино же Игорь дебютировал в 1961 году маленькой ролью у своего будущего учителя режиссуры Рома в «Девяти днях одного года». Романтичного и житейски наивного физика Федорова актер сыграл с подкупающей искренностью и запомнился зрителям. В том же году был еще танцор в очках из «Приключения Кроша», а два года спустя, незадолго до окончания института, — Кеннет в двухсерийной телеэкранизации пьесы Дж. Пристли «Теперь пусть уходит».

Роли комедийные, эксцентрические уже в начале актерского пути

Игоря Ясуловича успешно чередовались с ролями грустными, порой даже трагическими.

Шестидесятые годы, период хрущевской «оттепели», оказались особенно богаты на разноплановые, разножанровые экранные работы Ясуловича. Экспериментировать он никогда не боялся. Комфортно чувствовал себя и в комедиях, и в детективах, и в драмах, поскольку обладал «универсальной» внешностью, эдакий худосочный «интеллигентик в очках». Вместе с тем, он убедительно воплощал на экране образы, весьма далекие от стереотипа «интеллигентного очкарика». Таковы Виктор Корецкий в фильме о летчиках-испытателях и авиаконструкторах первых послевоенных лет «За облаками небо», аптекарь и советский разведчик Гюнтер в двухсерийной ленте «Бой после победы»,

предводитель слепых в «Легенде о Тиле», слуга герцога в «Том самом Мюнхаузене» и незабываемый парковый сторож в «Мэри Поппинс, до свидания!»

Мастер эпизода, он всегда расширял рамки отведенной ему небольшой роли, делал ее предельно значимой (если, конечно, драматургия фильма позволяла). Рассыпанные по десяткам лент сочные эпизоды актера — золотые крупницы, осевшие в благодарной зрительской памяти, даже когда порой сами фильмы забылись. В романтико-исторической драме «Могила льва» Ясулович сыграл брата коварного полоцкого князя Всеслава, Дмитрия. Сыгран этот неоднозначный персонаж так, что его не затмили главные герои картины в исполнении О. Видова, М. Лиепы, В. Никулина, Н. Ургант. Столь же историчным

и своеобразным получился у Ясуловича Финн в последней режиссерской работе Александра Птушко «Руслан и Людмила», снятого по мотивам пушкинской поэмы. Критики единодушно считают эту двухсерийную ленту вершиной творчества классика нашего сказочного кинематографа.

В семидесятые годы произошла знаковая встреча двух закадычных друзей — режиссера и актера — на съемках картины Владимира Грамматикова «Мио, мой Мио», одного из первых отечественных фильмов в жанре фэнтези, по одноименной сказке Астрид Линдгрен, в котором приняли участие советские и скандинавские актеры и который снимался в Крыму, Швеции и Великобритании. Ясуловичу досталась в этой нестареющей ленте роль Эно, выбивателя ковра.

Слева:
К/ф
«Бриллианто-
вая рука»

К/ф
«Гардемарины,
вперед!»

Рассказывает кинорежиссер и актер Владимир Грамматиков: «Мы с Игорем тесно сошлись еще в Театре пантомимы у Румнева и с тех пор по жизни не расставались. Но до какого-то момента я его в своих фильмах «не видел». А после «Мио, мой Мио» стал снимать часто, более того, читая сценарий, уже точно представлял, кого он должен сыграть в будущем фильме. И — ни разу не ошибся в выборе. Он настоящий профессионал с широчайшей актерской палитрой. И при этом невероятно дотошный в работе над ролью, всю душу может вымотать, уточняя, что да как...

Люблю дружную семью Игоря, его верную спутницу жизни Наташу, с которой они счастливы в браке

уже более полувека. Люблю бывать в их небольшом, но очень уютном загородном доме, где они живут круглый год».

Свою обожаемую жену, музу и «ангела хранителя» (так он ее называет) Наталью Егорову Игорь Николаевич в буквальном смысле «нашел у ресторана». Однажды его близкий друг, актер Всеволод Абдулов, пригласил Игоря и Наталью в ресторан с целью познакомить их. Пригласил, а сам опоздал. Они же пришли вовремя и порознь дожидались Севу у входа. Игорь курил, Наташа ела мороженое. И так эта эффектная блондинка ему понравилась, что он придумал повод подойти к ней

*К/ф
«Гостя
из будущего»*

и познакомиться. Предложил сходить вместе на спектакль в «Современник», хотя билетов у него, оканчивавшего тогда ВГИК, не было. Подъехавший с извинениями за опоздание Абдулов с удивлением обнаружил их мило болтающими...

Мама Натальи настороженно встретила будущего зятя. Звездных ролей у него еще не было, своего жилья — тоже. А к Наташе в тот момент сватался сын заслуженного летчика-испытателя. Однако отец невесты, известный кинорежиссер Юрий Егоров, в Игоря поверил, дал ему шанс войти в их элитарную семью. Наташа с тех пор живет за мужем, как за каменной стеной. Свадьбу сыграли в узком кругу, а медовый месяц Игорь в сопровождении молодой жены провел на гастролях. Та, окон-

чив истфак МГУ, целиком посвятила себя мужу, стала ездить с ним на гастролы и съемки, готовя ему и стирая в походных условиях, хотя сама выросла, можно сказать, в «теплице».

Как-то раз во время съемок на Урале молодых поселили в неотопливаемую избу, спать пришлось в шубах. Рано утром, когда Игоря увезли на съемочную площадку, Наташа отправилась за десять километров в другой поселок, купила там продукты, разыскала дрова, упросила доставить их к ним в избу и растопить печь. Когда поздно вечером Игорь, до смерти усталый, вернулся со съемок, на столе его ждали борщ и пирог с черникой...

Спустя три года у пары родился сын Алексей. Сегодня уже подрастают внуки. *«Если мой сын будет*

особенно щедр, то может в новом году подарить мне еще одного», — шутит актер. «Папа у нас замечательный, он остается главой клана, — вступает в разговор Алексей, также выбравший актерскую профессию, а ныне занимающийся продюсированием детского кино. — Все волевые решения в семье принимает только он. Но когда отец на гастролях, ответственность за семью лежит на мне».

Сам Игорь Николаевич несколько не тяготится ответственной ролью главы семейного клана. «Случается у меня, как у всякого, плохое на-

строение. И отчаяние посещает, и грусть. Но как бы тяжело ни сложился день, я всегда знаю, что вернусь домой, где меня любят и ждут. Это ведь самое важное в жизни — знать, что есть куда возвращаться. Я согреваюсь рядом с моими родными. Вторая моя отдушина — работа. Давно понял: надо не терять, а ценить и приумножать все нам отпущенное».

«Приумножать отпущенное» Игорь Ясулович умел всегда и поныне не утратил этого умения. С возрастом, которого актер старается не заме-

*С сыном
Алексеем*

К/ф
«На углу
у Патриарших-3»

Справа:
К/ф
«Мэри Поппинс,
до свидания!»

чать, диапазон его работ в театре и кино если не количественно, то качественно расширился, приобрел психологическую глубину с оттенком мудрой грусти. Ему оказались по плечу сложные драматические роли классического репертуара — царь Креон в «Медее», король Лир в «Шутах Шекспира», Пимен в «Борисе Годунове». И в каждой сценической партии Ясуловичу удалось обнажить человеческую суть образа, вызвать зрительское доверие и соучастие. В, казалось бы, совсем небольших ролях он брал большие творческие высоты, раскрывая неожиданные грани своего актерского мастерства.

В 2000-е годы он активно снимался в многосерийных телефильмах (но не в «мыльных операх»!) Актер обратился к ним, прежде всего, не ради гонораров, хотя и это отнюдь

немаловажно, но ради интересного материала, которого ему зачастую не хватало в кино и театре. Одной из самых значительных его работ такого рода стала роль члена Политбюро ЦК КПСС, зловещего идеолога партии Михаила Сулова в политическом телеромане «Брежнев» (2005). Роль отрицательная, не часто встречающаяся в творческом багаже актера, но отнюдь не однозначная. Убежденного в своей правоте, фанатичного коммуниста-аскета, душившего все живое и смелое в искусстве и литературе, сыграл Ясулович настолько убедительно (тут сказалось также их чисто внешнее сходство), что роль не потерялась на фоне образа главного героя, созданного непревзойденным Сергеем Шакуровым.

Примечательны роли актера в популярных телесериалах тех лет «Ка-

менская-2», «Всегда говори всегда», «Москва, Центральный округ», «Ермоловы». В шестисерийном телефильме по роману Лермонтова «Герой нашего времени» Ясулович предстал в образе... старухи. В шутовой сказке «Лиловый шар» сыграл Кащея Бессмертного. Сыграл совершенно по-своему, непохоже на замечательных предшественников, оживлявших этот едва ли не самый необычный персонаж русского фольклора.

А рядом — яркие, хоть и небольшие роли в нашумевших картинах «Статский советник» (химик Аронзон), «Четыре возраста любви» (Игорь Леонидович), «Выйти замуж за генерала» (Леонид Аркадьевич), в совместном российско-американ-

ском пародийном боевике «Форсаж да Винчи»... Каждый фрагментарно сыгранный в них актером характер — целая новелла про чувства, мысли, поступки персонажа. Два-три выразительных штриха — и перед нами живой человек. И везде Ясулович узнаваем, и всегда разный.

Сам Игорь Николаевич к числу своих любимых ролей в кино относит «Четыре возраста любви», «Человек-ветер», «Обратной дороги нет», дорожит образом психоаналитика в драматической ленте друга Грамматикова «Сестрички Либерти». И совершенно не жалеет о том, что его обошли в кинематографе роли центральных персонажей. Говорит вполне серьезно: «*Что Бог посылает,*

*К/ф
«Брежнев»*

то и хорошо!» Однако гордится коллекцией человеческих типов и сюжетных положений, которые ему довелось сыграть.

Как у всякого выдающегося актера, у Ясуловича есть свои «фирменные» способы и приемы работы над ролью, свои привычные «зацепочки». Так, к примеру, он любит собирать и хранить на будущее различные атрибуты костюма — цилиндры, перчатки, платки, с которыми ему приходилось появляться на сцене либо перед камерой. Они помогают «погружению» в образ, особенно, если этот образ принадлежит другой эпохе.

Тщательность, с какой Ясулович при всем своем огромном актерском опыте подходит к каждой новой, пусть даже совсем маленькой роли,

давно известна. Он ничего не делает наскоком и, даже идеально зная текст, перед тем как встать в кадр, неизменно задает режиссеру уйму вопросов о мельчайших нюансах душевного состояния и поведения его персонажа в данной сцене.

Готовность той или иной роли для Ясуловича понятие относительное. Он сам говорит, что любит долго обкатывать сценическую роль от спектакля к спектаклю и лишь после десятого-пятнадцатого может признать роль «готовой». Только тогда, по его мнению, в ней открываются какие-то скрытые смыслы, которые актер тоже обязан донести до зрителя. В спектакле Театра киноактера «Дурочка» он сыграл не менее шестисот раз, начав еще тридцатилетним. И не переставал открывать

К/ф
«По прозвищу
"Зверь"»

в своем герое новые примечательные черточки. Поэтому он ему не надоедал. По мере того, как шли годы, его две дочери в спектакле становились в жизни все старше и старше, и

Ясулович подшучивал в гримерке над партнершами: *«Вот, девочки, учитесь выбирать роли. Вы с каждым годом гримируетесь к этому спектаклю все больше, а я все меньше».*

С женой
Светланой

Люди, хорошо знающие Игоря Ясуловича, отмечают его подчеркнутую сдержанность в сочетании с энергичностью, а также исключительную отзывчивость и абсолютную безотказность в дружбе. Дружба для него и впрямь понятие круглосуточное. Столь же чуток и энергичен он в своей бурной общественной деятельности, не жалея для нее сил и времени.

Демократ до мозга костей, этот увенчанный фестивальными призами и государственными наградами Народный артист России органически не способен мириться с социальной несправедливостью и не боится открыто выразить свою гражданскую позицию.

«Личное пространство» — название минисериала текущего года, в котором Ясулович принял участие, может служить определением одного из его жизненных принципов, не

идушим вразрез с врожденной деликатностью и доброжелательностью этого скромного человека, наделенного обостренной совестью и общественным темпераментом. Личным пространством он очень дорожит и ни за что им не поступится. Светские тусовки, мелькание в разного рода «ток-шоу», вся эта «ярмарка тщеславия», до которой падки некоторые известные артисты, не для него. Он прошел и продолжает идти по жизни с неизменным чувством собственного достоинства, ни в чем не уронив высокого звания актера и оставаясь безупречным примером для поколений своих благодарных учеников.

...На Малой сцене театра Маяковского — гостиная нью-йоркской квартиры в спектакле по классической пьесе Артура Миллера «Цена». Два брата, разобщенные жизнью,

Слева:
К/ф
«Одесса-мама»

К/ф
«Лиловый шар»

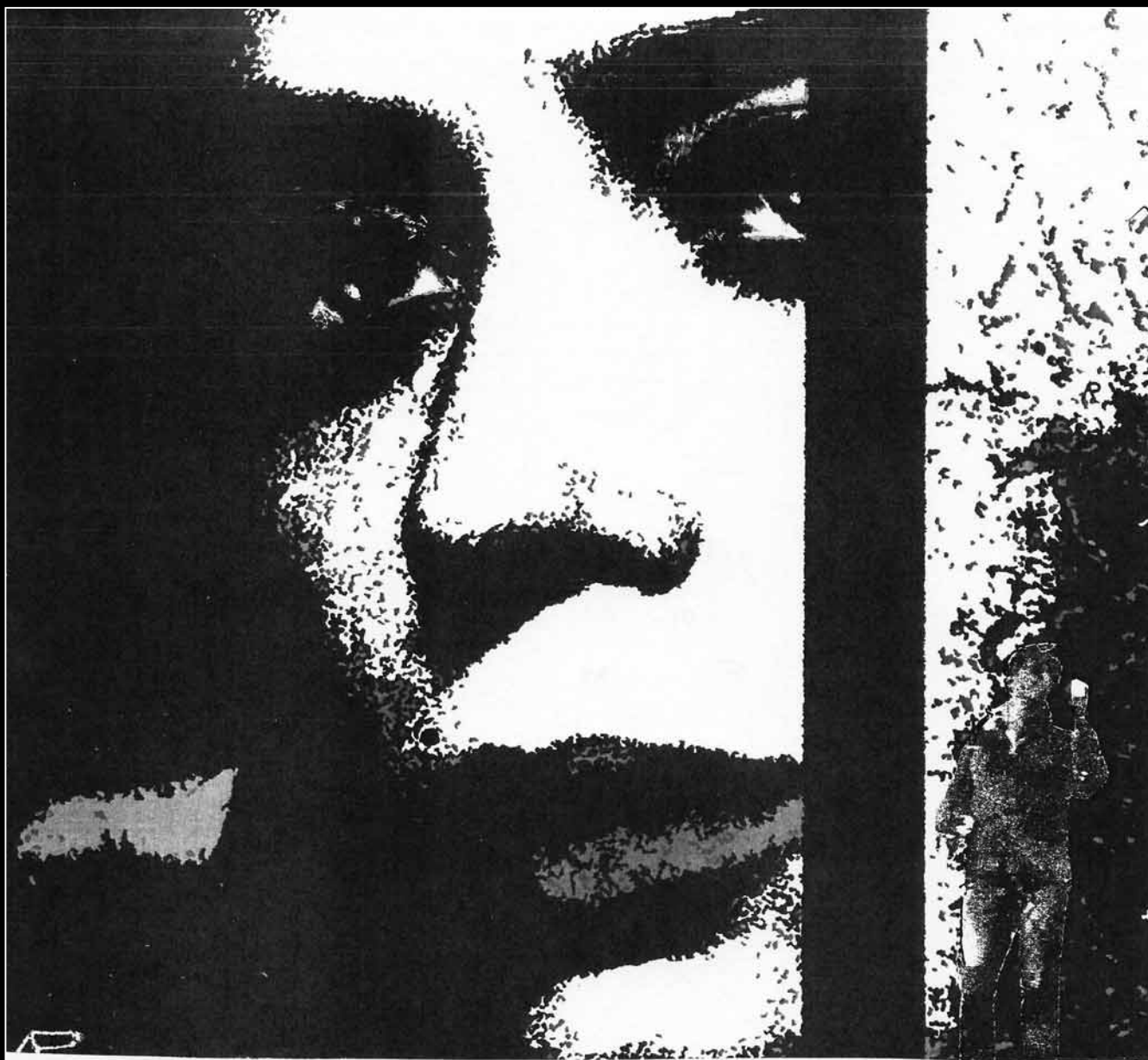

собираются продать обстановку дома после смерти отца, а попутно разбираются в истинных и мнимых ценностях, в обоюдных претензиях и взаимных обидах.

Старый оценщик мебели Грегори вплывет между ними трясущейся походкой и сразу же приковывает к себе зрительское внимание, становясь одновременно идеальным партнером этого актерского дуэта и солистом. Свои отдельные реплики и душевные движения Ясулович «проживает» за два часа с трогательным трепетом вечно гонимого еврейства, а перед нами между тем возникает проникновенная личность комичного мудреца, слишком хорошо знающего всему цену. В том числе — и нашему суетному миру, где подлинные чувства потеряли всякий смысл.

В финале спектакля Грегори остается на сцене один в сужающемся круге света. Не снимая пыльник и шляпу, погружается в разлапистое кресло, ставит иглу допотопного, как он сам, патефона на джазовую пластинку времен его молодости и под хриплые звуки музыки, сначала чуть-чуть, а затем все энергичнее начинает, не вставая с кресла, ритмично двигаться, пританцовывать в такт мелодии, буквально завораживая зрителей... Как это проделывает Ясулович — просто непостижимо! Эти последние десять минут финала в скупомолчаливом исполнении актера стоят всего спектакля.

Как жаль, что в кино таких «десяти минут» у Игоря Николаевича сегодня нет. Очень хочется надеяться, они у него еще будут. Должны быть! □

КОГДА ИДЕТ ДОЖДЬ

I

Она была одинока.
Нет, не так.
Она. Была. Одинока.
В том самом низменном смысле, дающем право на насмешливые взгляды и злые пересуды за спиной.
Она так и слышала эти дребезжащие презрением голоса:
— Скоро «сороковник», и ни разу замужем не была!
— Интересно, когда рожать думает? Одна только карьера на уме...
Хотелось выйти на улицу, зажмуриться и закричать...
Что закричать?
Внутри было так много обиды на жизнь и на несправедливость судьбы, что слов не хватало, и выразить эту обиду можно было только одним звуком — «А-а-а!»
Космос отказывался решать проблему одиночества, каждым годом приближая рубеж под названием «одинокая старость», и стало уже традицией

глушить это одиночество хорошим дорогим коньяком. Темная жидкость плескалась в бокале, но она не успела поднести его ко рту — неожиданно запищал скайп.

Жанна на связи. Лучшая подруга на связи. А может, и не лучшая, и не подруга вовсе...

— Лена, ты как? — Жанна была в толстом банном халате, с мокрыми волосами. Без тонального крема веснушки на лице казались жирными чернильными кляксами.

«Ну, и уродина», — привычно подумала Лена и бодро ответила:

— Да лучше всех!

— Поня-ятно... — протянула Жанна и тут же добавила: — А у меня новость.

— Какая? — без интереса спросила Лена.

— Я замуж выхожу. Вот. — Жанна протянула к монитору руку с обручальным кольцом. — Видишь кольцо?

— Вижу, — сказала Лена, хотя кольцо не увидела. Она видела только костлявую руку, веснушки и пальцы без маникюра. — И кто он? — спросила она, надеясь услышать в ответ «Я пошутила!»

— Сейчас познакомлю, — жуя яблоко, сказала Жанна и, вполоборота развернувшись к двери, крикнула: — Дэн! Выходи!

Лена хотела захлопнуть крышку компьютера, но не захлопнула, потому что ей вдруг очень захотелось, чтобы в дверях появился какой-нибудь мерзкий тип с пивным брюхом.

Дверь открылась.

Он вытирал голову, полотенце скрывало его лицо, но она уже поняла — крышку нужно было захлопнуть.

— Ты меня звала, малыш?

— Звала! Познакомься с Ленкой.

— Привет! — Он улыбнулся и помахал ей полотенцем.

Лет тридцать пять, белые зубы, грива русых волос и шрам на плече.

— Привет!..

— Лен, у Дэна с работой проблемы, может, к себе возьмешь?

— Возьму, — усмехнулась Лена. — Пусть завтра к восьми приходит.

— Ты даже не спросила, кто я по специальности, — тряхнул головой Дэн.

— И кто ты по специальности?

— Лен, он электрик. Классный. Но при этом очень неплохо пишет.

— Электрики нам нужны, а стихи давно уже не формат.

— У меня не стихи, — улыбнулся Дэн.

— Рассказы тоже не формат.

— У него роман, Лен. Суровая мужская проза, как раз твой отдел. Ну, не самотеком же нам его в издательство присылать!

— Хорошо, завтра жду, — сухо ответила Лена и, наконец, захлопнула крышку.

«И где она его отхватила?» Это была единственная мысль, которая молоточками громко стучала в висках.

— Что, совсем плохо?

Это была упоительная минута власти над ним, поэтому она медлила с ответом.

— Ты электрик какого разряда? — спросила Лена, опытным взглядом редактора просматривая рукопись на мониторе.

— Понятно, — поднялся Дэн.

— Что понятно?

— Что дрянью написал.

— Я еще почитаю, дома, внимательно. Неужели ты думаешь — пробежал глазами текст и сразу все понял? Лучше скажи, откуда у тебя шрам.

— Какой шрам?

— На плече.

— А откуда ты знае... Ну, конечно! — хлопнул он себя по лбу и засмеялся: — Я же из ванной выходил! Точно... А шрам... Это я в детстве с крыши упал. На штырь металлический напоролся.

— Ладно. Иди в отдел кадров. Тебя оформят на полставки, я договорилась.

Дэн кивнул и ушел, даже не спросив, когда к ней снова зайти, чтобы узнать ее мнение о романе.

Лена встала и подошла к окну. За окном стеной лил дождь — затяжной дождь поздней осени.

Вдруг затрещал скайп, и на экране возникла Жанна.

— Ну, как? — спросила она, близоруко приближая лицо к экрану.

— Нормально, пошел оформляться.

— Да нет, роман как? Его можно издать? Я читала, по-моему, круто. Ты же главный редактор отдела современной мужской прозы, подредактируй, если что не так...

— Слушай, а где ты с ним познакомилась? — перебила Лена ее трескотню.

— Как где... А я что, не рассказывала? Розетку вызвала починить. По объявлению «Муж на час». Что, совсем невозможно читать?

— Жан, ну, не могу же я сразу сказать, пробежав глазами первые строки. Там двенадцать авторских. Мне неделя нужна, как минимум, чтобы понять.

— Лен, а быстрее нельзя? Дня за три хотя бы, — сложив молитвенно руки, снова затараторила Жанна. — Если ты поможешь Дэну издаться,

я... Я не знаю, что для тебя сделаю! А хочешь, денег дам? У меня есть немало, я на квартиру копила, расширяться хотела!

— Вот еще, не надо никаких денег. За деньги вы и без меня издадитесь.

— Ну да, а потом заберем тираж и будем книжки знакомым втюхивать, знаю я... Нет уж, нам все по-взрослому надо — рекламу там, и чтоб книжка в каждом магазине на первом плане стояла.

— Значит, через неделю, раньше никак. Извини, у меня совещание через пять минут. — Лена быстро захлопнула ноутбук.

Вот как можно было, оказывается, решить проблему глобального одиночества. Просто вызвать «мужа на час», чтобы починить розетку. И почему ей никогда это в голову не приходило?

Возвращаясь с работы, она неожиданно увидела у своего подъезда Дэна.

— Привет! — сказал он, забирая у нее тяжелый пакет с продуктами, в котором предательски звякнула бутылка коньяка.

— Привет! — кивнула она и с усмешкой добавила: — Восьмой этаж, лифт не работает.

Он резко отвернулся и стал подниматься по лестнице.

— Я пошутила! — крикнула она ему вслед, но он молча шел с пакетом вверх, и ей пришлось тащиться за ним.

— Я правильно понял единственный путь издаться? — уточнил Дэн, начиная еще в прихожей раздевать ее.

— Нет, неправильно.

— Странно, а я был уверен. Прости.

— Ты не понял. Сейчас позвонишь Жанне и скажешь, что свадьбы не будет. Вернее, будет, но со мной.

— Она беременная, — тихим голосом заметил Дэн.

— Какой срок?

— Восемь недель.

— Отлично. Она успеет сделать аборт.

— Я так не могу, — не очень уверенно проговорил он.

— А я могу. Выбирай: или ты становишься известным писателем, или сможешь публиковать свои опусы исключительно в Интернете как графоман.

Дэн опустил на пол, нащупал пакет, достал из него коньяк, долго пил прямо из горла, а потом, глядя на нее помутневшим взглядом, произнес:

— Хорошо, я согласен. Дай телефон, я свой оставил в машине.

— Зачем телефон? — Лена открыла ноутбук и набрала Жанну в скайпе.

— Ты чего, Лен? — вытаращилась на Лену круглыми от удивления глазами подруга.

— Я? Ничего. Это ты у своего Дэна спроси — чего...

— А Дэн тут при чем?

Дэн поднялся, шатаясь, подошел к монитору, закрыл пятерней лицо и прошептал:

— Я свинья, Жан...

— Что? Ты почему там, Дэн? Почему она раздетая, Дэн?

— Ты что, совсем идиотка? — хмыкнула Лена. — «Ты почему там, Дэн?! Почему она раздетая, Дэн?!»

— Почему ты там, Дэн?! — словно безумная, повторяла Жанна.

— Заткнись! — приказала Лена. — И выпей что-нибудь успокаивающее.

— Она же жирная, Дэн! Посмотри, она жирная, жирная!

— Свадьбы не будет, — коротко бросил Дэн и захлопнул крышку.

— Молодец! — похвалила Лена. — Я знала, что ты талантлив.

В постели у них ничего не получилось, ну, или почти ничего.

— Не переживай, — успокоила его Лена. — Это стресс. Все хорошо будет. — Она помолчала немного и вдруг спросила: — Как ты догадался ко мне прийти?

— Никак, — сухо ответил он. — Мне подсказали.

— Что?! В каком смысле — подсказали?!

— В том. В отделе кадров тетки чай пили и сплетничали, что в мужскую прозу только через постель попасть можно. Все авторы так издаются. — Дэн отодвинулся от нее и посмотрел на настенные часы: — О, мне пора. Сиделку подменить нужно.

— Ка-а... Какую сиделку?!

— Мама у меня после инсульта парализованная. Сиделка только до восьми. Обычно Жанна ее подменяла, но теперь — сама понимаешь...

— Так. Все. — Лена решительно соскочила с кровати и тоже начала одеваться. — Я с тобой.

— Подожди! — попытался остановить ее Дэн. — Как я маме все объясню?

— Я сама объясню, — отрезала Лена, надевая плащ.

— Нет, Лен, пожалуйста, не так сразу... Я должен привыкнуть.

— К чему?

— К тебе. К своему новому положению.

— Вот и начинай привыкать. Поехали.

Они были уже в подъезде, когда Дэн снова замешкался:

— Но мне еще в одно место надо заехать.

— В какое?

— Тут недалеко, в детский садик. За дочкой...

— О, господи...

Одиночество превращалось в неодинокство с такой дикой скоростью и с таким накалом, что Лена почувствовала легкую тошноту.

— Сколько ей?

— Три года.

— Где ее мать?

— В наркологической клинике.

— Ты с ней разведен?

— Уже год как.

— Кто еще из больных родственников и детей у тебя есть?

— Никого! Только старый сенбернар, я взял его из приюта.

— Ты — псих, — усмехнулась она, — но мы все равно будем вместе. — И побежала вниз с такой скоростью, что Дэн едва за ней поспевал.

Все было так, как она хотела — дождь в лобовое стекло, дворники, разгоняющие потоки воды, его руки на руле и огонек сигареты, который она видела краем глаза. Была и пробка — огромная, тягучая.

— У меня ощущение, что это сон, — задумчиво проговорил Дэн.

— У меня тоже.

— И почему я? У тебя же много других авторов, которым ты помогла пробиться.

— Не знаю, — пожала плечами Лена. — Просто ты первый, кто согласился бросить любимую женщину. — Помолчав, она сделала «контрольный выстрел»: — И, в отличие от тебя, они хорошо писали.

Дэн вдруг бросил на нее яростный взгляд и процедил:

— Ты — жирная! Я никогда с тобой не смогу! Никогда! Пошла вон отсюда!

— Нет! — Лена вцепилась в ручку двери. — Нет!

Он открыл дверь и вытолкнул ее из салона.

— Нет! — кричала она. — Ты еще приползешь ко мне на коленях, козел!

Следующим утром в издательстве собирали материальную помощь для нового электрика — у него невеста упала с балкона четвертого этажа.

— Что там делала, непонятно. Перелом позвоночника и еще чего-то, чудо, что жива осталась, — на бегу сообщила бухгалтер Лидия Алексеевна.

Сдавали, кто сколько мог, определенной таксы не было.

Лена отдала тысячу, больше не стала, потому что дать больше — значило признать свою вину в том, что Жанна бросилась с четвертого этажа из-за нее.

Перед собой признать.

Она тоже вчера вполне могла броситься под колеса машин, потому что большего унижения в жизни не испытывала.

Электрика все жалели.

Хороший мужик, мать парализована, ребенка от первого брака один растит, а теперь еще и это...

Лена сочувственно вздыхала и думала только об одном — придет этот гад на работу сегодня или нет.

Он не пришел.

— Весь день в больнице и на ночь там останется, — сообщила вездесущая Лидия Алексеевна.

После работы Лена поехала в травматологию.

Увидела его на скамейке, сгорбленного, постаревшего со вчерашнего вечера лет на десять.

— Что, в реанимацию не пускают?

Он вздрогнул, оглянулся на нее и весь побелел:

— Зачем ты пришла?

Она пожала плечами и села рядом.

— Сама не знаю. В глаза твои посмотреть хотела.

— Смотри! Смотри, стерва! Что, довольна?!

— А чего ты орешь? Думаешь, она из-за меня бросилась? Рано или поздно ты бы все равно ее предал.

— Заткнись! — огрызнулся он.

— Какие прогнозы?

— Плохие. Скорее всего, ходить не будет.

— А ребенок?

— Нет ребенка. Какой ребенок? Она плашмя на асфальт упала.

— Да... Лучше умереть, чем такая жизнь.

— Уходи, или я тебя сейчас ударю!

— Ударь! — Лена наклонилась к нему и поцеловала прямо в сухие, крепко сжатые губы. Она мысленно представила, как лежит где-то рядом, за одним из этих многочисленных окон, в гипсе, под капельницей, и очень пожалела, что подруга не может подойти к окну и увидеть их с Дэном.

Реванш за вчерашнее унижение на шоссе под дождем оказался недолгим — он все-таки оттолкнул ее и вытер губы рукавом.

— Послушай, ты только подумай... Зачем тебе это... — горячо заговорила она. — Ты загоняешь себя в тупик. Со мной ты будешь свободен и счастлив. Я сделаю из тебя знаменитость, мать вылечу, дочку устрою в престижную школу. Я даже на сенбернара согласна ради тебя. Дэна, не делай ошибку!

Он молча поднялся и, не глядя на нее, направился к зданию больницы.

Как хорошо, что Жанна не в состоянии подойти к окну.

Впрочем, она уже знала, как отомстит.

Дэн без стука ворвался к ней в кабинет и со всей силы ударил кулаком в косяк, словно оповещая, что он пришел.

— Что надо? Я не вызывала электрика, — равнодушным тоном проговорила Лена.

Он с порога бросил ей на стол книгу.

— Это что?! — кинул он на стол какую-то толстую книгу.

— Это... — Лена взяла ее, веером распахнула еще пахнущие типографской краской страницы. — Аркадий Данилов, «Катран не боится штормов». Ты что, читать не умеешь?

— Умею!

— И в чем дело?

— Ты сама знаешь, в чем!

— Не понимаю, о чем речь, — усмехнулась она и, не выдержав, все-таки отвела взгляд от его сверкнувших презрением глаз. — Талантливый автор. Роман стал бестселлером года, взял престижную литературную премию, его захотели перевести на пять языков...

— Это мой роман! — Дэн рухнул на стул, словно у него подкосились ноги. — Это мой текст, мой, мой... Чуть исправленный, отредактированный, но мой! Я видел в бухгалтерии договор... Нет никакого Аркадия Данилова. Это твой псевдоним.

— Ты видел договор? Безобразие! Я напишу жалобу на Лидию Алексеевну! Какого черта она разбрасывает всюду документы?!

— Ты украла мой текст!

— Да? А ты докажи.

— У меня остались черновики.

— У меня тоже. — В этот раз она выдержала его полный ненависти взгляд и даже улыбнулась — победно и торжествующе. — Ну, сам подумай, если ты раздуешь это дело, кому поверят — тебе или мне?

— Ты даже не удосужилась поменять имена героев... — безжизненным голосом проговорил Дэн, глядя отсутствующим взглядом в окно, за которым по-прежнему хлестал дождь.

— А зачем их менять? — удивилась Лена. — Очень звучные, харизматичные имена.

— Это настоящие имена моих сослуживцев, мы вместе охраняли границу во время путча. Капитан-лейтенант Угрюмов, каптри Семушкин, боцман старший мичман Хохлов, капдва Бывальцев... — Дэн рванул верхние пуговицы рубашки и, обнажив плечо, показал длинный рваный рубец: — Этот шрам я получил, когда наша осмотровая группа перевернулась в шлюпке во время шестибалльного шторма. Боцман достал штык-нож, чтобы обрубить запутавшийся фал, но его бросило волной на меня, и штык-нож пропорол мне плечо, едва не задев сухожилия!

— Ты ничего не докажешь! — отрезала Лена, хотя в груди предательски екнуло. — Только самые последние идиоты называют своих героев настоящими именами.

— А я и не собираюсь ничего доказывать. Я просто убью тебя. Просто. Тебя. Убью. Жирная тварь.

— Рубашку застегни! — успела крикнуть Лена, прежде чем он хлопнул дверью.

Голос предательски задрожал, сбившись с издевательски-веселого на откровенно испуганный тон.

Она ему поверила. Потому что с таким лицом не лгут.

Схватила телефон, набрала полицию и, еле сдерживая рыдания, проговорила в трубку:

— Мне угрожают убийством!

— Кто? — равнодушно зевнул на том конце то ли женский, то ли мужской голос.

Она промолчала. Как сказать — кто? Электрик? Муж бывшей подруги? Любовник? И вдруг поняла, что не знает фамилии Дэна.

— Кто? — насмешливо повторил голос, и Лена быстро сбросила вызов. «А пусть убивает, — вдруг подумалось ей. — Пусть».

Не нужно будет приходить в пустую квартиру и глушить одиночество коньяком.

Не нужно будет смотреть утром на свое отекавшее лицо, ненавидеть себя и еще больше ненавидеть тех, у кого светятся счастьем глаза.

Она взяла сумку, закрыла кабинет и ушла — с твердым намерением не дожить до завтрашнего утра и больше никогда сюда не вернуться.

Вторая бутылка подходила к концу, но никто не приходил ее убивать.

Лена открыла ноутбук и набрала в скайпе Жанну.

Почему они до сих пор не удалили друг друга из контактов — она понятия не имела.

Жанна ответила почти сразу.

— Привет! — сказала она. — А я ждала, что ты позвонишь.

— Правда? — искренне удивилась Лена, с удовлетворением отметив, что Жанна сидит в инвалидной коляске.

— Конечно. Ты ведь до сих пор, наверное, казнишь себя.

— Я? В чем казнь?

— Понятно. А знаешь, и правильно. Ты все очень правильно делаешь, Лен. Ты правильно живешь. Жестко, холодно, без сердца. Никогда так не смогу. Я сама собиралась набрать тебя, чтобы сказать спасибо.

— Позови Дэна, — перебила ее Лена и, еле сдерживая рыдания, повторила: — Позови Дэна, Дэна позови...

— Заткнись! — крикнула Жанна, и Лена испуганно прекратила истерику, запив ее порцией коньяка. — Какого еще Дэна?

— Как... какого... — Лена икнула. — Мужа твоего...

— А ты что, ничего не знаешь?

— Чего... не знаю...

— Дэн бросил меня. Еще тогда, в больнице, когда узнал, что я не буду ходить.

— Как... бросил...

— Так. Испугался, оставил на лечение немного денег и сбежал. Я думала, ты знаешь... — Жанна захрустела яблоком. — Вы же вместе работаете.

— А как же ты одна, в коляске? — Лена подняла голову и посмотрела на Жанну, отметив, что для инвалида-колясочника у той слишком уж безмятежный и ухоженный вид.

— А я не одна. Я же говорю, хотела сама тебе позвонить и сказать спасибо.

— За что?

— За Игоря.

— За кого?

— Гарик, иди сюда! — крикнула Жанна, чуть повернув к двери голову.

Тут только Лена заметила, что Жанна не в своей убогой квартирке — и дверь дорогая, и окна из темного дуба, и на стене картина, претендующая на слово в искусстве.

Дверь открылась, и к Жанне подошел красивый мужик огромного роста.

Суровый и сдержанный с виду, он рядом с ней буквально растаял, потеплел глазами, обнял ее, наклонился и, коснувшись губами веснушек размером с приличные кляксы, нежным басом спросил:

— Ты как, солнце?

— Нормально. — Жанна капризно надулась и отстранилась. — Фу, опять чеснок ел.

— Зато не пью, — хохотнул мужик и, заметив в мониторе ошалевшую Лену, приветственно махнул ей рукой. — Привет, ты кто?

— Это Ленка. Помнишь, я тебе про нее рассказывала?

— Не-а. — Мужик взял Жанну за руку и откусил от яблока, оставив на нем идеальный отпечаток зубов.

— Вот никогда меня не слушаешь. — Жанна отвесила ему шуточный подзатыльник и пояснила Лене: — Мы с ним в больнице познакомились. Уже полгода женаты.

— Вы — врач? — икнула Лена.

— Ага. Реабилитолог, — кивнул Игорь. — Я Жанку обязательно на ноги поставлю!

— А мне и так хорошо, — счастливо захохотала Жанна.

— Будет еще лучше, — пообещал Игорь.

Господи, какие у него были глаза. И губы!

— Гарик месяц назад клинику свою открыл, — хвастливо произнесла Жанна. — Может, слышала, клиника Ермакова?

— Нет, не слышала.

— Если у тебя есть проблемы со спиной, он тебе сделает скидку.

— Что сделает?

— Скид-ку, — по слогам повторила Жанна. — Правда, Гарик?

— Конечно, милости просим.

Какой у него голос, а улыбка...

— А-а-а! — Лена схватила полупустую бутылку и запустила ее в монитор.

Жанна захохотала:

— Ленка, ты что делаешь?! Перестань! Мне же совсем не больно!

— Она нормальная? — пробасил Игорь.

— Она просто много пьет. Ей давно пора закодироваться.

Не зная, как заткнуть эти голоса, Лена сунула компьютер в раковину и включила горячую воду. Звук и изображение мгновенно исчезли.

Вдруг прозвенел звонок в дверь, и Лена, направившись в прихожую, на автомате открыла ее, даже не спросив, кто там.

На пороге стоял Дэн. Почему-то с букетом.

— Пришел убивать? — усмехнулась Лена.

Дэн бросил букет на тумбочку и крепко обнял ее.

— Ты мне не нужен, — вяло отбивалась она. — Быдло, урод... Почему ты бросил ее? Почему ты на ней не женился?

— Давно узнала? — Дэн замер.

— Только что.

— Ты не имеешь права меня осуждать.

— Имею.

— Нет, не имеешь. У меня на руках мама, дочка, собака и... бывшая жена, которая без меня погибнет. Скажи, я ведь талантливый, да? Я смогу дальше писать?

— В рукописи было столько ошибок... Я почти полностью переписала твой текст.

— Вот и хорошо. Я буду писать, а ты править. Можешь оставаться Даниловым, я не против. Будем работать вместе и жить. Жить и работать. Можно и штамп в паспорт поставить для порядка.

— Ты мне не нужен! — повторила она.

— Врешь! — Дэн резко отстранился — Лена отчетливо увидела в его глазах страх — и, схватив куртку, выбежал из квартиры.

Она услышала, как громко хлопнула дверь, подошла к окну и глянула вниз.

Восьмой этаж — слишком высоко.

Вышла в подъезд и начала спускаться.

Седьмой, шестой, пятый, четвертый...

Подошла к окну на лестничном пролете — опять высоко.

Третий, второй...

Она снова открыла окно и выглянула на улицу.

У подъезда гулял какой-то мужик с толстой собакой в попоне — он держал над собакой зонт.

Лена почувствовала острую зависть к собаке — над ней никто ни разу в жизни так трепетно не держал зонт и не поправлял так нежно попону.

Эта зависть толкнула ее вперед.

Она неуклюже залезла на подоконник и, зажмурившись, полетела вниз...

Визгливо забрехала собака. Мужской голос закричал:

— Женщина! Что с вами?! Вы слышите меня? Держитесь! Я сейчас «скорую» вызову!

— Скажите... чтобы отвезли меня... в клинику Ермакова... — застонала Лена. — Скажите, чтобы обязательно в клинику Ермакова... Деньги у меня есть... я заплачу...

— Скажу, скажу, молчите, вам нельзя разговаривать!

— Обязательно скажите, — повторила она и... потеряла сознание.

Очнулась Лена в больничной палате. Попробовала подняться с кровати, но острая боль мгновенно пронзила все тело, а чей-то мужской баритон произнес:

— Тихо, тихо! Торопитесь, леди...

«Торопитесь, леди...» Это были самые прекрасные слова в ее жизни. И самый прекрасный голос.

Она открыла глаза — Ермаков смотрел на нее поверх маски черными насмешливыми глазами.

— Что со мной? — прошептала она.

— Попытка суицида. Только почему всего лишь со второго этажа?

— Я кошку спасала. Выскочила из квартиры и — в окно... А внизу собака...

— Точно, мужик, который «скорую» вызвал, говорят, был с собакой...
— Надеюсь, обойдемся без психиатрии? Если надо, я заплачу.
— Не надо. В смысле, платить не надо, а без психиатрии обойдемся. Я даю честное слово.
— Я ходить буду?
— Вообще не вопрос. У вас только ключица сломана. Я операцию сделал. Через полгода надо будет повторить — титановый стержень вставить.
— Отлично! Я заплачу.
Ермаков зачем-то поправил простыню и ничего не ответил.
— Отдыхайте! — бросил он, выходя из палаты.

Три дня его не было.

Ее смотрели другие врачи, консультировали другие врачи, успокаивали и назначали лечение другие врачи.

На вопрос «Где Ермаков?» все как один — от медсестер до нянечек — твердили одно: «На конференции в Мюнхене».

Они так заученно отвечали, что Лена поняла — врут.

Он от нее бегаёт.

Он. От нее. Бегаёт.

В этой простой мысли было столько вызова судьбе и столько ехидной насмешки.

Вечером Лена напилась обезболивающих и отправилась искать кабинет Ермакова.

Идти было больно, она хромала и держалась за стены, но никто из персонала не обратил на нее никакого внимания и не попытался остановить.

— Вы не знаете, где здесь кабинет главного? — спросила она у уборщицы.

Уборщица указала на дверь, из которой только что вышла со шваброй.

— Только его сейчас нет, — объяснила она. — Срочно к больному вызвали.

— Я подожду, — Лена попыталась протиснуться мимо ведра с водой, но уборщица перегородила ей дорогу шваброй.

— В коридоре подождите.

— Я его близкая знакомая, — улыбнулась Лена.

— Да хоть Папа Римский, не положено.

На этот случай у Лены было припасено универсальное средство — она сунула в руку уборщицы тысячную купюру.

— Ладно, я тебя не видела, — буркнула та, схватила ведро и, сунув в карман связку ключей вместе с купюрой, пошла по коридору.

Лена прикрыла дверь. Села в пахнущее дорогой кожей кресло.

На столе стояла фотография Жанны в инвалидной коляске и лежали ключи от машины.

Свободной от гипса рукой она взяла ключи и вышла из кабинета, осторожно прикрыв за собой дверь.

На стоянке «лексус» Ермакова отозвался с такой готовностью, словно ждал Лену.

Она села за руль, завела двигатель и поехала, руля одной рукой.

Это был самый необдуманый поступок в ее жизни.

Куда? Зачем? Для чего? На что она рассчитывала?

В больничном халате и с загипсованной рукой ее тормознет первый же гаишник. И что она ему скажет?

Неожиданно звуки вальса Штрауса заполнили салон — это зазвонил мобильный Ермакова. Лена огляделась и увидела телефон рядом, на пассажирском сиденье.

На дисплее высветилось сияющее счастьем лицо Жанны.

Лена прижалась к обочине и взяла трубку:

— Алло!

Жанна молчала.

— Алло, чего ты молчишь?

— Где Игорь? — выдавила Жанна.

— Его срочно вызвали к больному.

— Почему его телефон у тебя?

Лена наслаждалась каждым мгновением, которое терзало ее собеседницу.

— Почему его телефон у тебя? — хрипло повторила Жанна и тут же сорвалась на визг: — Почему его телефон у тебя?!

— Так получилось.

— Не ври! Он бегаёт от тебя! Ты больная! Психическая! Он всем приказал говорить тебе, что он в Мюнхене! На конференции!

— Ну, для тебя, может, и бегаёт, а для меня — нет.

— Хорошо, — неожиданно спокойно сказала Жанна. — Хорошо, я все поняла.

— Ну и хорошо, что поняла, — проговорила Лена в уже ощерившуюся короткими гудками трубку. — И слава богу.

Одной рукой крутя руль, она развернулась через сплошную двойную и поехала к клинике.

Ермаков ждал ее на парковке — в распахнутом халате, с каменным лицом и глазами, полными ярости.

Он распахнул дверь, выдернул ее из-за руля, чуть не сломав здоровую руку, выхватил телефон и сразу начал звонить:

— Жанна, эта тварь угнала у меня машину! Подожди, Жанна! Я клянусь, она угнала машину! Да, с гипсом! Да, телефон был там!

Судя по тому, как опустились его плечи и потух взгляд, Жанна ему не поверила.

— Я договорился о твоём переводе в первую клиническую, — не глядя на Лену, сказал Ермаков. — Там хорошие специалисты.

— Я люблю тебя, — вдруг тихо проговорила она и, обхватив его здоровой рукой за шею, начала целовать — в лоб, в щеки, в губы.

— Господи, как я устал... — бормотал Ермаков, увертываясь от ее поцелуев. — Неделю не спал, а тут еще это все... Перестань! Нас же все видят, прекрати... Это черт знает что! Я еле стою на ногах. Отстань! Идиотизм какой-то!

Он оттолкнул Лену, запрыгнул в машину и схватился за руль, как за спасательный круг.

— Ты куда?

— К Жанке. Я никогда не уйду от нее, поняла?

— Поняла.

— И не вздумай меня преследовать. Сдам в психушку.

Оставалось только надеяться, что Жанна за это время что-нибудь с собой сделала. И на этот раз ей удалось довести дело до конца.

Злость, обида и раздражение заставили Лену позвонить Ермакову и, как он ни противился встретиться еще раз, она сумела настоять на встрече и отправилась в клинику.

Его «лексус» стоял на своем месте на стоянке.

Лена приготовилась долго ждать, но Ермаков появился буквально через минуту.

— Я же предупреждал... — заметив Лену, зло процедил он.

— Надо поговорить.

— Нам не о чем говорить.

— Есть о чем.

Он раскатисто засмеялся, но резко прервал свой смех и бросил:

— Садись!

— Куда?

— В машину, куда же еще?

Лена села рядом с ним, и он тут же сорвался с места и стал гонять по городу, лавируя между полос.

— Ты везешь меня убивать? — тихо спросила она.

Ермаков молчал. Лена в полумраке видела его идеальный профиль с чистыми и четкими линиями. Не хватало только дождя и пробки длиной в жизнь.

— Не молчи, — попросила она. — Ну, хорошо, молчи... И знай, все, что ты ни сделаешь, я приму с восторгом и благодарностью.

— Жанна не поверила, что ты угнала машину, — глухо проговорил Ермаков. — Она ушла от меня.

— Ушла? В инвалидной коляске? — не сдержавшись, улыбнулась Лена.

— Она уже понемногу стала ходить. Я ее вылечил.

— Ну, тогда это сказка со счастливым концом. Да?

— Нет. При разводе я оставил ей все — квартиру, деньги, дом за городом. У меня осталась только эта машина.

— И клиника, — подсказала Лена.

Ермаков посмотрел на нее и усмехнулся:

— Нет, клинику я тоже переписал на Жанну.

— И как это ей удалось?

— Никак. Я ей сам все отдал. Сам.

— Зачем?

— Затем. Чтобы искупить предательство, которого не было. Скажи, тебе таким нужен?

— Каким?

— Голым, нищим, чужим.

— Ты мне любим нужен.

— А еще у меня неприятности на работе, — добавил Ермаков.

— Мне плевать!

— Я стал много пить.

— Ну и что?

— У меня трое несовершеннолетних детей от первого брака.

— Я как-нибудь это переживу, — после паузы ответила Лена.

— А еще у меня есть рукопись... Книга... художественная. «Записки доктора Ермакова». Поможешь издать?

— Нужно посмотреть текст.

— Посмотришь. У нас теперь вагон времени.

— У нас теперь вагон времени, — смакуя каждое слово, повторила Лена. Вагон времени.

У нее. С Ермаковым.

«Записки доктора Ермакова» вышли тиражом десять тысяч экземпляров. Тираж разлетелся за три дня.

Сработало имя известного доктора, и в издательстве приняли решение допечатать тираж сначала до пятидесяти тысяч, потом до ста.

Ермаков ходил счастливый и гордый.

На волне его грандиозного успеха у них с Леной несколько раз даже приключился весьма бурный секс, немного сдобренный алкоголем и обсуждением второго тома «Записок».

Ермаков привык к своему писательскому успеху, привык к деньгам, которые этот успех приносил, но в «писателя» быстро наигрался, потерял интерес к этому делу и с головой ушел в какую-то новую методику восстановления после тяжелых черепно-мозговых травм.

Вторую часть «Записок» Лена почти полностью писала сама, лишь иногда уточняя у Игоря медицинскую терминологию.

Дома Ермаков бывал редко — приходил поздно, уходил рано, спать ложился отдельно на шаткой тахте, которую Лена называла «насестом для гостей».

Предложение он так и не сделал. Но Лена все равно была по-настоящему счастлива оттого, что в коридоре стоят его ботинки, на вешалке висит его куртка, что он рядом — только руку протяни, и можно дотронуться, и даже оттого, что он громко храпит во сне.

Неодинокство оказалось прекрасным.

И любовь здесь была совсем ни при чем.

Сила обстоятельств, которые заставляли Ермакова каждый день приходиться к ней и ложиться на «насест для гостей», была гораздо надежней какой-то эфемерной и проходящей любви.

Кто, кроме нее, сделает текст его второй книги таким, чтобы весь тираж опять смели с полок? Кто обеспечит ему нужный пиар? Он привык к славе, привык к тихому комфорту и ее, Лениному, ненавязчивому присутствию, как привыкают к удобным домашним тапочкам.

В этот вечер он пришел как обычно — в половине первого ночи.

— Ужинать будешь? — спросила Лена. — Я суп куриный с вермишелью сварила, как ты любишь.

— Извини, есть совсем не хочется. Устал очень, пойду спать.

— Ну и ладно, — покладисто ответила Лена, выливая суп обратно в кастрюлю, и, помолчав немного, добавила: — Знаешь, мне нужны кое-какие медицинские подробности для второй главы.

— Тебе не надоело? — схватил ее за плечи Ермаков.

— Нет.

— Ты не устала?

— Нет.

— Странно. — Он легонько оттолкнул ее и лег на тахту лицом к стене, сонно пробормотав: — Все это как-то дико и странно.

— Я говорила сегодня с главным. Он собирается организовать твою творческую встречу с читателями. Ты меня слышишь?

Ермаков резко сел и потер виски:

— Какую еще встречу? Зачем?

— Успокойся, это нужно для хороших продаж. Устроим автограф-сессию, будешь отвечать на вопросы.

— А я не знаю, как на них отвечать. Ведь мои книги пишешь ты.

— Ну, хочешь, так и скажем, книги пишет моя жена. Я только рассказываю ей медицинские подробности.

— У меня иногда такое ощущение, что я продал душу дьяволу, — пристально глядя на нее, прошептал он.

На столе звякнул его мобильный — пришло сообщение.

— Я гляну? — спросила Лена.

— Мне скрывать нечего, смотри, — пожал плечами Ермаков и, когда она открыла сообщение, напряженно спросил: — Ну, что там?

Лена молчала. Она пыталась быстро стереть сообщение, но не успела — он одним прыжком оказался возле нее.

— «Нужно срочно встретиться, приезжай в «Джокер». Жанна», — вслух прочитал Ермаков и суетливо начал натягивать джинсы.

— Откуда она взялась, Господи! Ну, откуда она взялась? Ты же ей все отдал, все! — От нахлынувшей злости и раздражения у Лены затряслись губы. — Ты никуда не поедешь! — повисла она на Ермакове всем своим большим рыхлым телом.

— Поеду, — твердо проговорил он. — У нее что-то случилось.

— Знаю я, что у нее случилось! Твои слава и деньги случились! Которые я сделала, я!

— Перестань. Жанка никогда не будет просто так звонить в два часа ночи.

— Я никуда тебя не пущу! — Лена встала в проходе и раскинула руки.

Он ударил ее по руке, освобождая проход, подцепил ногами ботинки и, даже толком не надев их, выскочил из квартиры.

Лена бросилась за ним по лестнице и выскочила из подъезда. Не успела — огни его «лексуса» мелькнули на выезде со стоянки и слились с потоком таких же огней на шоссе.

Она побежала к дороге, размахивая руками и зачем-то крича в никуда:

— Помогите! Пожалуйста, помогите!

У обочины остановился частник на дребезжащих «Жигулях».

— «Джокер», мне нужен «Джокер», я не знаю, что это и где...

— Ночной клуб, — усмехнулся водитель, пожилой дядька в очках, и по-дозрительно покосился на нее: — У тебя деньги-то есть?

Денег не было.

— Есть, — ответила Лена.

Через десять минут она поняла, что он завез ее на какую-то стройку. Судя по отсутствию освещения — заброшенную. Сердце заколотилось, во рту пересохло.

— Остановите машину, — задрожавшим голосом попросила она.

— С чего это? — буркнул водитель. — Нормально едем.

— Остановите машину! — срываясь на визг, закричала Лена и, вцепившись в руль, вывернула его резко влево.

Они слетели с дороги в какую-то яму, она рванула дверь, но выскочить не успела — жилистая клешня схватила ее за горло.

Закричать не получилось — голоса не было. Лена молча боролась с рукой, пытавшейся ее задушить.

— Убью! — шептали серые губы возле ее лица, а глаза под очками остекленели от ненависти. — Машину мне угробила, жирная стерва!

Вдруг жесткие пальцы нащупали золотую цепочку, хватка ослабла, и Лена смогла вздохнуть.

— Возьмите, — прохрипела она, — там крестик с бриллиантами. И еще кольца есть, два, очень дорогие...

Пришлось терпеть целую вечность, пока мерзкие пальцы расстегивали замок на цепочке и стягивали с обеих рук кольца.

— Ладно, тут на ремонт хватит. Проваливай!

Лена не смогла пошевелиться.

— Проваливай, я сказал! — Водитель распахнул дверь и, вытолкав ее из машины, словно она была мешком с рухлядью, рванул с места.

Лена упала в холодную, вязкую от размокшей глины лужу. Холодный пронизывающий дождь безжалостно молотил по лицу и рукам, на которых, казалось, не было кожи. Но он же немного привел ее в чувство, и она смогла встать.

Лена долго блуждала по стройке в поисках выхода, а когда, наконец, нашла его, то обнаружила себя на знакомой улице — недалеко от дома.

Дождь прекратился и тут же снова пошел. Но на этот раз из обжигающе-холодного он превратился в спасительно-освежающий.

Он смывал с нее грязь.

Смывал грязь и возвращал разум.

Ермаков сидел на кухне и пил коньяк.

Он посмотрел на Лену отсутствующим взглядом и произнес:

— У Жанны скоро будет ребенок. Мой. Она сказала, что это мальчик.

Даже не спросил, почему она грязная, мокрая, без цепочки и без колец.

— Меня ограбили, — тихо сказала Лена.

Он вдруг резко вскочил и засуетился. Схватил полотенце, стал вытирать ее мокрые волосы...

— Ты же простудишься... Зачем, зачем ты за мной поехала? Немедленно под горячий душ!

Это было так непохоже на Ермакова, вся эта суета и забота.

— Подожди... А с тобой больше ничего не сделали? Они не тронули тебя?

— Он, — поправила Лена. — Он был один. Старый, в очках. Он не тронул меня, сказал, что я жирная. Кстати, если собираешься уйти от меня, то не выйдет. Я испорчу тебе жизнь так, что ты пожалеешь, что на свет родился.

— Я не собираюсь от тебя уходить, — засмеялся Ермаков. — Ты неправильно меня поняла. Я собираюсь сделать тебе предложение.

— Что? — не поняла Лена.

— Выходи за меня, — сказал он, не глядя на Лену, и повторил: — Выходи за меня.

— Может, объяснишь? — недоуменно посмотрела она на него.

— У Жанны все хорошо. В смысле, без меня — все хорошо. С ребенком я буду видеться. Ну, и помогать буду.

— И ради этого она сорвала тебя среди ночи?

— Да. Сказала, что больше не может скрывать про ребенка. Что я должен знать. Пойдем, тебе надо выпить.

Он взял Лену за руку и повел на кухню. Налил коньяк в чайную чашку и протянул ей. Рука с чашкой слегка дрожала.

— У нее кто-то есть?

— Да... Не знаю! — Ермаков сильно нервничал, суетился и был не похож на себя.

— Понятно. — Лена залпом выпила коньяк и поняла, что калейдоскоп сегодняшних событий, наконец, прочно замер на радужной картинке под названием «счастье».

— Так ты выйдешь за меня? — нервно спросил Ермаков.

— Ты же меня не любишь.

— К черту любовь! Я ничего в ней не понимаю. Я хочу просто жить и работать. И чтобы никаких страстей, просто жить! И просто работать! И не чувствовать себя последней сволочью! Так выйдешь или нет?

— Конечно, выйду. Неужели ты ждал другого ответа?

— Да, ждал, — как-то сразу потух и сник Ермаков. — Ждал...

Он сгорбился, как-то мгновенно состарившись, и направился в комнату, шаркая тапками, как старый больной человек.

Какая-то чертова сила заставила Лену открыть ноутбук, который по старой традиции всегда стоял на кухонном столе.

Она набрала в скайпе Жанну. Просто поняла, что умрет, если не наберет. Жанна ответила сразу, словно сидела и ждала этого звонка.

— Привет! — улыбнулась Лена.

— Давно не виделись, — усмехнулась Жанна.

Она была на последнем сроке, это выдавал не только огромный живот и отечность лица, но и уродливые веснушки, которые слились в огромные пигментные пятна.

Жанна сидела не в инвалидной коляске, а на обычном стуле. Она противно хрустела яблоком и счастливо улыбалась.

Ее безобразное счастье самым отвратительным образом оттеняла роскошная бывшая квартира Ермакова.

— Поздравляю, — сказала Лена.

— Я тебя тоже.

— А меня с чем?

— А что, Ермаков не сделал тебе предложения?

— Это ты его научила?

— Да.

— Если думаешь, что испортила этим мне настроение, то ошибаешься.

— Да не собиралась я портить тебе настроение, вот еще. Просто хотела сказать, что не держу на тебя зла. Ну что, мир?

— Мир. С тобой все в порядке?

— Со мной все отлично. Через неделю рожу.

— Я разрешу Ермакову забрать тебя из роддома.

— Меня есть кому забирать.

— И кому же?

— Дэн! — позвала Жанна.

За ее спиной открылась дверь, и вошел Дэн, голый по пояс, с полотенцем на плече.

— Ты меня звала, малыш?

— Угу. Скажи Ленке, что мы помирились.

— Мы помирились, — подмигнул Лене Дэн.

— Как... — Калейдоскоп дрогнул, и картинка «счастье» куда-то поплыла, оставляя после себя горькое послевкусие. — Вы опять вместе?

— Да. Навсегда. Правда, Дэн?

Они стали целоваться — прямо перед ней, и Лена почувствовала, что умирает.

— Дэн... — позвала она. — Дэн! Ты же хотел жить со мной! Я тебя прогнала!

Жанна быстро захлопнула крышку, и картинка исчезла.

Лена подошла к храпящему Ермакову, потрясла его за плечо.

— М-м? — во сне промычал он.

— Уходи, — спокойно проговорила она.

— Что?! — Ермаков резко сел и стал тереть кулаками глаза, как ребенок.

— Уходи, ты мне не нужен.

— Ты нормальная?

— Книгу я за тебя допишу. Свои деньги и славу ты получишь.

— Нет, ты нормальная?! Что случилось?

Она только сейчас увидела, как непропорционально он сложен — короткие ноги, длинные руки, как у первобытного человека, нарисованного в учебниках, такой же низкий лоб и тяжелая челюсть.

— Что случилось, я спрашиваю!

— Ничего. — Лена неожиданно засмеялась от внутреннего чувства свободы по отношению к этому человеку. — Я просто разлюбила тебя.

— Вот так, среди ночи, просто взяла и разлюбила?

— Да, просто взяла и разлюбила. Среди ночи. Уходи, пожалуйста.

— Мне некуда.

— А мне плевать!

Ермаков быстро оделся, взял свою сумку и ушел, хлопнув дверью. Через пару минут Лена услышала, как он завел свой «лексус».

«А-а-а! — закричал внутренний голос. — Что ты наделала?!»

Она взяла телефон, отыскала контакты Дэна и набила короткое сообщение:

«Приезжай утром в издательство. Надо поговорить».

Лена отправила сообщение три раза, пока в ответ не получила смайлик — поднятый вверх большой палец.

Такой же палец она отправила в ответ.

Можно было поспать два часа.

Всего два часа...

И снова в бой за свое женское счастье! □

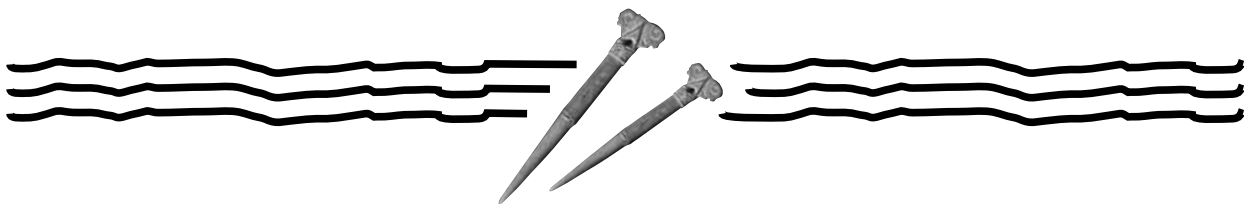
Я ПОСЛАЛ ТЕБЕ БЕРЕСТУ...

Так начинается одна из книг Валентина Лаврентьевича Янина, историка с мировым именем. Выдержавшая несколько изданий, она посвящена одному из самых удивительных археологических открытий XX века — находке берестяных грамот. В начале 90-х годов теперь уже прошлого столетия мне, тогдашнему студенту, только-только окончившему первый курс истфака МГУ, довелось потрудиться под его началом на раскопках в Великом Новгороде, том самом городе, в котором 26 июля 1951 года совершенно случайно была найдена берестяная грамота №1. Имен-

но с этой сенсационной находки, за которой вскоре последовали многие и многие другие, и началось изучение особого пласта древнерусской истории и культуры, получившего название «берестология».

Проведя на Троицком раскопе почти месяц, я не нашел берестяной грамоты, хотя буквально в паре метров от меня одному из землекопывающих студентов невероятно повезло. В грязном, невзрачном, скрученном свитке с рваными краями, извлеченном из-под одного из бревен древней мостовой, скрывалось настоящее сокровище — берестяная грамота.

Берестяные грамоты — они существуют!

Нельзя сказать, чтобы о берестяных грамотах до середины XX века ученым не было вовсе ничего известно. К тому моменту в распоряжении историков уже имелись берестяные грамоты XVII–XIX веков (и даже целые берестяные книги), созданные в глухих заволжских и сибирских скитах старообрядцами. В 1930 году близ села Терновки, что расположилось на левом берегу Волги, колхозники, рывшие силосную яму, обнаружили берестяной короб, в котором, как установили впоследствии ученые из Эрмитажа, оказалась золотоордынская берестяная рукопись XIV века. Дело в том, что во времена расцвета Золотой Орды на месте находки было золотоордынское селение, а напротив, на правом берегу Волги, располагался один из

самых богатых городов этого государства — Увек.

Такие находки лишь подтверждали господствовавшие в науке первой трети XX столетия гипотезы о распространенности берестяных грамот лишь на исходе средневековья, да и преимущественно в такой специфической религиозной самозамкнутой из-за гонений группе, как старообрядцы.

С начала 30-х годов прошлого века старинный русский город Новгород стал тем местом, где под руководством выдающегося отечественного археолога Артемия Владимировича Арциховского каждый летний сезон проводились раскопки. Прерванные войной, вскоре после ее окончания они возобновились вновь. Очередной год приносил свои открытия и научные сенсации в виде печатей, фибул, браслетов и множества других артефактов, помогавших ученым реконструировать жизнь

и быт столицы средневекового государства, Новгородской вечевой боярской республики. Из глубин земли археологи неоднократно извлекали и обрезанные нашими далекими предками листы бересты, которые являлись заготовками для будущих посланий на березовой коре. Однако их считали... поплавками для ловли рыбы. Никаких берестяных грамот так и не находили, что давало скептикам повод лишней раз заявить о легендарности и мифичности содержащихся в ряде старинных русских летописей и сочинений сведений об их якобы широком существовании в Древней Руси. Между тем Арциховский продолжал истово верить

в то, что берестяные грамоты рано или поздно все-таки будут найдены.

Наконец муза Клио, видимо, сожалелась над историками, подарив научной общественности первую берестяную грамоту. В 1951 году на Неревском раскопе, площадь которого достигала гектара, тридцатилетняя Нина Федоровна Акулова, нанявшаяся во время декретного отпуска к археологам на лето землекопом, случайно обнаружила в щели между бревнами древней новгородской мостовой туго свернутый кусочек бересты. Она хотела, было, уже отложить в сторону явно ненужную находку, но из природного женского любопытства развернула — на куске коры

Археологические раскопки в Новгороде

под черным слоем вековой слежавшейся сухой грязи проглядывали процарапанные буквы. Это была берестяная грамота! Когда Арциховскому поднесли этот невзрачный, в комьях земли, свернутый в трубочку свиток, археолог в волнении крикнул: «Сто рублей!» Такой огромной по тем временам суммой, вполне сравнимой с иной месячной зарплатой, начальник Новгородской экспедиции отблагодарил счастливую первооткрывательницу уникальной на-

потратив. В доме, где она жила, после смерти была установлена памятная доска, а ее надгробие выполнено в виде той самой берестяной грамоты. Позже на месте, где располагался Неревский раскоп и была найдена берестяная грамота №1, установили памятный знак. В начале 90-х, когда я участвовал в раскопках, это был низенький, вросший в землю и почти незаметный из-за высокой, густой травы алюминиевый щит в форме старинного свитка, буквы на нем,

ходки. Мечта его жизни сбылась: берестяные грамоты оказались не досужим вымыслом средневековых книжников, не фантазией кабинетных ученых прошлого, а самой что ни на есть живой, осязаемой реальностью, которую можно было пощупать, потрогать и, конечно же, предстояло изучить.

Свою премию в сто рублей Нина Акулова берегла всю жизнь как драгоценную реликвию, так никогда и не

сообщавшие о той самой исторической находке, были едва различимы, а при ярком солнце так и вовсе не читаемыми. Отрадно, что уже в наши дни его место занял презентабельный, полноценный стенд с обилием визуальной и текстовой информации. А 26 июля, день находки первой берестяной грамоты, стал в Новгороде неформальным, но ярким и запоминающимся праздником в честь ее обнаружения.

БЕРЕЗОВЫЙ АРХИВ СТОЛЕТНИЙ

За находкой первой берестяной грамоты вскоре последовали и другие: только в тот памятный археологический сезон 1951 года было найдено еще 9 посланий из прошлого, процарапанных на коре березы. По состоянию на сегодняшний день, археологами найдено двенадцать сотен берестяных грамот, девять десятых от этого числа — в Великом Новгороде. За ним с огромным отрывом следуют Старая Русса — 46 берестяных грамот, и Торжок со Смоленском — 19 и 16 берестяных грамот.

Почему же подавляющее большинство находок обнаружено именно в Новгороде? Все дело в особенностях почвенного слоя новгородской земли: в ее толще, без доступа воздуха, берестяные грамоты надежно консервировались до тех лучших времен, пока не становились добычей археологов. В других городах, не обладавших подобной водонепроницаемостью, они за столетия нахождения под спудом земной тверди неизбежно превращались в прах. Ну и, конечно, в уникальности новгородской истории — феодальная республика единственная из древнерусских княжеств не знала татаро-монгольского ига, а ее столица была самым богатым и культурным русским городом в XI–XV столетиях. При этом надо помнить, что даже кажущееся внушительным найденное ныне общее количество найденных археологами берестяных гра-

мот, которое год от года продолжает медленно, но неуклонно увеличиваться, — это всего лишь капля в море от их реально бывшего в обращении числа.

В силу объективных причин археологам доступен для исследования минимум минимум городской площади. Ученые вынуждены работать на пустырях, незастроенных участках исторического центра города, допускаясь порой к исследованиям (да и то не всегда) в случае масштабной перекладки подземных коммуникаций либо нового строительства на месте снесенных зданий. Кроме того, со времен средневековья и до рубежа XIX–XX веков, когда и происходит рождение в России археологии как науки, культурные слои большинства древнерусских городов были неоднократно повреждены в силу частых войн, с сопутствовавшими им пожарами и разрушениями, а также многократной последующей застройкой на месте исторических кварталов древнего города. Поэтому шанс найти на конкретном раскопе берестяную грамоту неуклонно стремится к нулю. Значительная часть берестяных грамот если и не была случайно уничтожена при очередном строительстве нового дома или не истлела от времени, то покоится в толще земли под фундаментами зданий, недоступная для археологов.

Великий Новгород представляет в этом отношении счастливое исключение. Со времен Екатерины Великой расположение улиц исторического центра в своей основе опира-

ется на ее регулярный план, пере-
кроивший улицы древнего города в
соответствии с господствовавшими
тогда представлениями о гармонии,
удобстве и красоте. В результате ме-
ста, где проходили древние улицы
средневекового города, с той поры в
значительной степени остались не-
застроенными, превратившись в го-
родские пустыри, скверы, да и про-
сто дворы частных домовладений.
Так культурные слои города в целом
ряде кварталов остались во многом
нетронутыми, дожидаясь своего ча-
са, пока будут вскрыты археолога-
ми для изучения. Поле деятельности
весьма обширно: работы хватит не
для одного поколения будущих ар-
хеологов.

РОЖДЕНИЕ БЕРЕСТОЛОГИИ

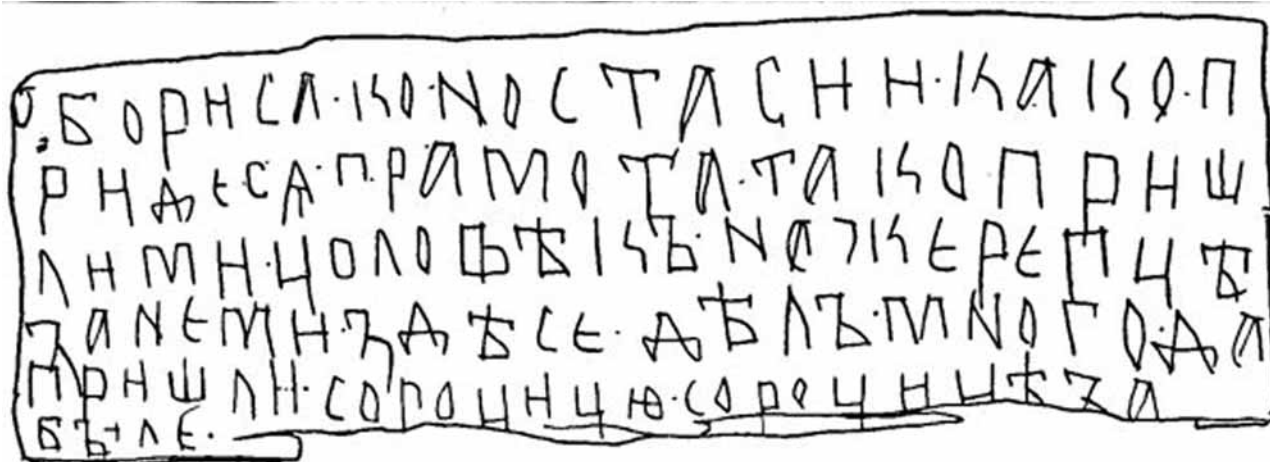
А что же написано в самих берестя-
ных грамотах, о чем они и кому адре-
сованы? Послания из прошлого по-
священы самым разнообразным
житейским сюжетам: от скучновато-
обыденных бытовых хозяйственных
записок до чувственных любовных
посланий и магических заклинаний,
от невероятно запутанных судебных
тяжб до банальных долговых распи-
сок, есть даже избирательные бюл-
летени. Благодаря обнаружению и
прочтению берестяных грамот мно-
гие лакуны новгородской истории
(в частности, генеалогия боярских
родов) оказались заполненными.

Именно с открытием берестяных
грамот стало понятно предназна-
чение во множестве находимых ранее
археологами заостренных металли-
ческих либо костяных стержней, ко-
торыми и процарапывали на берес-
те свои послания многочисленные
авторы. Ранее ошибочно считалось,

что это некий аналог шила. Примечательно, что текст грамот не делился на слова, идя по неровной площади куска березовой коры единым потоком, без всяких знаков препинания. Стоит учесть, что язык наших предков той эпохи, на котором написаны березовые послания, весьма сильно отличался от того, на котором мы говорим сегодня. К тому же в посланиях из прошлого присутствует множество либо диалектных, либо полностью вышедших из употребления слов, понятных лишь специалистам. Огромную работу по дешифровке берестяных грамот, их перевода с древнерусского на современный русский провел и продолжает проводить уникальный лингвист и филолог-славист Андрей Анатольевич

Зализняк. Кстати, на основе анализа текстов сотен расшифрованных им берестяных грамот он выдвинул не лишнюю оснований научную гипотезу о бытовании особого новгородского языка в Древней Руси.

Из-за ограниченного размера куска бересты объем грамот относительно невелик, к тому же в нем порой нередко встречаются лакуны, зачастую весьма сильно затрудняющие понимание общего смысла послания. Причины прозаичны: подобно тому, как мы в наши дни нередко рвем на части ставший ненужным документ или письмо, так и в Древней Руси отправители и адресаты надрывали или разрывали потерявшую для них актуальность берестяную грамоту, бросая ее на улице в укромное

место или просто в каком-нибудь присутственном месте. Иногда грамоты их хозяева банально теряли или просто-напросто забывали среди вороха собственных вещей. Большинство из берестяных грамот, конечно же, уничтожалось временем, сгорая в пожарах, бывших частыми спутниками русских деревянных городов Средневековья, быстро истлевали на поверхности земли, будучи брошенными своими владельцами, которым они стали не нужны, либо же намеренно уничтожались своими хозяевами. Но небольшая, малая часть, волею судьбы случайно попав в укромное место, оставалась лежать в земле столетия, ожидая того счастливого часа, когда будет найдена археологами.

Мир берестяных грамот открыл ученым многогранную историю повседневности городского мира Древнего Новгорода. Поражает, что авторами грамот, относящихся к XI–XV

векам (позже бересту вытеснила бумага, ставшая относительно дешевой и доступной), были буквально все слои населения: бояре и купцы, ремесленники с крестьянами, женщины и даже маленькие дети. Широко известны берестяные грамоты шестилетнего новгородского мальчика Онфима, жившего в XIII веке и только-только постигавшего азы грамоты: с детской непосредственностью он разукрасил свои ученические тексты забавными рисунками. Они были найдены сразу все вместе, видимо, юный ученик, которому непросто давался гранит науки, в один злополучный для него день потерял свои берестяные тетрадки.

Примечательно, что столь высокий, практически поголовный уровень грамотности жителей Господина Великого Новгорода и его ближайшей округи пришелся на то самое время, когда в Европе царил «мрачное средневековье» с его поч-

ти повальной безграмотностью населения, включая представителей высшего общества, духовенства и венценосных особ!

Березовые записки Земли

Неверно было бы говорить, что берестяные грамоты — сугубо русское явление. В разные исторические эпохи через березовые послания прошли многие народы планеты. Так, ученым известны средневеко-

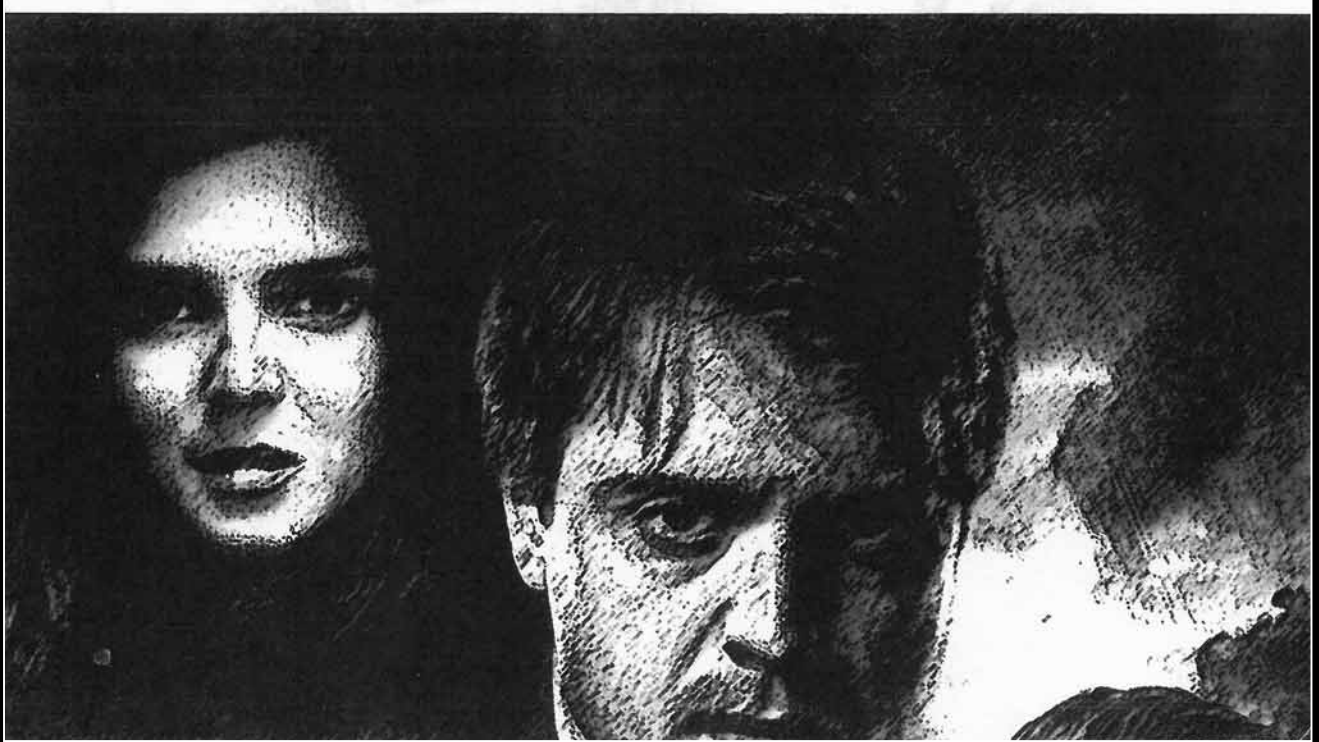
ресте создавали свои листовки и газеты советские партизаны.

Конечно, береза растет во многих странах мира, однако только у нас она стала деревом-символом, олицетворяющим Россию. И лишь в нашей стране благодаря пристальному, кропотливому труду на протяжении вот уже более полувека сотен археологов, историков и филологов берестяные грамоты превратились в особую и надо признать весьма прибыльную в научном отношении

вые санскритские, тибетские и буддистские берестяные грамоты, сохранились упоминания об использовании бересты для письма на исходе средневековья в Северной Европе и даже североамериканскими индейцами («Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло). Уже в XX веке за отсутствием бумаги в годы войны на бе-

статью пополнения знаний о прошлом, невероятно обогатив и расширив их. Ведь все-таки есть что-то загадочно-необъяснимое в этой сугубо российской связи: береза — берестяные грамоты, хотя скептики, конечно же, и возразят мне, объяснив все сугубо прозаическими, материалистическими причинами. □

Иосиф Гольман

ЛЮБОВЬ, І АІ ААЕЊОЎ И БЕЛЫЕ НОЧИ

Пролог

*Москва, адвокатская контора,
площадь трех вокзалов*

Эта контора выглядела так, как будто существовала вечно.

Вечная, не имеющая признаков времени мебель — эрзац-кожаные диванчики в коридорах, с широкими, щербатыми деревянными подлокотниками. В кабинетах — светлые фанерные шкафы, столы, покрытые листом прозрачного или цветного оргстекла, да деревянные стулья со спинками, произведенные, может быть, сто лет назад. А может — вчера, по неизменному бюджетному эскизу, столь любимому казенными ведомствами.

Хотя само предприятие полностью казенным как раз никогда и не бывало. Даже в сталинские времена — а контора была зачата в приснопамятном 1937-м — адвокаты были людьми теоретически свободными и даже теоретически независимыми.

Ольга Шеметова, зайдя с шумной солнечной улицы в полутемный коридор, с удовольствием вдохнула привычный, только этому месту присущий

Журнальный вариант.

запах, включавший в себя стандартный аромат старого здания, легкий естественный привкус архивной пыли и качественной домашней еды — их секретарь Валентина Семеновна никогда не отдавала себя на заклятие привокзальному фастфуду и все приносила с собой, в аккуратно закрытых баночках и кастрюльках.

Необычным сегодня был, пожалуй, только один — свежий аромат любимых духов ее покойной ныне бабушки. Как они назывались? Вроде, «Красная Москва».

И исходил он от единственного посетителя, точнее — посетительницы. Не молодая, но красивая и статная женщина сидела на диванчике и спокойно разглядывала вошедшую адвокатессу, лишь в больших серых глазах сквозила озабоченность. Впрочем, кто ж ходит по адвокатским конторам безо всякой озабоченности?

— Вы кого-то ждете? — поинтересовалась Шеметова. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Нет, спасибо, — отозвалась женщина. — Я пока здесь посижу.

— Хорошо, — немного удивилась Ольга и, открыв дверь, зашла в свой кабинет.

— Оленька! — громко позвала ее Валентина Семеновна, не прибегая к имевшейся внутренней связи. — Тебе наряд! По пятьдесят первой.

— Сейчас подойду, тетя Валь! — так же через коридор ответила Шеметова. Все привычно, все по-домашнему.

Да и наряд тоже был обычным, рутинным.

Некий рецидивист, отсидевший немислимое количество лет — гораздо больше, чем Олин нынешний возраст, — в очередной раз попался на краже и в данный момент находился под стражей в СИЗО «Матросская тишина».

Денег у него, разумеется, не было, и из суда прислали запрос на бесплатного адвоката. Контора в этом случае получит от государства некие смешные деньги, хотя на «пятьдесят первых» тоже был спрос: у тех защитников, у которых, как говорится, «глаз потух». Славы и богатств не заработаешь, но и с голоду не помрешь.

В Олиной конторе адвокатов с потухшим глазом пока, слава богу, не было, а потому они делили неимущих страдальцев между собой по очереди. Так что все справедливо.

Шеметова подошла к секретарю, взяла наряд на защиту. Идти в суд предстояло послезавтра. Валентина Семеновна могла и отказать судьейским, так как правила требовали минимум пять дней для подготовки. Но портить отношения из-за ерунды не хотелось, дело было плевое — украдено два кило колбасы и еще что-то, такое же мелкое, а заведомо свободная Ольга хотела отбыть повинность побыстрее, мало ли что потом навалится.

Она вернулась к себе — ей предстояло, воспользовавшись паузой, разобраться со скопившимися бумагами.

Ольга и не заметила, как пролетело время, пока в кабинет не заглянул Багров, самый маститый и титулованный адвокат их конторы. Можно сказать, звезда. А еще — объект тайной... ну, не страсти пока, но, похоже, влюбленности молодой адвокатессы.

— Оль, обедать пойдём?

— Да, конечно, — мигом вскинулась она, закрыла свой кабинет, и они направились по длинному полутемному коридору к выходу.

По дороге их окликнул Волик Томский. Волик хотел от коллег еды. И побольше. Как всегда. Олег обещал прихватить.

Волик был не один. В открытую дверь его кабинета Шеметова увидела утреннюю даму, что сидела с утра на посетительском диванчике. Та сначала внимательно смотрела на Вольку, а потом перевела взгляд на адвокатессу.

Очень внимательный и очень спокойный взгляд.

Тут Волька прикрыл дверь, а Шеметова и Багров отправились в симпатичный и недешевый итальянский ресторанчик.

Наелись так, что вставать не хотелось.

Еще одну замечательную пиццу, огромную и целенькую, им положили с собой, в круглую фирменную коробку — для трудолюбивого Волика.

— Слушай, давай пять минут посидим. — Усталый, но довольный Олег комфортно устроился в удобном кресле.

— Я не против, — честно сказала Ольга. Ни против пяти минут, ни против вечности. Впрочем, этого она уже не сказала.

— Я, кстати, хотел тебе дельце подбросить, — начал старший коллега. — Установление отцовства. Точнее, отказ от отцовства. — Заметив произвольную гримаску на Ольгином лице, Багров добавил: — Он точно не отец. В данном случае он — кошелек. Ну, и поставщик отчества в придачу.

— Откуда вы знаете? — недоверчиво спросила Ольга. — Клиент сказал?

— И клиент сказал, — подтвердил Олег, — и я справки навел. А ДНК-экспертиза подтвердит. Слушай, — вдруг предложил он. — Давай уж оба на «ты». А то одностороннее «тыканье» — как-то неудобно выходит.

— Давай, — радостно кивнула Ольга.

Наконец они покинули столь приятное заведение и через пятнадцать минут были уже в родной конторе.

Осчастливленный Волик даже забыл сказать спасибо, выхватив заветную коробку с пиццей из рук Багрова и скрывшись с ней за дверью своего кабинета. Таинственной посетительницы, кстати, там уже не было.

«Странно, что меня это интересует», — только и успела подумать Шеметова, как увидела утреннюю даму, выходящую теперь уже из соседнего кабинета. Его хозяин, самый пожилой и опытный из адвокатов конторы, Аркадий Семенович Гескин, галантно проводил ее до двери.

— Благодарю вас, Аркадий Семенович, — плавно проговорила дама и... снова уселась на посетительский диванчик, не отрывая, впрочем, глаз от вернувшейся Шеметовой.

Сопровождаемая ее взглядом, Ольга дошла до своего кабинета, открыла его, села за письменный стол, и тут дверь без стука открылась, и та же дама, войдя без приглашения, уселась напротив и произнесла:

— Я все-таки к вам.

— Я же вас еще утром спрашивала, — не поняла Шеметова.

— А утром я еще не знала, — парировала та.

— А теперь знаете?

— Теперь — да, — и дама вывалила на стол целую стопку визиток.

Шеметова в молчании, не дотрагиваясь, разглядывала их. Это были визитные карточки столичных адвокатов. Самых разных. Иногда — известных.

— Вы выбираете адвоката, — наконец сообразила она.

— Уже выбрала, — немногословно поправила женщина.

— Кого же?

— Тебя.

— Почему меня? Тут у вас много хороших имен.

— У тебя тоже будет хорошее имя, — усмехнулась женщина и, наконец, протянув руку, представилась: — Анна Ивановна Куницына. Может, ты думаешь, у меня денег на известных не хватит?

— Нет, что вы, — замотала головой Ольга, хотя первоначально именно так и подумала.

— Денег у меня на любого хватит. А не хватит, так родные помогут. Из Архангельской губернии мы.

«Вот откуда говор такой», — сообразила Шеметова.

— А в Архангельске хороших адвокатов разве нет? — удивилась она. — Опять же, с местной спецификой знакомы.

— Мне не показались, — отрезала Анна Ивановна.

— Да и в Москве есть более опытные, — Ольга уже понимала, что в столицу женщину привело что-то серьезное. — Вон тот же Томский. Или Гескин.

— Томский годится, чтобы домик во Франции у супруга оттяпать. А вот Аркадий Семенович хорош, — согласилась Куницына. — Если б не ты, его взяла бы.

— И почему же не его выбрали?

— Старый он, — сухо объяснила посетительница. — Умный, шустрый. Но старый. А здесь пахать придется. Может здоровья не хватить.

— А почему вы думаете, что я выдержу?

— Я не думаю, я вижу.

— А разве Багров не лучше меня?

— Лучше.

— А что ж тогда не он?

— Он сильно занят, я выяснила. И в Архангельск не поедет. Это если я попрошу.

— Не поняла, — Ольга и в самом деле услышала в прозвучавшей фразе что-то недосказанное.

— А вот если ты попросишь — поедет.

— С чего вы взяли? — зарделась Ольга. Ее щеки имели гадкую привычку в сложных ситуациях самопроизвольно становиться чуть не оранжевыми.

— Мне почти пятьдесят, дочка. Что вижу, то и знаю. Ты позовешь, он поедет. Ладно, давай уж к делу.

— Так что за дело у вас?

— Мой сынок убил милиционера. Позвал с собой еще одного, дурачка, подстерег в лесу и убил. В тюрьме сейчас. — вздохнула посетительница. — В Архангельске. А суд в районе у нас будет. Председатель сельсовета общественным обвинителем вызвался.

«Убийство представителя правоохранительных органов, умысел, группа», — подытожила про себя Ольга. Получалось невесело. Если не найти достойных смягчающих — пахло пожизненным.

— А лет ему сколько?

— По восемнадцать обоим.

— В момент убийства уже было восемнадцать?

— Лешке моему — за полторы недели до убийства исполнилось. А Ваське-дурачку — за две.

— А почему вы все время про обоих говорите?

— У Васьки отца нет, а мать — пьющая. Я и ему адвоката хочу нанять. Мой же сын его туда затащил.

— Понятно. — На самом деле Шеметовой мало что было пока понятно. Но кураж уже пошел, аж ноздри расширились. Нет, не все так просто было в этой истории.

— А вы сами уверены... — тщательно подбирая слова, начала она.

— Что сын — убийца? — невесело усмехнулась Анна Ивановна.

— Ну да, в степени его вины.

— Что убийца — уверена. А степень вины Бог определит. С вашей помощью. Так ты согласна или нет?

— Да, — коротко ответила Ольга.

Потом она еще долго беседовала с Анной Ивановной, выспрашивая детали и планируя, что необходимо взять с собой.

Куницына категорически настаивала, чтобы московские адвокаты выехали в Архангельск заранее, до суда. Шеметова объяснила, что это неоправданно дорого, ведь клиентке, кроме гонорара, придется платить и за их дорогу, и за их проживание. Но женщина была непреклонна. И она же послала Ольгу к Багрову, просить его взяться за дело.

Шеметова с замиранием сердца отправилась к Олегу и неожиданно легко получила его согласие на дальний, относительно долгий выезд, после чего с задумчивым видом вернулась к себе в кабинет.

— Ну что, согласился? — спросила Анна Ивановна.

— Ага, — ошеломленно кивнула Ольга. — Сразу.

— А ты сомневалась, — улыбнулась Куницына.

На прощанье Шеметова не удержалась и спросила:

— Анна Ивановна, а сын у вас... единственный?

— У меня, Олечка, десятеро деток, — уже не улыбаясь, ответила Куницына. — И все — единственные, — после короткой паузы добавила она.

1

Двадцать два года назад. Деревня Заречье Архангельской области. Куницыны и Рыбаковы

Если смотреть на эти места на карте мира — то ничего особенного не увидишь: несколько голубых капель крупных озер снизу, зеленая краска бескрайнего леса посередине да холодное море сверху.

Воды здесь и в самом деле много. Холодной, прозрачной, вкусной.

Еще одна местная особенность — множество гранитных валунов, наброшенных везде. И среди деревьев, и на берегах рек и озер, и в самой воде.

Может, отсюда издавна возник в этих местах странноватый вид наказания не очень хороших людей. Называется — «надеть мешок».

Подходят к не очень хорошему человеку сзади и надевают на голову мешок. Потом завязывают его снизу и сталкивают изгоя в речку.

Течение ощутимое, однако все же не как в горных потоках. Да и малая глубина резко увеличивает шансы наказанного вернуться домой, хоть побитым о камни и до нитки промокшим, но — живым.

Уменьшает же шансы — температура воды. Десять градусов по Цельсию в июле — не лучшее место для длительных водных процедур. А по-

тому не очень хорошие люди в мешках возвращаются домой все-таки не всегда. В таком случае считается, что, возможно, грехов у наказанного было все же больше, чем односельчане ведали. Бог же, в отличие от односельчан, видит куда глубже и распоряжается по-своему.

Еще один вариант серьезных разборок — лесной. Здесь вокруг — тайга настоящая, лишь на самом севере постепенно переходящая в лесотундру. Лес глухой, и хвойный, и лиственный. С огромным количеством проходимых только зимой болот.

Вот туда и уходили своего рода дуэлянты для окончательного решения затянувшегося конфликта.

Если в живых оставался только один, он, по законам чести, обязан был принести в деревню тело противника, пострадавшего, разумеется, в результате случайного выстрела на охоте.

Наказание в суде, как правило, следовало условное: в крае, где каждый четвертый — охотник-промысловик, за неудачный выстрел строго не карали.

Впрочем, все эти экстримы, типа мешков на голову и дуэли в тайге, конечно, происходили крайне редко. Жизнь в здешних краях текла размеренная, трудовая. Главной же причиной ранней смерти являлась, как и повсюду в стране, не преступность, а банальная «беленькая». Ею грелись в длинные восьмимесячные холода, ею ублажали себя во все праздники и выходные. Те же, кто переходил на ежедневное употребление, довольно быстро покидали ряды уважаемых односельчан, а через какое-то время переселялись на тихие деревенские погосты.

Все, как везде.

А вот людям непьющим, с головой и руками, этот край очень даже по душе. Здесь, работая, с голоду точно не помрешь. Работали в колхозе, близлежащих лесхозах. И, конечно, на себя: в огородах, на речке, в лесу.

Вот в такой, работающей и дружной, семье выросла умная, веселая и крепкая девчонка, Анечка Куницына. Там, где Анька, — там смех и улыбки.

В деревне школа была только начальная — и она четыре года была ее звездой.

Потом ездили учиться в соседний поселок (соседний — это двадцать шесть километров по лесной дороге), в десятилетку.

И там она тоже была звездой. Веселая, работающая, упорная. И очень, очень добрая.

Надо ли говорить, что, когда Анечка подросла и стала девушкой, желающих связать с ней судьбу оказалось предостаточно. В потенциальных женихах перебивало полсела, приезжали соискатели и из других мест, но все получили вежливый, необидный отказ.

Это было тем более странно, что в институт Куницына не собиралась, в город переезжать — тоже. После школы, получив аттестат на «хорошо» и «отлично», пошла работать дояркой в их отделение колхоза. И уже четвертый год вполне была рада своему существованию.

Мама Анечки, Мария Петровна, дочкой, разумеется, гордилась. Тем более что она ей так нелегко досталась — любимый муж утонул на рыбалке в самом начале их совместной жизни, а выходить замуж второй раз Мария Петровна не захотела.

Но вот дочкина переборчивость с женихами ее слегка пугала.

Деревня — не город, стукнет двадцать три — старая дева. Хорошие-то девки в девках не засиживаются, только если с изъязом каким.

Попытки поговорить с дочкой по душам ни к чему не привели.

Сказала только, что ждет мальчика из армии. А кого — не призналась.

Мальчик из армии приехал на следующую весну после памятного разговора.

Точнее, не из армии, а с флота. Три долгих года на ракетном крейсере, два дальних похода. Отличник боевой и политической подготовки, о чем свидетельствовали сверкающие значки на могучей груди.

Через три дня — Анечка как раз вернулась с утренней дойки и позавтракала — пришел к ним домой с целой делегацией, делать официальное предложение. Возглавлял «посольство» сам Мирон Андреевич, председатель колхоза, специально приехавший с центральной усадьбы в родную деревню для столь важного дела.

Анечка о времени сватовства — да и самом предстоящем сватовстве — была не в курсе, три дня провела в Архангельске, выбирая себе заочный техникум, а вот Мария Петровна подготовиться успела. Одних пирогов было видов десять. В том числе — огромная круглая «калитка» с белорыбицей, мясные кулебяки, сладкие ватрушки с брусникой, тонкокорые нежные пирожки с яблоками, с черникой и с вишнями.

Потенциальный жених был весел и целеустремлен. Рассказывал про свои подвиги в морских походах и про высокие горизонты, открывшиеся перед бравым старшим матросом: его, успевшего на флоте вступить в партию, пригласили на курсы участковых милиционеров. Карьера открывалась блестящая. Безо всякого училища можно было стать офицером МВД, обеспечив надежный достаток своей будущей семье.

Наконец гости приступили к главной части меропрятия.

— Ну что, Петровна, — начал Мирон Андреевич. — Как говорится, у тебя — товар, у нас — купец. И товар красен, и купец хорош.

— Да уж, — согласилась расслабившаяся Мария Петровна. — Так оно и есть.

— Опять же, фамилию не менять, — хохотнул председатель.

У Алешки была фамилия Куницын, как, впрочем, еще у доброй половины односельчан. Вообще в Заречье в ходу было только две фамилии: Куницыны да Рыбаковы, косвенно свидетельствующие о том, что жизнь сельчан на протяжении столетий была связана с заповолившими край реками, озерами и лесом.

Гости степенно сидели за столом, поглощая наготовленные Марией Петровой вкусности.

Все было вроде как хорошо и правильно. Но понимающие люди потихоньку начинали нервничать. Потому что ритуал явно пошел не по запланированному пути.

По запланированному — Анечка должна была сесть рядом с будущим женихом. Но не села, устроившись рядом с матерью. А будущий жених вдруг взял, да налил себе сам рюмку водки. Вообще-то — имел право. Но налить ему должна была Анечка. На крайний случай — ее мама.

Через десять минут, несмотря на вкуснейшую еду и питье, обстановка сгустилась до крайности.

Мрачный председатель решил, что пора расставить точки над «i».

— Ну, так что скажешь, красавица? — спросил он погрузневшую Анечку. — Как тебе наш жених?

— Хороший у вас жених, — несколько двусмысленно ответила Куницына-младшая. — Очень хороший. Любая свободная девка счастлива будет.

— А ты что, несвободная? — мрачно спросил будущий милиционер.

— Не обижайся, Алешенька, — тихо сказала Аня. — Ты замечательный парень. Но я люблю другого.

— Кого же? — совсем набычился однофамилец, почуяв соперника.

— Витьку Рыбакова жду. Любим мы друг друга. Через полгода придет.

Неожиданная новость слегка разрядила обстановку, убрав царившую до того полную непонятку. Даже Анечкина мама удивилась. Не было ни одного претендента в зятя, а тут сразу двое. Правда, Витька Рыбаков в материнской табели о рангах стоял несколькими строчками ниже красавца-моряка-эмвэдэшника.

Алешка Куницын весь побагровел от гнева. Хотел что-то выпалить, но сдержался. Точнее — был сдержан председателем и еще одним мужиком, которые на пару что-то коротко, но веско пробормотали неудачливому жениху.

Видно — недостаточно веско. Потому что Алешка все-таки встал, нависнув горой над продолжавшими сидеть за еще полным столом гостями, и сказал:

— Ладно, я понял! А вот ты, Анька, не понимаешь! Что, променяешь меня на Витьку? Его ж с первого раза даже в армию не взяли! На второй год мать упросила. Леший кривоногий! Ты что, не знаешь?

— Не обижайся, пожалуйста, Алешка, — тихо повторила Аня. — Я ни в чем перед тобой не виновата. Десять лет на вас обоих смотрела. С тобой — дружила. А в него влюбилась.

— Ну и черт с вами! — Алексей маханул немаленькую рюмку «беленькой» и так крепко поставил ее на стол, что хрусталь, звякнув, треснул. — Ты еще пожалеешь, Анька! Но обратного пути не будет!

— Ну-ка, утихни, милиционер! Ты в чужом доме! И ты не люб моей дочери! — вступилась за Аню Мария Петровна.

Впрочем, Алешкино буйство уже сошло на нет. Может, от пришедшего понимания ситуации, может, от крепких рук подоспевших мужчин.

Гости постепенно разошлись, слегка смущенные случившимся.

Алешка же Куницын ушел сразу. И не попрощавшись.

2

Москва.

Хлопотный денек московского адвоката.

Печальный рецидивист Иван Гаврилович

Иван Гаврилович Лопухов как въехал в тюрьму нищим, так и остался нищим по сию пору, не способным даже оплатить услуги собственного адвоката.

А предстоящая отсидка почти наверняка станет последней перед вечным освобождением.

Сидеть же ему предстояло за кражу двух батонов колбасы и еще чего-то по мелочи. Кроме того, по неофициальным сведениям, на старика собирались повесить еще несколько мелких краж. То ли для улучшения статистики, то ли и в самом деле эти кражи — Ивана Гавриловича преступных рук дело: кушать же хочется каждый день.

Когда в комнате они с Ольгой остались вдвоем, оба внимательно всмотрелись друг в друга. И оба сильно удивились.

Ольга — тому, что грозный рецидивист с бесчисленными ходками, сидевший в самых строгих зонах при всех вождях и правительствах, оказался маленьким, худеньким стариканом с хохолком редких седых волос и выцветшими слезящимися глазками. Кстати, вовсе не испуганными. Похоже, свои последние испуги Иван Гаврилович пережил много десятков лет назад. Да и не прожил бы он столько в тюрьмах, имей привычку пугаться.

Дед же удивленно смотрел на Ольгу не потому, что молода и, как ему показалось, ослепительно красива, а потому, что его потряс сам факт прибытия этой чудо-женщины в СИЗО — по его никому не нужную душу.

— Так что все-таки произошло в том магазине? — спросила его Ольга.

— Взял я эту колбасу, — вздохнул вор-рецидивист Иван Гаврилович. — Есть очень хотелось.

— Вы на свободе два месяца, — уточнила Шеметова.

— Один месяц и двадцать пять дней, — поправил Лопухов. — Я уже неделю тут парюсь. Скорей бы на зону.

— А что хорошего на зоне?

— А что хорошего тут у вас? — смахнул веками накопившиеся слезинки Иван Гаврилович. — Вон в больничке мне капли капали, глаза совсем не так слезились.

— А родственники у вас есть?

— Не знаю, — внезапно потеряв интерес к происходящему, махнул рукой дед. — Кому я здесь, на вашей свободе, нужен?

«Ну и зачем мне его защищать?» — подумала Шеметова. — Не дай бог, освободят. Завтра же снова задержат, не за колбасу, так за хлеб или тушенку».

— А пенсию по старости вам оформили? — поинтересовалась она.

— Не знаю, — мотнул головой Иван Гаврилович. Потом, помолчав, добавил: — Давай, девочка, оформляй побыстрее свои бумажки. Мне недолго осталось, не хочу в «Матроске» коньки откинуть.

— Иван Гаврилович, — сама не зная почему, решила спросить Ольга. — Я вот смотрела ваше дело. Преступления у вас какие-то... — Она замешкалась, подбирая слово.

— Непреступные, — усмехнулся старик.

— Точно, — подтвердила Шеметова. — Срока большие, слова ужасные, про рецидив и так далее. А сами эпизоды мелкие.

— И половина — не мои, — подтвердил дед. — Я все подписывал, мне какая разница.

— Как это — какая разница? — вспыхнула Ольга. — Вы украли или не вы — есть разница.

— Для меня — нет, девочка. У меня всю жизнь украли.

И неожиданно для Шеметовой — а, может, даже и для самого себя — рассказал печальную историю своей украденной жизни.

Немцы вошли в их деревню под Ржевом в 42-м. Отец был где-то на фронте, мать убило при немецком наступлении. Потом там долго шли бои, сколько — не помнит. Когда наши вышибли немцев, мальчик прибил к красноармейцам.

Почему сына полка, несмотря на строгие предписания, не сдали в детдом или суворовское училище — история умалчивает. Может, потому, что взрослые так же привязались к ребенку, как и он к ним. Поди, попробуй сдать своего сына в детдом, если ты в трезвом уме и здоровой памяти.

Короче, в Берлин Иван Лопухов вступил в возрасте двенадцати лет и в чине ефрейтора. На старой фотографии, которую Иван Гаврилович бережно протянул Ольге, можно было разглядеть и сиротливую ефрейторскую лычку на погоне, и даже две медали на впалой груди пацана.

— Так у вас и награды есть! — обрадовалась Шеметова.

— Были, — сказал Иван Гаврилович. — «За отвагу» — на наш госпиталь напали, конце войны уже. Все отстреливались, я тоже.

— А вторая медаль за что?

— Когда война кончилась, нам всем дали, — равнодушно ответил старик.

— А документы о наградах у вас есть?

— Меня когда осудили, медали забрали, — закрыл тему Иван Гаврилович.

— А за что осудили?

— Мы с ребятами в дом зашли. Разбомбленный.

— Зачем?

— Ребята искали выпивку. Ну а я за компанию.

— И что в доме?

— Нашли за прилавком шпулю синего шелка. Там, видно, раньше магазин был. Все разбито от бомбы, а эта шпуля была почти целая. Притащили мы ее в роту. Все отрезали, кто сколько хотел. Командир, взводные. Потом бойцы. На рубахи.

— А вы?

— Я не стал. Ну, зачем мне синяя рубаха? Я себе шарфик отрезал, думал, будущей девушке подарю. А то у всех трофеи, а у меня — ничего. Мне уже тринадцать исполнилось, начал я на девушек посматривать.

— А что потом? — уже понимая, что было потом, спросила Ольга.

— А потом какие-то чужие солдаты — я их раньше не видел — оцепили казарму и велели выходить по одному и сдавать трофеи. Офицеров не трогали. Ротный пытался за меня заступиться, но его заткнули.

— Всю роту арестовали?! — ужаснулась Ольга.

— Нет, человек двенадцать. Кто вещи сдавал. А так у всех было спря-
тано или прикопано. Находят баул, а он ничей.

— Вы сдали шарфик?

— Да.

— И за это посадили?

— Восемь лет. От звонка до звонка. Мародерство. Мы как политические шли, без поблажек. Ну а потом — пошло-поехало, — вздохнул старик.

Печальная история жизни Ивана Гавриловича Лопухова заняла меньше одиннадцати минут.

— Я все-таки попробую выяснить насчет наград, — сказала Ольга.

— А зачем? — вяло спросил дед.

— Для справедливости.

— Если для справедливости, то давай, — согласился Иван Гаврилович. — Только чтоб не освободили, — пошутил он прощанье. — А то опять на старости лет за колбасой лезть...

На этом день не кончился.

Во-первых, нужно было оформить договор с Куницыной на защиту ее сына, включая командировку в Архангельск. С ней же заключал договор и Багров, на защиту второго парня. Имени его Ольга не запомнила, потому что Анна Ивановна обычно называла его просто «дурачок».

Во-вторых, предстояла поездка к потенциальному доверителю, чье отчество, фамилию и двадцать пять процентов доходов собиралась присвоить одна нечестная женщина. Поскольку «пациент» пришел от Олега Всеволодовича, Шеметова направилась напрямик к Багрову.

— Олег, — начала она, — общалась вот с дедом, по 51-й который. Бесплатник. Ему вообще ничего не надо. Хочет на зону быстрее. А зацепки в деле есть. Если не для освобождения, то для смягчения наказания. И что мне делать теперь?

— Ты — адвокат, — немногословно ответил Багров. — Делай свое дело. Бейся за подзащитного. Вот и все.

3

Москва.

Ольга Шеметова и Леонард Родригес

Отъезд из Москвы по делу сына Анны Ивановны Куницыной откладывался. По не очень хорошей причине. Кто-то из местного начальства решил сделать процесс, как раньше говорили, показательным, переведя его ближе к месту событий. Суд теперь должен был проходить не в Архангельске, а в районном центре Любино, в двух сотнях верст от областной столицы и в двух десятках — от места случившейся трагедии. Перенос объяснили нетривиальностью дела и общественной опасностью содеянного преступниками.

Впрочем, лично для Ольги факт переноса отъезда из Москвы был и весьма полезен: дел столько, что, дай бог, хотя бы на них в зал суда успеть. А ведь надо еще готовиться! Надо с клиентами встречаться, с документами работать, иногда и сыскной деятельностью заниматься. Вот и сейчас в Ольгином производстве было шесть дел. Причем по одному из них, переданному Ольге Багровым, работы было много, и срочной к тому же.

Ольга сидела в кафешке на Белорусской, ожидая Леонарда Родригеса, жертву сексуальной вымогательницы Юлии Морозовой.

Он появился минута в минуту, присел напротив, холеный, модно одетый, с еле доносящимся свежим запахом очень дорогого парфюма.

Ольга вдруг поймала себя на мысли, что все отмеченные особенности клиента работают скорее на ее процессуального противника. Шеметова уже видела досье на Морозову, переданное ей Олегом Всеволодовичем.

Прямо-таки каноническая картинка: богатый ловелас-соблазнитель с одной стороны, и брошенная им с ребенком влюбленная дурочка с другой.

В реальности же все было иначе. Тем не менее что-то — женская солидарность, что ли? — не давало Ольге целиком встать на позицию клиента.

Костюм от Версаче, часы «Патек Филип» — с одной стороны. Женщина в белой блузке и темной юбке ниже колен, без косметики и с трехлетней девчонкой на руках — с другой. Она так и ходила в суд с дочкой. Типа, некому оставить.

А судьи у нас кто?

Женщины в основном. Часто с трудной личной судьбой. Так что на руках уже имелось судебное решение о признании отцовства. И в девочкино свидетельство о рождении вписано отчество Леонардовна.

Теперь же, кроме требований алиментов, процессуальным противником были выдвинуты еще целый ряд имущественных исков.

— Одного не понимаю, — честно сказала клиенту Ольга. — Мы же в двадцать первом веке живем. Есть такая штука — генетическая экспертиза.

— Тут все не так просто. — Олин клиент явно нервничал.

— Леонард Францевич, давайте сразу договоримся. Или мы работаем в полную силу, или не работаем вообще. Я не вижу причин проиграть дело, если вы действительно не отец Марианны.

— Хорошо, я поясню, хотя я думал, что Олег вам все рассказал. Юля сама из Казани. Я тоже туда часто наезжаю, по делам бизнеса. Наезжал... — поправился Родригес. — Я с ней познакомился еще лет пять назад.

— Как познакомились?

— Мне ее передал мой партнер.

Видимо, Ольгино лицо что-то выдало, потому что Леонард Францевич перешел в наступление:

— Слушайте, мне уже давно не двадцать лет. Я не женат. А Юля — не гимназистка.

— А кто? — уже зная ответ на этот вопрос, спросила Шеметова.

— Проститутка. Это она выглядит как девчонка. А когда мы впервые встретились, ей уже было сильно за тридцать. Она обслуживала наш отель.

— Официально как-то звучит...

— Так и есть. Почти, — усмехнулся Родригес. — Там пять или шесть девчонок. Чужих не пускают. Все со всеми делятся. Господи, да все, как

езде. Мой друг, Михаил, дал мне телефон. Сказал, хорошая девчонка. Все умеет, молчит, когда не спрашивают, чистоплотная и неболтливая. Все так и оказалось.

— Не очень-то она помалкивает, — не согласилась адвокатесса.

— Ну... тогда она еще не была такой.

— А что произошло за это время?

— Понимаете, я никогда не был жадным, а она никогда не просила лишнего. Я хорошо к ней относился, да и сейчас не держу на нее зла. Денег ей хватало, даже квартирку себе купила.

— И тут ей захотелось ребенка, — сказала Ольга.

— Да, ей захотелось ребенка. Она почувствовала тупик в своей, в общем-то, обеспеченной жизни. В полусвете больше не блистала. Дружков пересажали в конце девяностых, на большие сроки. Да и конкурентки новые, еще более длинноногие, подросли. Короче, почувствовала закат карьеры. Хотя, если честно, была еще очень привлекательна.

— И что вы ей посоветовали? — спросила она.

— Рожать, — улыбнулся Леонард. — Деньги у нее были, квартира тоже. А ребенок принес бы смысл в ее жизнь. Вот я и посоветовал.

— А что она?

— Сказала, что думает об этом постоянно. Попросила меня.

— А вы?

— Я отказался. Мне было бы неприятно думать, что мой ребенок растет без меня. А жениться на казанской проститутке, пусть даже нежной и красивой, я был не готов.

— И чем кончились ваши отношения?

— Я их не заканчивал. Она сама исчезла. В один из приездов ее телефон не ответил. А через какое-то время пошли иски.

— Леонард Францевич, — заметила Ольга, — вы не сказали главное. Почему не сделать генетическую экспертизу и не закрыть вопрос раз и навсегда?

— Я делал. В Москве. Юля ее оспорила в суде.

— Как она этого добилась?

— Шла постоянная обработка судьи. С одной стороны — богатый человек. С другой — чуть не гимназистка. Она даже ни разу не накружилась в суде. Волосы в две косички, худенькая. С трехлетней девочкой на руках, хотя та ходила уже вполне самостоятельно. Судья сделала вывод, что печать на заключении какая-то не очень. В фамилии эксперта буква плохо пропечаталась. Ну, и что я все эти бумажки не задорого купил.

— Молодец! — развеселилась Ольга. — Без карт на руках блефует как в покере. А почему не попросить суд о контрольной экспертизе? Блеф точно лопнет.

— Судья мягко посоветовала сделать ее в Казани. А я больше не езжу в этот город.

— А почему?

— Ее дружки, кто остался живой, начали выползать из зон. Уже не при тех делах, что раньше, но такие же безжалостные и бесчеловечные.

— То есть, она попросила их поугагать вас?

— Поугагать — это когда подходят и пугают. А когда выбивают два зуба — это уже не пугать.

— Понятно. — Теперь чадолюбивая Морозова уже не казалась Шеметовой идеальной клиенткой. — И все же в Казань съездить придется. Мы обязательно поедем, вы — на экспертизу, я — как ваше прикрытие.

Итак, в ближайшие пару дней она подпишет договор с Родригесом и оформит все необходимые жалобы в казанский суд, а также попросит экспертизу в казанском учреждении, чтобы обеспечить чистую, в одно касание, победу. Как обеспечить свою и клиента безопасность от посягательств Юлиных дружков, подумает на досуге.

Потому что сейчас Ольга уже сильно опаздывала в суд, где должно было рассматриваться дело Ивана Гавриловича Лопухова.

В маленьком зале никого не было, кроме судьи, прокурора, секретаря суда и вбежавшей под недовольным взглядом присутствующих, Ольги. Ах, да, еще был конвой. Больше ни один человек на свете не заинтересовался сломанной судьбой маленького человека. Как будто он и не родился вовсе.

Ольга попросила судью приобщить к делу найденные ею за эти дни документы из военного архива. Что стоило получить эти бумажки за дни, а не за месяцы, знала только она сама и ее многочисленные, копившиеся еще с детского сада, друзья. Потому что без друзей адвокату ничего добиться нельзя, даже будь он семи пядей во лбу. Хотя, впрочем, и без семи пядей тоже большой карьеры, скорее всего, не будет.

Судья не возражала, так как документы о боевых наградах ефрейтора стрелковой роты (он-таки был ефрейтором, и его почему-то не разжаловали, да и медали отобрали незаконно, по факту) Ивана Лопухова никак не меняли криминальную картину, влияя только на выбор возможного наказания.

Звездный миг наступил во время выступления Шеметовой.

Она все-таки заставила спешащих и занятых людей прочувствовать, как хрустели в государственной машине маленькие хрупкие косточки Ванечки Лопухова. Не они дали сироте восемь лет за синий шарфик. Но они продолжали служить той же машине. А каждому — так или иначе — хочется сохранить свое человеческое лицо. Особенно, если это ничем ему не грозит.

Иван Гаврилович получил ниже низшего, и при первой же амнистии, скорее всего, будет освобожден, как фронтовик и медаленосец. Другой вопрос — нужно ли это Ивану Гавриловичу в его нынешнем состоянии.

Но одно было ясно точно. Старик, выходя из своей клетки, вытирал глаза не из-за болезни слезных протоков. А конвоир мягко поддерживал его под локоть не потому, что так ему велела инструкция.

Ольга Шеметова вышла из зала суда вполне удовлетворенная собой и своей работой.

4

Двадцать один год назад. Деревня Заречье. Возвращение Виктора Рыбакова

Виктор Рыбаков прибыл в родную деревню на два месяца позже срока.

Алешка Куницын, на полгода уехавший в Архангельск, проходить какую-то ускоренную офицерскую учебу, уже вернулся обратно, в новой милицейской форме с двумя лейтенантскими звездочками (без учебы давали только одну, и без дальнейшего карьерного роста). Так что видный парень имел еще два месяца форы перед своим соперником.

Чем и воспользовался в полной мере.

Лично ходил к Аниной матери извиняться за тот приснопамятный жениховский дебош. Не давал Ане проходу на местных танцах. Точнее, с ней просто никто не танцевал, опасаясь заработать злого врага в лице молодого стража порядка.

И даже предложил матери Виктора постоянную помощь (она, как и мама Ани, воспитывала сына одна), если та сможет заставить своего отпрыска отказаться от Куницыной-младшей.

От нее-то, Витькиной матери, и разнеслось это по всей деревне.

Односельчане, тем не менее, парня не осуждали, наблюдая, как он от своей неразделенной любви делается все темнее.

Большинство просто не понимали Аню.

Ну разве можно сравнить молодого красавца, офицера милиции, с рядовым, да еще и кривоногим, парнем? Да у участкового на любом заборе по червонцу висит! Все ведь через него делается. Кстати, в его участок восемь деревень входит. А, значит, и все богатства, рассеянные в лесах, озерах и реках на этой территории. Нет, не равные партии маячили Анне Куницыной, выйди она за Алешку или за Виктора.

Анечка же была, как и прежде, весела, стройна, красива. Интересующимся объясняла, что два года ждала, еще два месяца легко прождет.

Наконец Виктор приехал. Вовсе не кривоногий. По крайней мере, в широких армейских брюках. Скромно одетый. С другой стороны, а как еще мог одеться демобилизованный сержант стройбата? В свою же собственную, тщательно выстиранную и выглаженную, «парадку».

Значков за отличия в боевой и политической подготовке у Рыбакова не было. Зато была целая кучка новеньких и уже потертых удостоверений: водителя категорий С и Д, крановщика, стропальщика, сварщика.

А еще он привез старенький чемоданчик, небольшой, потертый, с металлическими углами для прочности. В нем лежали немногочисленные личные вещи, и в отдельной нарядной коробочке — широкие, по тогдашней моде, обручальные кольца из традиционного желтого золота. И деньги, тщательно завернутые сначала в полиэтилен, а потом в несколько газет «Правда». Так что сверток казался вообще пугающе внушительным. Все это было заработано за два с лишним года, как на основной работе, так и на ночных и вечерних халтурах (там, правда, приходилось делиться с прапорщиком). На себя не было потрачено ни копейки.

В общем, еще до свадьбы Аней и Виктором был куплен автомобиль, темно-зеленый «Москвич — 412» ижевской сборки. Не новый, понятное дело, но очень даже на ходу. А с Витькиными руками аппарат был в течение недели разобран, ревизован, промыт, смазан и снова собран. Поскольку свадьба предстояла большая — одинокие матери не собирались падать в грязь лицом — автомобиль вовсе не был лишним: за всякой всячиной предстояло ездить в райцентр, а то и в сам Архангельск.

Правда, Виктору посидеть за рулем собственного авто поначалу не пришлось. Участковый милиционер к тому времени уже понял, что проиграл вчистую, но не признал поражения, а лишь затаился, время от времени отыгрываясь по мелочам.

Ведь почему Витька не водил свой выстрадавший «Москвич»? Потому что Алексей прицепился к правам. Открыты-то категории С и Д, а легковушка — категория В.

Витька стоял перед бугаем в форме и ничего не мог поделать. С властью спорить, даже с такой мелкой, себе дороже. Кроме того, его не покидало чувство жалости к сопернику.

Короче, по всем свадебным покупкам теперь зарулиwała Аня. У нее не были открыты ни В, ни С, ни Д-категории, поскольку прав не было вообще. Однако если налет участкового на Витьку рассматривался, как несправедливый, но с пониманием момента, то притеснение любимой всем селом девчонки могло бы привести к проблемам для самого мента.

Умный Алешка все понимал и некие грани не переступал. Но от долгосрочных планов мщения не отказался.

Свадьбу запланировали на осень, когда заканчивались основные сельскохозяйственные работы. Витька уже трудоустроился. Бессменный председатель с удовольствием взял его механизатором широкого профиля. В реальности он, в отличие от трактористов, оказался загруженным круглый год — руки-то у него точно были не кривые, и росли, откуда следует.

По поводу отношений с Алешкой-участковым был проведен целый семейный совет. Матери предложили молодым уладить дело миром. Понемногу, постепенно, все должно улечься, забыться. Вряд ли молодой офицер-красавец долго засидится в женихах, так что его чудачества вполне можно перетерпеть. Аня и Виктор с такой логикой согласились.

Второй вопрос относительно Алешки Куницына на повестке дня стоял про свадьбу. Звать или не звать? Не звать — точно еще одна несмыслимая обида: всю деревню зовут, а его — нет. Звать — черт знает как поведет себя отвергнутый мужчина, особенно, если он при власти и пистолете. В итоге решили — звать. А председатель, Мирон Андреевич, знавший всю подноготную сложных отношений, вызвался лично присмотреть за милиционером.

Готовились к свадьбе всем миром. Это и сейчас отчасти сохранилось на русском Севере, где природа суровая, и люди просто вынуждены объединяться.

Собирали съестное, ладили на улице столы и навесы — даже самая большая изба не вместила бы всех приглашенных.

Наверное, если б замуж выходила другая девушка, то и желающих погулять на ее свадьбе было бы меньше. К Витьке Рыбакову тоже неплохо относились, но Анечка была звезда. И подавляющее большинство гостей искренне желали молодой семье счастья.

Сколько собралось народа, никто не считал. Вся деревня, плюс многие из окрестных деревень. Пустых мест на двенадцати длинных столах с лавками не было. Даже из райцентра приехали гости. Анечку знали и там — по выступлениям самодеятельности и по трудовым отчетам (в данном случае — точно не «липовым»).

Свадьба катилась бодро, тамаду вскоре все позабыли, веселье было естественным и ненатужным.

Мирон Андреевич поднял тост за матерей молодых, сумевших в одиночку вырастить таких хороших и чистых людей. Мамаши всплакнули, чокнулись между собой и Андреичем, поблагодарили народ за внимание и помощь, поцеловали своих чад. Это был апофеоз праздника. После него молодые — совершенно, кстати, трезвые (правильный обычай!) — могли спокойно покинуть место действия, а гости, у кого оставались силы, наоборот, праздновать уже без всякого сценария.

И только в этот момент председатель, все время опасавшийся какого-либо нехорошего выступления молодого лейтенанта, расслабился наконец.

Алешка Куницын почти до ночи держал себя в руках, оставаясь за столом. Отходил только один раз, и то ненадолго. Потом ушел совсем, да не один, а с Наташкой Рыбаковой, молодой симпатичной девчонкой, только уж очень нелюдистой и недоброжелательной, за что и не пользовалась у народа большой любовью. А вот у лейтенанта, похоже, пользовалась. (Забегая вперед, следует отметить, что и эти отношения довольно скоро завершились свадьбой. Не слишком веселой и многолюдной, но с ЗАГСом, «Волгой» с куклой на капоте и свидетелями.)

А молодожены отправились в дом жениха. Мать там сегодня ночевать не собиралась, и они впервые были предоставлены сами себе.

И какое же это было счастье!

С разрешения жены Виктор, наспех накинув свой военный китель, вышел во двор покурить. И тут его кто-то окликнул. Оборачиваясь, он уже знал, кто это.

Алешка Куницын. Глаза бешеные, в руке — «Макаров».

— Что, страшно, кривоногий?

— Нет, — честно ответил Виктор.

— Что-то не верится, — усомнился милиционер.

— Ты спросил, я ответил, — спокойно проговорил Рыбаков.

— В общем, разрушил ты мне жизнь, — пожаловался Куницын, пряча пистолет.

— Еще наладится, — не слишком уверенно ответил Виктор. Если б он остался без Аньки, его бы жизнь точно не наладилась. Никогда.

— У меня — не наладится, — холодно отрезал лейтенант. — Но и у твоего сына счастья не будет.

— Что ты такое говоришь, Лешка? — попытался остановить его Виктор. — То — мы, а то — дети.

— Что слышал, — жестко ответил тот. — Лучше и не рожайте. — После чего повернулся и в считанные мгновенья скрылся в темноте.

Виктор в смятении вернулся к молодой жене. Рассказывать? Не рассказывать?

Но она каким-то женским чутьем сама все поняла и спросила:

— Он тебе угрожал?

— Не мне.

— А кому? Мне, что ли?

— Нашему будущему сыну.

Больше они в ту ночь не разговаривали. Да и после старались не вспоминать.

Было и нет.

Но, рождая очередную девчонку, Анна каждый раз смутно радовалась: этому ее ребенку Лешкино проклятье точно не угрожает.

А всего девчонок родилось пять.
Шестым родился сын.
И именно он сейчас сидит в особо охраняемом крыле тюрьмы, ожидая приговора...

5

Москва.

Юлия Морозова показывает зубы

Просыпаться утром было непросто. Солнечный лучик уже минут пять топтался на Ольгиной щеке, а она все никак не могла открыть глаза.

Наконец пересилила себя, резко встала.

Помогли стандартные методы освобождения от сна: интенсивная зарядка, душ и тонизирующий завтрак — крошечный круассан с огромной чашкой крепкого кофе.

Все. Энергетический баланс восстановлен, можно приступать к делам.

Сегодня надо было точно выяснить дату их с Родригесом поездки в Казань и заказать охрану на те два дня, что они там пробудут.

Ольга не верила в возможность нападения. Но у клиента денег больше, чем страхов. Раз хочет — пускай будет. А потом, лучше всю жизнь дуть на воду, чем один раз чем-нибудь тяжелым получить по башке.

С Родригесом встретились у него в офисе.

Он покряхтел, поежился, но все дополнительно требуемые бумаги подписал. «Тоже проблема», — подумала Ольга. Небось, когда в девяностые шел к своим деньгам, мало чего боялся. А когда, наконец, дошел — стало страшно за достигнутое.

Выезжать договорились через день, на машине Родригеса, с вооруженным водителем-охранником.

Шеметова побежала в контору, и здесь ее ждал сюрприз.

На скамеечке сидела симпатичная женщина лет тридцати с небольшим, с красивой девочкой, чью головку украшал роскошный белый бант.

Фото Юлии Морозовой, секс-вымогательницы из дела Родригеса, она, конечно, видела. Но роскошная женщина с тех снимков почти ничем не напоминала миловидную заботливую мамашу, сидевшую около ее кабинета. Тем не менее, это была она.

— Я к вам, — сказала женщина, вставая со скамейки.

— Заходите, — ответила Шеметова, открывая ключом кабинет.

Марианну, дочку, тут же заняли, дав листы бумаги и цветные фломастеры. Маленький человек занялся делом.

— Не ожидали? — улыбнулась Юлия, усевшись напротив Ольги.

— Нет, — честно ответила та, спокойно разглядывая процессуального противника. Вблизи становилось понятно, что Морозовой не за тридцать, а под сорок. Но все равно выглядела она моложе своего возраста.

— Как смотрюсь? Хищно?

— Наоборот. Скромно. Достойно. Небогато. Будь вы моим клиентом, я бы одобрила.

— Я готова подписать с вами договор, или, если хотите, устное соглашение.

— К сожалению, это невозможно. Я являюсь адвокатом Родригеса.

— Все равно я хотела бы поговорить.

— А смысл?

— Вы ведь профессионал, Ольга?

— Надеюсь.

— Пашете за деньги или за идею?

— Да я как-то не разделяю, — подумав, честно ответила Шеметова.

— А я вот пашу за нее, — указала на девочку Морозова. — Дети — лучший стимул. Можно, я сразу к делу?

— Да, конечно.

— Он неплохой мужик.

— Кто? — не сразу поняла Ольга.

— Леня. Леонард.

— Леонард Францевич?

— Я его так ни разу не называла, — рассмеялась Юлия. — А он звал меня Юленькой.

— Вы это мне к чему рассказываете? — попыталась ввести беседу в разумные рамки Ольга.

— К тому, что я очень надеюсь на то, что вы, Оленька, не только адвокат, но еще и человек, и женщина.

— И что бы вы хотели от меня, как от человека и женщины?

— Я его уже полтора года трясу. Он давал деньги и склонялся к компромиссу. Потом появились вы, и начались проблемы.

— Какие?

— Мои свидетельницы отказываются от показаний. Леня просит о повторной экспертизе, хотя готов был к мировому соглашению. Вы понимаете, что это не только я теряю все? Мне лично хватало. Это моя дочь теряет все с вашей помощью. Вы это понимаете?

— Я не согласна, — покачала головой Ольга. — Вы не теряете ничего. Потому что ничего и не имели, правильнее будет так сказать. Вы хотите чужое, а у вас не получается.

— Чужое? Это как посмотреть, — легко рассмеялась Морозова, разом сняв разлившееся по кабинету напряжение. — Он со мной спал. Регулярно. Хотелось мне этого или нет. Может, и почаще, чем со своей женой. А я уж точно старалась больше, чем любая жена. Почему тогда ей все, а мне с дочкой ничего?

— А разве он женат? — удивилась Ольга.

— Не знаю. И вообще, дело не в жене. Повторяю вопрос: почему он от меня имел все, а мне нельзя получить от него крохотный кусочек?

— Потому что он получал от вас по обоюдному согласию. И, насколько я понимаю, согласие с вашей стороны им было оплачено.

— Хорошо, давайте прямо. Откажитесь от дела и получите от меня вдвое больше, чем от Родригеса. Просто откажитесь. Я Леню знаю, он испугается, и мы заключим мировое. Леня точно от этого не обеднеет. Все будут счастливы.

— Не все, — с грустью проговорила Ольга. Ей и в самом деле было жаль Юлию, но в ее проблемах, кроме нее самой, никто не виноват.

— Значит, так, тварь! — Лицо Морозовой мгновенно изменилось и стало злым. — Или ты берешь мои деньги, или жди проблем. — Она вдруг резко поднялась, взяла начавшую хныкать дочку за руку и направилась к двери.

— Юлия, два слова, пожалуйста, — вышла вслед за ней Ольга.

— Что еще? — грубо ответила Морозова, но остановилась.

— Откажитесь от своих идей. Забудьте их. А я сотру запись нашей беседы.

— Нет у тебя никакой записи! — вызверилась женщина. — Ты же по правилам живешь.

— Что у вас тут, дамы? — выглянул на шум из своего кабинета Гескин.

— Общаемся, — улыбнулась ему Ольга.

— В общем, я все сказала, — бросила Морозова.

— Я тоже, — ответила Шеметова.

И Гескин, и пришедший позже Багров отнеслись к угрозам Морозовой серьезно. Олег предложил написать заявление в полицию. Два очевидца — Валентина Семеновна и Гескин — могли подтвердить приход Юлии в контору и возникшие неприязненные отношения.

Привлечь к ответственности на основании этих фактов Морозову вряд ли бы сумели, но предостеречь от развития ситуации вполне могли.

Наверное, это был лучший вариант.

Шеметовой было приятно, что о ней беспокоятся, однако идти в отделение и писать заявление она не стала. И времени не было — каждая минута на учете. И желание топить Морозову отсутствовало.

Может, из-за неких моральных резонансов в ее юридически безграмотных речах. А, может, из-за девочки с большим белым бантом.

6

Деревня Заречье. Сын родился

Рождению первого сына Анны Куницыной — правда, теперь ее уже чаще звали Анной Ивановной — предшествовало немало событий.

Некоторые из них произошли сразу после свадьбы.

ЗАГС в их деревне никогда не было, а на одной из рек, между Заречьем и райцентром Любино, сломался паром. Объезд добавлял лишних полсотни километров по лесовозным дорогам. Короче, молодожены решили головы себе не ломать и оформить отношения после свадьбы. Свадьба отшумела — ее еще долго вспоминали, а Аня никак не могла забыть угрозу своего несостоявшегося жениха. Даже хотела идти на переговоры с Алешкой, но Витька не пустил.

Через месяц отношения еще не были оформлены, зато стала очевидна беременность молодой женщины, и страх снова поднял голову: лейтенант Куницын быстро набирал силу, ревностно исполняя свои обязанности, и при каждой встрече злобно смотрел на Витьку.

Наконец супруги смогли добраться до райцентра, чтобы поставить отметку в загсе, и вдруг осознали, что предстоит еще и смена всех Аниных документов — фамилия-то в браке менялась!

Вот здесь и возник у Анечки хитроумный, основанный на сугубо женской логике, план. Фамилию поменять не ей, а мужу. Стать Куницыным. А когда родится сын — назвать Алешкой. И позвать Алешку-старшего в крестные отцы. Полный тезка, да еще крестный отец, вряд ли станет вредить мальчику.

Виктору этот план, мягко говоря, не понравился. Но жена, уже беременная, так боялась будущего и так настаивала, что он все-таки сдался, и, таким образом, Рыбаков стал Куницыным. Сельчане посудачили, да и забыли — не Бержераком же стал, здесь, за малым исключением, все Куницыны и Рыбаковы.

Первой в середине следующей весны родилась девочка. Виктор настоял, чтобы она была Анной. Потом, за семь лет, еще появились на свет четверо девчонок — Даша, Лена, Ольга, Мария.

Бабушки были счастливы. Да и родители тоже. Витька, разумеется, как всякий мужчина, мечтал о сыне. И... боялся его рождения.

В карьерном плане он никуда не вырос, по-прежнему чинил в колхозе все, что ломалось, а в период полевых работ садился за штурвал комбайна. Огород у Куницыных был ухоженный, все росло богато. А что не росло — добиралось в окрестных лесах и реках, либо покупалось в Любино, там

снабжение было неплохое. Деньги в семье тоже водились, пусть и невеликие — от колхоза и от продажи в потребкооперацию излишков собранных урожаев и заготовок.

Вот только охотой Витька не занимался. Потому что разрешение на ружье получаешь в охотничьем обществе, а проверяет его содержание и хранение — участковый. Натолкнувшись раз на кривую Алешкину усмешку, Виктор к нему больше не обращался. Аня, невзирая на его протесты, пошла сама.

— Как в лесу жить без ружья, а, Алешка? — спросила она, заходя в кабинет участкового.

— Вступай в «Охотсоюз», пиши заявление, — хмуро ответил тот и особо подчеркнул: — На свое имя.

Так в доме появилось ружье, «тулка»-двустволка двенадцатого калибра. Но оно все время висело на стене без работы: Виктор его использовать опасался, а Аня, выросшая без отца, к охоте приучена не была.

Личная жизнь Алексея Куницына была вся на виду. Жена его оказалась не очень плодотворной: за все годы брака — две девицы, с интервалом в семь лет. Обе в маму: такие же худые, вроде и не страшные, но с недовольными лицами и недобрый характером.

Зато в «околодолжностном» бизнесе Алешка за десять лет преуспел. Мягко и не спеша — однако без единого исключения, — он обложил данью всех, кто имел какой-либо не совсем законный дополнительный приработок. Дань была не слишком обременительна, иногда больше похожая на жест уважения, однако — обязательная.

Ему платили лесники, и он «не замечал» «лишние» лесовозы.

Мог рвануть в лес на выстрелы в неурочную пору. А мог и не бежать, заранее получив свое от охотнадзора. Вообще не его задача была браконьеров отслеживать.

Бензин, дрова, продукты, семена, удобрения, патроны для охоты — все это он тоже получал по дружбе от разных людей, в том числе и от председателя колхоза Мирона Андреевича.

Однако по одному критерию Алексей Куницын был настоящим суперучастковым. Он отвечал за свой участок полностью. Не боялся влезать в пьяные драки, держал в строгости лихих парней, вернувшихся из колонии. Нет, они не перевоспитывались, но точно знали, что идти на дело лучше где-нибудь в другом месте. Потому что местный мент — точно не добродушный «старик Анискин», не понравиться — может и закопать, лес большой.

Одним словом, участковый в Заречье был разный, годный и на орден — за охрану покоя односельчан, и на тюремный срок — за рукоприкладство и вымогательство.

И вот настал в жизни Анны и Виктора Куницыных очередной важный момент. Ожидание ребенка. Теперь уже шестого.

Муж и обрадовался, и встревожился. Любовный треугольник, казалось бы, разорванный еще десять лет назад, по-прежнему создавал тревогу и напряжение.

Виктор предложил съездить в Любино, там в санчасти лесников появился аппарат УЗИ, предсказывающий пол до рождения.

Аня отказалась — зачем? Ей и так все ясно. Да и что может измениться от бумажного листка с выводом?

Нет, проблему следовало решать иначе.

И — уже после рождения мальчика.

Роды были легкие, очень быстрые, парень родился длинный — 52 см и крепкий, хоть весом не потряс — чуть более трех килограммов.

Витька забирал жену из Любинской больнички, счастливый и озабоченный. С ним приехали две старшие дочери. Каждая просилась подержать малыша, но Аня не отдала. Сама еще не надержалась, не надышалась этим замечательным дитячьим запахом...

Мальчишка рос, как надо, на свежем воздухе, да на материнском молоке.

Имя дали, хоть Витьке и не по душе было, — Алексей. Договорились с бабьюшкой о крестинах.

Потом Виктор отправился к Алешке, просить стать крестным отцом своего долгожданного сына.

Все — по хитроумному жениному плану.

Алешка не отказал. Но и не согласился. Ухмыльнувшись, предложил прислать на переговоры жену. Виктор вспыхнул, почему-то вспомнив про висящее на стене ружье, но участковый молча развернулся и ушел в избу.

Аня долго уговаривала и успокаивала мужа, раз за разом повторяя тому, что участковый ничего позорного в виду не имел. Просто удар по его сердцу нанесла она, вот и извиняться тоже должна пойти она.

Виктор, всегда согласный с женой, теперь не хотел ее слушать. Но ставки были слишком высоки, и Ане пришлось идти ва-банк:

— Вить, ты мне веришь? — спросила она, поднимая ладонями его опущенное вниз лицо. — Веришь или нет?

— Конечно, верю, — пробормотал обескураженный муж.

— Ты веришь, что я ничего позорного для тебя не сделаю?

— Да, — вынужден был согласиться Витька.

— Я пойду к нему. И поговорю с ним, — сказала Аня.

Встреча состоялась в кабинете участкового, расположенном в здании сельсовета, такой же бревенчатой избы, как и все остальные, только побольше.

Алешка обрадовался ее приходу. Вскочил, придвинул ей стул, смахнув с него пыль. Потом подошел ко входной двери и накиннул крючок.

Анна молчала.

— Ну, здравствуй, Анечка, — сказал Куницын.

— Здравствуй, Алешка.

— Что пришла?

— Сам знаешь. Сын у меня родился. Алешка Куницын зовут.

— В мою честь? — ухмыльнулся он.

— Получается так, — ответила Анна. — И мы хотим попросить тебя стать крестным отцом.

— Здорово придумано! — восхитился Алексей. — Твоя идея?

— Моя, — не стала отрицать Анна. — Хватит нам уже дуться друг на друга. У меня — дети, у тебя — дети.

— Зря ты за меня не вышла, — покачал головой участковый. — Витька из механизаторов никогда не выбьется. А я с нелюбимой живу.

Тут Анне стало по-настоящему жаль его. Каково это — всю жизнь прожить с нелюбимой? Но разве она в этом виновата?

Алешка же понял затянувшееся молчание по-своему. Глаза помутнели, остановившись на круглых голых Аниных коленках. Он протянул руку к ее груди и, уже не в силах остановиться, облапил своей огромной ладонью.

— Убью! — отшатнувшись, прошипела Анна.

— Вот и поговорили, — улыбнулся уже пришедший в себя милиционер. — Уже не хочешь мириться?

— Хочу, — пересилила себя Анна. Ради ребенка можно пойти на многое. — Алешка, — в последний раз попросила она. — Давай все забудем, а? У тебя семья. У меня семья. Ты, вон, вообще у нас власть. Не надо портить друг другу жизнь, ты же любил меня.

— И сейчас люблю, — глухо ответил Алексей.

— Любишь меня и угрожаешь моему сыну? — спросила Анна.

— Это его сын, — упрямо проговорил Куницын.

— Это мой сын. И если ты с ним что-нибудь сделаешь — спрошу с тебя я. Ты понял, участковый?

— Понял, понял. Не бойся, я с ним ничего не сделаю. Он сам с собой сделает.

Анна сняла с двери крючок и вышла на улицу, ощущая спиной сверлящий взгляд Куницына.

Вроде бы как должна была успокоиться. Он же ясно сказал, сам ничего плохого не сделает.

Однако успокоения не наступало.

«Господи, мальчик мой, что же ты должен сделать себе на беду? Что же Алешка тебе напроорочил?»

Трасса «Москва-Казань».
Шеметова, Ариэль и неприятности

Родригес подготовился к путешествию основательно.

Его водитель имел вид человека, с которым не стоит связываться. Звали его Ариэль, и это имя никак не вязалось с могучей квадратной фигурой и привычно настороженным взглядом. Не прибавлял лицу дружелюбности и длинный шрам, наискось пересекавший всю щеку.

Ольга уже знала от Леонарда Францевича, что Ариэль имел реальный боевой опыт на Ближнем Востоке, после чего перешел работать в российскую охранную VIP-структуру. Это фишка у состоятельных людей, имевших основания опасаться за свою безопасность.

Машину Ариэль водил отлично. Это мало значило в московских пробках, но могло сэкономить время на трассе.

Леонард Францевич сидел впереди, Шеметову посадили сзади, где было совсем не тесно: японский «крузер» в рабочем варианте легко вмещал и десять человек, даже права приходилось менять владельцам, открывать «автобусную» категорию. Так что втроем в машине было более чем комфортно.

Ольга заметила: примерно раз в минуту Ариэль делал быстрые движения головой — влево, вправо и зачем-то вверх. Похоже, эта манера вошла у него в неистребимую привычку. Под утробное урчанье мощного четырехлитрового дизеля, она не заметила, как задремала, утомленная дорогой. А, открыв глаза, увидела, что уже стемнело, и машина стоит на какой-то заправке. В темноте ярко светились огни маленького магазинчика-кафешки.

— Пошли, кофе попьем, — предложил Леонард Францевич.

— С удовольствием, — откликнулась Шеметова.

Ариэль, по профессиональной привычке, попросил без него не уходить, но ему еще предстояло заполнить внушительных размеров бак «крузака», и тут даже осторожный Родригес отмахнулся: ни на заправке, ни, похоже, в магазинчике, кроме них, никого не было.

Ни одной машины.

Лишь у самых дверей стояла пара недорогих мотоциклов — скорее всего, их владельцы здесь работали.

Внутри Леонард Францевич сразу ринулся к прилавку. Здесь было на что посмотреть: свежая выпечка — пирожки, круассаны, мини-пицца, сэндвичи, горячие напитки. По зальчику разливался чудесный запах свежесваренного кофе.

Ольга, предвкушая пир, тоже устремилась к витрине. Но на ходу поменяла решение, завернув сначала в соответствующую комнату. Та была здесь

одна на оба пола, зато чистая и без неэстетичных ароматов. Да еще с приличным «предбанником», в котором, кроме блестящей белизной раковины имелись также диспенсер с жидким мылом и даже — о, прогресс! — современнейшая электросушка. К ней не надо было подносить ладони, их в нее следовало опускать. «Классная конструкция!» — оценила Шеметова, любившая умные и правильно сделанные вещи.

Через несколько минут Ольга вышла в «предбанник», предвкушая кофе и пирожные, которые она разрешила себе в качестве компенсации за якобы опасную командировку.

Впрочем, уже через пару секунд слово «якобы» стало излишним...

Потому что чья-то сильная грубая ладонь, зажав ей рот, лишила не только возможности кричать, но и даже вздохнуть. Вторая же рука недвусмысленно полезла под платье.

Это продолжалось считанные секунды, но показалось Ольге вечностью, безумной и страшной.

Внезапно жестокая хватка разомкнулась, напавший, как мешок, со стуком упал на керамические плитки пола.

— Ты цела? — Встревоженные глаза Арика смотрели прямо на нее, а ладони обнимали ее голову, но делали это мягко и заботливо.

— Вроде ... да, — с запинкой ответила Ольга. — Что это было?

— Сейчас разберемся, — спокойно пообещал Ариэль.

Тут только Шеметова заметила, что дверь в торговый зальчик тоже распахнута настежь, а перед ней, также недвижно, лежал человек. Точнее, видны были только его ноги в грубых черных ботинках с толстой ребристой подошвой. Такие же были и на том, кто на нее напал.

А к двери уже подбегал, по-видимому, местный охранник — средних лет мужик, стриженный ежиком, в черной униформе и с дубинкой на крутом боку.

— На пять минут отъехал, — непонятно кому пожаловался он.

Боязливо оглядываясь, к ним подошел Леонард Францевич.

Девушки-продавщицы оставались за своей стойкой, не приближаясь к месту происшествия.

— Николаич, так вызывать или нет? — крикнула одна из них — видимо, охраннику.

— Вам полиция нужна? — спросил у Ольги охранник. По лицу и по интонации было очевидно, что самому ему приезд официальных правоохранителей был точно ни к чему.

— Может, лучше без полиции? — обратился к присутствующим Леонард Францевич. Он тяжело дышал, хотя уже четко понимал, что к его «теме» происшествие отношения не имеет.

Зато Ольга была в этом не вполне уверена, слишком хорошо помня шипение «мадонны» Юлии во время ее визита в контору.

Она вопросительно посмотрела на Ариэля.

— Думаю, можно обойтись своими средствами, — сказал водитель. — Я еще сам с ребятами поболтаю.

«Ребятаки» тем временем начали приходить в себя.

Арик наклонился и ловко завернул одному руки назад, намертво обездвигив их специальной нейлоновой лентой-наручниками. Со вторым то же самое — только медленнее и грубее — проделал штатный охранник бензоколонки. И «браслеты» у него были соответствующие — металлические, тяжелые и, судя по гримасам Ольгиного мучителя, совсем не гуманного свойства. Но Шеметовой нисколько не было его жалко. Ей больше всего хотелось пнуть эту тварь туфлей в самую рожу.

Впрочем, Арик, похоже, все сделал за нее: половина лица предполагаемого насильника была неестественно красной. А скоро она станет черной. Следующие стадии — синяя и желтая — тоже со временем произойдут, но не быстро: удар у бывшего спецназовца был безжалостный.

Со вторым дела обстояли, в медицинском смысле, не лучше. Синяк был поменьше, не на пол-лица, а только на лбу. Зато с изрядной ссадиной и кровоподтеком, а на глазах набухавшая шишара становилась похожей на рог.

— Он его дверью, в лоб! — шепнул Ольге впечатленный Родригес.

Охранник тем временем закрыл заведение, повесив на внешнюю ручку двери табличку с надписью: «Технический перерыв. 15 минут».

— Ну, так что будем делать? — спросил он у Ариэля.

— Дай мне пять минут, — ответил Ариэль и повернулся к Ольге с Родригесом: — А вы идите, попейте кофе.

— Что будете? — спросила девушка за стойкой.

— Три кофе, три сэндвича, три круассана, три пиццы, — сделал заказ Родригес, видимо, специализировавшийся на оптовой торговле.

Ольга думала, что после всех потрясений и кусочка не сможет проглотить. В итоге проглотила и сэндвич, и круассан, и пиццу. Последнее — уже всухую, кофе кончился на круассане. Леонард Францевич ел медленнее, но явно с удовольствием, он был уверен, что опасности заготавливались не для него. А скорость, с которой Ариэль расправился с хулиганами, успокаивала его и на будущее.

Сам же их бесстрашный телохранитель скрылся в «предбаннике», куда с помощью местного коллеги втащил и второго хулигана.

— Вымойте там, — выходя, обратился к девушкам Николаич.

Ариэль тоже вышел, направился к стойке и мгновенно проглотил свою порцию.

— Камеры у вас есть? — спросил он у Николаича.

— Есть, но не подключены, — ответил тот.

— Ну и хорошо, — подвел итог происшествия Ариэль. — Поехали? — обратился он к Родригесу.

— Поехали, — ответил тот.

— А они точно не по нашу душу? — уже сидя в машине и снова вспоминая злобный оскал своей гостью, спросила Ольга.

— Точно. Это «обкурки» местные. Николаич их знает, он до пенсии в ментовке трудился. Говорит, шепнет своим, чтоб приглядели.

...В казанскую гостиницу приехали к утру.

Поднялись в номера, чтобы хоть чуточку доспать в удобных постелях, а затем привести себя в порядок перед местными визитами и переговорами.

Не успела Ольга понежиться в утреннем джакузи, как в дверь ее номера довольно-таки неделикатно постучали. Закутавшись в махровый халат и оставляя за собой мокрые следы, она подбежала к двери. Вот теперь ей стало по-настоящему страшно! Прыгать с четвертого этажа совсем не хотелось...

Взяв себя в руки, она посмотрела в «глазок», опасаясь увидеть страшные рожи и, может быть, довольную Юлию Морозову, после чего оставалось только постараться подороже продать свою молодую жизнь. Увидела же... Олега Всеволодовича Багрова! Собственной персоной.

Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, явно чем-то взволнованный. Если честно, Ольга его таким еще ни разу не видела.

Когда она открыла дверь, Олег ворвался внутрь и прерывистым шепотом спросил:

— Ты цела?

— А что со мной будет? — удивилась она.

— Ну слава богу! — выдохнул Багров. — А почему на звонки не отвечала?

— Потому что спала. К тому же забыла свой телефон зарядить. Да и вообще на нем еще вечером кончились деньги.

— А почему Родригес не отвечал?

— Наверное, тоже спал.

— Ффу-у! — Олег прямо в плаще присел на мягкий пуфик из дорожничего нубука. — С тобой не соскучишься!

— Да что случилось-то?

— В твоё окно стреляли.

— То есть? — сначала не поняла Ольга. Потом поняла и погрустнела.

— Ну, там не все так запущено, — попытался утешить ее Багров. — Из пневматики пальнули, шариком. Если б хотели убить, то нашли бы оружие посерьезней.

— А вчера меня еще пытались изнасиловать, — тихо проговорила Ольга. — В извращенной форме: в сортире бензозаправки. — И она рассказала про ночной эпизод.

Багров задумался. Пасьянс как-то не складывался, сельские бандюки вряд ли участвовали в длинных многоходовых комбинациях казанских бандитов. Но и поверить в случайности всех этих безобразий опытный адвокат пока не мог.

Он поднялся, снял плащ и снова стал адвокатом, а не встревоженным мужчиной, бросившимся спасать свою женщину.

И тут в дверь снова постучали.

На этот раз это были Родригес с Ариэлем.

Через четверть часа они все вместе вышли из гостиницы и направились по медицинско-юридическим «достопримечательностям» татарской столицы.

Дел хватило на весь день. А вечером расстались: Родригес со своим мрачным Санчо Пансой выехали в Саратов, по фирменным делам. А Шеметова и примкнувший к ней Багров двинулись на вокзал, чтобы купить билеты на Москву...

8

Деревня Заречье. Дело близится к завязке

Прошло десять лет...

Анна Ивановна (теперь никто уже не называл ее Анькой) успокоилась и жила в тихой спокойной женской радости.

Детей стало уже восемь — все разные, все любимые. Старшие основательно помогали по дому и хозяйству.

Про угрозы участкового потихоньку стали забывать.

А тот к тому времени сильно заматерел. Дом построил огромный, благо, отжимание денег у местных мелких бизнесменов не только не сократилось, но и возросло.

Да и не только у мелких: богатые лесники и автотранспортники тоже старались дружить с проникшим во все местные щели ментом, не говоря уж о колхозном начальстве. Старый председатель, Мирон Андреевич, два года как переехал на деревенское кладбище — поздно обнаружили рак. Его место занял колхозный агроном, молодой парнишка, недавно после вуза. Так он вообще восторженным щенком ходил за многоопытным майором Куницыным.

В личной жизни у него тоже ничего не поменялось.

Пил он только теперь часто. Но, опять же, не до валяния в грязи. Всегда достойно добирался до своего трехэтажного домища. И исчезал в нем, ибо никто из деревенских толком не знал, что там делалось внутри.

Точно знали лишь перечень жильцов: хозяин, его резко постаревшая мать, жена Наташка и двое девок — Инна и Кристина.

Наташка почти не изменилась, только еще больше усохла и озлилась. Общались с ней неохотно, да та особо и не навязывалась. И она, и две ее дочери были высокомерны и недружелюбны, да и их в деревне никто особо не любил.

Тихо было целых десять лет.

Пока маленький Алешка, словно исполняя фатальное предсказание грозного тезки, не попал в криминальную историю.

Он, с еще тремя такими же пацанами, стащил два духовых ружья, с которыми доморощенная «банда четырех» и прогуляла в школе уроки. Там они эти ружья и утащили, они стояли в незакрытом шкафу у физрука.

«Маленькие гангстеры» развлекались до позднего вечера, пока не кончились пульки. Жертвами акции стали несколько березок, на которые навешивали бумажные (тоже краденые) мишени, одна ворона (улетевшая с возмущенным карканьем и пулькой в мощном теле) и небольшое стекло в собственной баньке Анны и Виктора Куницыных — мальчишки поспорили, пробьет его или нет.

Пробило.

Ущерб, казалось бы, невелик.

Но все стало гораздо серьезнее, когда Алексей Куницын-старший получил намек на то, что в деле замешан его тезка. Майор проявил чудеса служебного рвения и в течение следующего дня расколол участников кражи. Завернув руки за спину, доставил, каждого по отдельности, в свой официальный кабинет. Взял собственноручно написанные объяснения, из которых следовало, что организатором преступного деяния был Алексей Викторович Куницын, десяти лет от роду.

Короче, отпустили всех, кроме Лешки.

За ним, вернувшись с мужем из райцентра, уже поздно вечером пришла мать.

— Ты все-таки достал его? — спросила она с угрозой. Глаза Анны горели ненавистью, и ни о каких сделках сейчас речи быть не могло.

— Я, что ли, ружья крал? — спокойно произнес участковый.

— Все равно не имеешь права без родителей допрашивать, — стояла на своем Анна.

— А я не допрашивал, — охотно объяснил Алексей. — Я беседовал. Вот, имеется чистосердечное признание, — и показал два листка, исписанные

корявым детским почерком. Анна инстинктивно попыталась их взять, но он отдернул руку и ухмыльнулся: — Пригодятся еще. А пока забирай своего Лешку.

Мать за руку увела плачущего сына. Тот не столько боялся домашней разборки, сколько словно учуял начало некоей длинной, нехорошей истории.

Дома его и в самом деле даже пальцем не тронули. Все обошлось тихим разговором. Но — серьезным.

— Мам, не я все придумал. Митька сказал про «духовушки»! Вадик предложил взять, пострелять. Почему на меня свалили? — плакал Лешка.

— Неважно, почему, — не хотела ставить его в курс давних противоречий Анна. — Пусть кто угодно будет виноват. Но ты не должен быть виноват ни в чем. Ни в чем, понял?

— Понял, — ответил он, стирая дорожки от слез на худых щеках. Хотя на самом деле ничего понятно не было.

— Дядя Алеша хочет порядка, — сказала Анна, подавая ему чистый платок. — Любит он нас или нет — другое дело. Если мы не будем нарушать — он не будет нас трогать. Сейчас было за что тебя наказать. Все, иди делай уроки.

После этого инцидента Лешик стал объектом пристального внимания в семье. Разве что только самые маленькие не надзирали над притихшим и как-то разом повзрослевшим мальчиком. Он и сам старался вести себя ниже травы тише воды. Нюхом ли что-то почуял, а, может, бабушка в тревоге своей лишнего рассказала.

Но теперь тормознуть майорское рвение не мог уже никто. Андреич — в могилке, новый председатель сельсовета из полюбившейся роли майорской «шестерки» уже не выходил. Остальные односельчане предпочитали не вмешиваться, не желая портить отношения со всесильным Алексеем Васильевичем, теперь уже заместителем начальника РОВД.

Разумеется, ни Анна, ни Виктор не побоялись бы вступить в открытый бой за своего сына.

Но в том-то и дело, что открытого боя не предвиделось.

Усилиями участкового мальчишку поставили на спецучет.

В строку теперь шла даже сигарета на танцах в клубе — висит же плакат «Курить запрещено».

Но, главное, при любых криминальных проявлениях в окрестных деревнях майор немедленно «профилактировал» своего тезку.

Пропал велосипед — Лешку конвоируют в кабинет участкового, допрашивать.

Побили стекла в клубе — руки за спину и вперед. Что, тебя не было в деревне? Уезжал с родителями? Значит, разберемся и отпустим.

И отпускали. Иногда даже раньше, чем Анна узнавала об очередном задержании.

Майор теперь имел свой кабинет в Любино. Однако, случись что в родной деревне, невзирая на ухабы и погоду, немедленно прибывал в Заречье, где начинал поиски преступного элемента.

Начинал, естественно, с Лешки Куницына.

Анна снова ходила к участковому, просила, умоляла даже отступить от ребенка. Ведь в самом деле сделаешь его злодеем!

Майор в ответ только ухмылялся и повторял свое предложение десятилетней давности. Мол, жену свою все равно никогда не любил. А так — достойное завершение мечты всей его жизни. А еще добавил, что никаких ее писем ни в какие инстанции не боится. Во-первых, юный Куницын грешки имеет реальные, не зря на спецучете с малых лет. Во-вторых, все равно он уже достиг пика карьеры. Без вуза дальше не поднимется, ни по должности, ни по званию. Да и подниматься не хочется. Здесь он и так — бог и царь, куда подниматься-то? Так что как в свое время сказал, так и будет. На то он бог и царь, пусть даже в масштабах отдельно взятой деревни.

Анна в ответ пригрозила, что, если выпадет ее Лешке черная судьба, она лично прострелит майору голову, ее слово твердое, как и рука. Он знает.

Теперь еще пуще прежнего берегли близкие быстро подрастающего Алексея Викторовича.

И еще пуще лютовал майор.

Если раньше Лешка не понимал своей участи, да и боялся сильно огромного дядю Алешу, то теперь все чаще в его небогатырской груди поднималась волна ненависти против этой толстой твари, отравлявшей не только его жизнь, но и жизнь любимых родителей.

Шло время, Лешка постепенно мужал. Подлая деятельность участкового слегка притихла. И хотя личное дело юноши по объемам было как у закоренелого рецидивиста, но примерно с год никаких притеснений не было.

Анна и Виктор решили, что, наконец-то, кошмар закончился. Но они сильно ошибались — он только начинался.

Через год Лешка окончил школу, причем довольно неплохо, с двумя тройками по неглавным предметам.

Однако самое важное — не это. Самое важное — парень влюбился.

Девочка была приезжая, из соседнего райцентра. Приехала она в Заречье на техникумовскую практику. На их ферму. Невысокая, худенькая, сильно напоминала Анечку в молодости. Разве что не такая задорная и певучая. Лешке она так понравилась, что у парня аж дух захватывало.

Это была любовь с первого взгляда. Любовь обоюдная.

И хотя Зоечкины родители были категорически против их отношений, ребят это нисколько не смущало. Вопрос о грядущей свадьбе был уже между ними окончательно решен.

Тут и случилась кража мототранспорта.

Поздно вечером участковый пришел прямо к колхозному общежитию и заколотил грозно в дверь, требуя Лешку.

Когда тот, сопровождаемый перепуганной Зоечкой, появился на крыльце, майор привычным приемом заломил его руку.

— Отпусти, — тихо сказал Лешка. — Не пугай Зою.

— Перебьешься, — ответил Куницын.

И снова путь позора через полсела. Только теперь за спиной оставалась, униженная и заплаканная, его любимая девушка.

— Отпусти, — уже в кабинете еще раз попросил Лешка. — Не доводи до греха.

— Что? — развеселился майор. — Угрожаешь мне, что ли?

— Ты — неудачник, — сказал Лешка. — Лузер. — Слово было непонятно участковому, но явно обидное.

— Ждешь, чтоб я тебе врезал? — ухмыльнулся он. — Не дождешься. Вот когда посажу, приеду в СИЗО и врежу. А сейчас рано.

— Не посадишь. И не приедешь, — теперь уже улыбался Леша. Неприятно улыбался. Родителям бы не понравилось.

Он принял тяжкое решение.

Впрочем, майор Куницын в такие душевные тонкости входить не соби­рался. Помуржив парня еще с пару часов, сложил показания в толстенную папку и отпустил Куницына-младшего домой.

Тот помчался в общагу. Зоечки там уже не было. Добрые люди оповестили о случившемся ее родителей, и те мгновенно примчались забрать любимую дочку из рук «криминального авторитета».

Через пару недель ночью обильно, как в этих местах бывает, выпал снег. Леша проснулся поздно, внешне абсолютно спокойный.

Анна, после скандала и отъезда Зои, с тревогой наблюдала за сыном, но следов каких-либо эмоциональных срывов вроде не находила.

Виктор этому радовался — силен все же их дух. А она почему-то испугалась. Уж как-то сильно повзрослел в одночасье ее сын.

— Я думаю, сынок, тебе надо уехать из Заречья, — высказала она так пугающую ее самую мысль.

— Я подумаю об этом, — нейтрально ответил Лешка.

Отпускать его было страшно и больно. Пока что лишь две старших дочери покинули родное гнездо. Еще одна, выйдя замуж, осталась в Заречье. Но даже те, что уже встали на ноги, уехали не в пустоту, а в свои новые семьи.

Здесь же придется ехать именно в пустоту.

Слава богу, хоть семья давно окрепла финансово.

Страшно уезжать, но оставаться рядом с этим обезумевшем стражем порядка еще страшнее.

А дальше события развивались, как в плохом триллере.

Лешка узнал, что майор точно приедет из райцентра на день рождения матери.

С утра все совпало, если так можно выразиться, удачно. Оба родителя уехали в Любино, старшие девчонки ушли на работу.

Лешка снял со стены ружье, которое, наконец, должно было выстрелить.

В сарае, с помощью ножовки и напильника, сделал из него обрез, тщательно собрав металлические опилки в заранее подстеленную клеенку, сам набил патроны крупной картечью в тканевых мешочках — друг научил, Васька. Васька — дурачок, с мозгами с детства проблема, в свое время мать-пьяница его уронила, а вот охотник знатный. Охотился лет с тринадцати.

Тут вдруг накатила на Лешку очередная обида. Ведь участковый отлично знал, что в лес ходит с ружьем, да не только в сезон, малолетний ненормальный. Но забирал у Васьки половину шкурок, и законы молчали...

Вечером, уже с пяти часов, Лешка пошел в засаду: надо было остановить «уазик» майора и выстрелить в него. Будут ли в машине еще пассажиры — по большому счету, Лешку это не интересовало. У него только одна задача. И одна цель.

На выходе из деревни он встретил Ваську. Тот с малокалиберной ТОЗовкой тоже направлялся в лес.

— Ты куда? — обрадовался Васька. С ним немногие дружили в деревне, хотя шкурки и мясо за копейки покупали охотно. Лешка же его жалел, и они часто бродили по лесу вдвоем. Правда, без ружей: за грибами, ягодами, орехами — Васька хоть и был дурачок, но все потаенные тропки знал отлично.

— Иду Алексея Васильевича убивать, — непонятно зачем, ответил на дежурный вопрос Лешка. — Участкового нашего.

— Я с тобой, — почему-то обрадовался дурачок. Он, по-видимому, не расслышал про цель куницынского похода. А, может, просто не принял во внимание.

— Нет! — отрезал Куницын-младший.

— И ты меня гонишь? — расстроился Васька.

Лешке стало нестерпимо жалко ущербного парня.

— Ладно, черт с тобой! — разрешил он. Все равно ведь все возьмет на себя.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец показался «уазик» майора. Вот он свернул с трассы и замелькал между деревьями. А когда до него оставалось метров пятьдесят, Лешка вышел из-за дерева.

Майор вполне мог не останавливаться, проехать мимо — попасть из самопального обреза полотняным мешочком с картечью в движущуюся мишень практически нереально.

Но, во-первых, участковый не знал про обрез. А, во-вторых, если бы и знал, не испугался бы. Мужчина он был бравый, настоящий хозяин своего участка и своего места в жизни.

Остановился, вышел из машины, стараясь не соскользнуть с дорожно-го полотна в образовавшийся за сутки снегопада безразмерный сугроб.

— Ты что тут делаешь? — спросил он Куницына-младшего, как будто не замечая дурачка-Ваську. — Криминальное замышляешь? — Майору было весело.

— Да, — согласно кивнул головой Лешка. — Вас отслеживаю.

— Считай, выследил, — расхохотался тот. — Дальше что? Бокс? Рапиры? Пистолеты?

— Обрез, — ответил Лешка, доставая из-под полы полушубка обкромсанное ружье.

— Seriously, — покачал головой майор. Даже под прицелом он мог бы попытаться достать оружие или броситься на парня, но почему-то этого не сделал.

Лешка поднял «ствол», курки он взвел еще раньше.

Наступила странная пауза, как будто оба чего-то ждали.

— Ты все же нашел свою беду, — спокойно проговорил участковый.

Его слова прервал грохот двуствольного залпа.

9

Ольга Шеметова и Олег Багров. А мы идем на север!

Господи, даже не верилось!

Но вот они, в руках. Электронные авиабилеты «Москва — Архангельск». Обратные брать не стали: даже загадывать сложно, сколько продлится такой неоднозначный процесс.

Анна Ивановна настояла на заблаговременном прибытии. Минимум три дня адвокаты поживут в ее избе, подышат воздухом мест, где и произошли все эти романтично-трагические события.

— Ну что, едете? — спросил Волик, выходя из своего кабинета и опять что-то жуя на ходу.

— Сегодня ночью вылетаем, — сообщила коллеге Ольга. Она чувствовала некое эйфоричное настроение, характерное состояние «перед боем». К тому же в этот бой Шеметова ехала с тем, с кем и в настоящую разведку сочла бы за счастье пойти.

— Везет вам, — вздохнул Томский, откусив очередной здоровенный кусок двойного бургера. — А мы тут в душной Москве.

— Ну, так приезжайте к нам, в Архангельск, — пошутила Ольга.

— Вы сообщите, где точно будете, — наконец прожевав, отозвался Волик на ее предложение.

«А ведь приедет!» — обрадовалась Шеметова. Очень бы неплохо! При всех своих пижонских заморочках Томский оставался четким, глубоко и ясно мыслящим профессиональным юристом. Да и друг он хороший.

— Обязательно сообщим, — пообещала она.

Время бежало быстро — надо было ехать домой и успеть собраться. До ночного рейса оставалось не так уж много.

Ольга попрощалась с сослуживцами и, напутствуемая шутками Волика и предостережениями Валентины Семеновны, покинула стены родной конторы.

С Багровым договорились встретиться на Павелецком, перед кассами аэроэкспресса.

Она опоздала всего на десять минут, а Багров уже ходил вдоль касс, нервно поглядывая на часы. Он молча взял ее сумку и нес теперь две. Он же купил два билета.

Вышли на перрон, сели в уже стоявшую на платформе электричку и доехали до Домодедово. Здесь их ожидал ставший привычным контроль, регистрация и — через полчаса стандартных авиационных «накладных расходов» — борт реактивного самолета...

В середине дня они были уже в Архангельске. Получив багаж и выйдя на привокзальную площадь, Ольга глубоко вдохнула свежий воздух и сразу почувствовала разницу. Здесь, после удушливой московской жары, направленной ароматом выхлопов семи миллионов автомобилей и битумными парами от перегретого асфальта, дышалось как-то по-особенному вкусно. Видимо, все дело было в природе, в могучих вековых северных лесах.

Город располагался совсем рядом с аэропортом, в десятке километров, но рассмотрели его лишь из окна автомобиля, решив в качестве туристов побывать здесь на обратном пути, после судебного процесса. Времени до его начала оставалось не так много, а Шеметова, по совету многоопытного Гескина, хотела успеть, как сказал старый адвокат, «подышать воздухом событий».

Анна Ивановна, кстати, встретить их не смогла, у нее случился какой-то аврал в домашнем хозяйстве. Встречал Виктор с дочкой. Имени ее, как и других Куницыных-младших, Ольга так и не запомнила..

— Анна Ивановна очень просила извинить, — характерной скороговоркой заговорил Виктор. — Сама так хотела, так хотела, но не получается (у него смешно выходило — не получацца).

— Никак не получацца, — сокрушалась и дочка. — Велела вас скорей везти, дома уже сама встречать будет.

Ну, не получацца — значит, не получацца.

Москвичи точно знали, что это не от недостатка уважения. Да и нет таких правил, чтоб адвокатов встречали с какими-то протокольными почестями.

На стоянке их ждало необычное авто. «Газ-69», старинный «козлик» цвета хаки, стоял намытый и начищенный, как будто сошедший с кадров старинных фильмов.

— Это у нас парадный, — с гордостью сообщил Виктор. — Сам сделал. Собрал по винтику. Сложно было, но новодела практически нет. Восстанавливал родное. А что новое — точил, фрезеровал по родным чертежам.

Они сели в неожиданно просторную машину — внешне «козлик» выглядел совсем миниатюрным, Виктор включил мотор, и — поехали!

Куницын вел машину не лихо, но быстро и уверенно. Ольга любовалась неброской красотой Севера, а Куницыны, похоже, давно к этому привыкли и уже не обращали внимания ни на холодные глаза озер, ни на бесконечные зеленые горизонты, ни на белые, бочкообразные, с неровными краями облака, делавшие неяркое синее небо неестественно низким.

Машин на шоссе было мало, чаще попадались лесовозы, все почему-то мчавшиеся на предельной скорости. И хотя дорога была достаточно широкой, их машину ощутимо потряхивало воздушной волной.

Это потряхивание слегка укачало Ольгу, и, несмотря на окружающие красоты, она, незаметно для себя, задремала.

Проснулась, когда быстроходный раритет уже въезжал в деревню.

«Вот здесь все и происходило», — печально подумала она, глядя на большие, но старые дома, почерневшие от времени и от дождей, правда, выглядели они крепкими и надежными.

Здесь мальчик рос под недоброй опекой своего тезки.

Здесь, сам того не желая, готовился к главному поступку своей юной жизни. Расплачиваться за который, вполне возможно, придется всей оставшейся...

Приехали не так уж и поздно, однако — сильно уставшие. Сказывался длинный перелет и не менее длинный переезд.

Шеметова думала — вылезут из машины и — спать.

Но не тут-то было.

Взглянув на стол — огромный, самодельный, из толстенных сосновых плах — Ольга поняла, почему у Анны Ивановны «не получацца» их встретить. Потому что даже при помощи детей сварганить такое количество вкусностей за один день представлялось мало реальным.

Но — все стояло на столе: пресловутые «калитки» рыбные, мясные, с яйцом и луком, с капустой, с яблоками и морошкой — видов семи, если не больше. Рыбка — ряпушка и щука — соленая, жареная, тушеная. Привезенные ими сороги — килограммовые «плотвички» — тоже уже готовились дочками к превращению в кулинарные бриллианты. Мясо разных сортов и способов приготовления. Про овощи можно не упоминать — и без них стол просто ломился.

И странное дело! Минуту назад Шеметова смертельно хотела спать. Ничего больше не хотела, кроме как сменить неудобный сидячий сон на комфортабельный лежащий. А тут вдруг аппетит проснулся. И, судя по блеску глаз Багрова, — не у нее одной.

Наконец появилась сама Анна Ивановна — она уходила куда-то по делам. Бросилась к Ольге, поцеловала ее, потом степенно поздоровалась за руку с Олегом Всеволодовичем.

Виктор при ней не то, чтобы стушевался, но было понятно, кто в доме хозяин. Точнее — хозяйка.

Вскоре в огромной комнате собрались все многочисленные отпрыски Куницыных и бабушка, Мария Петровна, мама Анны Ивановны, тоже еще вполне крепкая, с крупными чертами решительного лица, пожилая женщина.

— Об вас только и думала, — тихо сказала она, двумя руками пожимая Ольгину ладонь.

Да уж, захочешь — не забудешь, зачем они сюда приехали. Все красоты и все вкусности подчинены одной лишь сверхзадаче — вызволить из неволи их любимого и несчастного Лешку, не дать ему сгнить в каменном мешке. Или, по крайней мере, оставить хоть какую-то надежду на перемену его злой участи.

К сожалению, прогнозы были малоприятные. Борьба будет, разумеется, не за освобождение парня, а за призрачную возможность когда-нибудь увидеть его на воле.

Ольга в очередной раз сильно расстроилась. Конечно, она с самого начала понимала, во что ввязывается. Но одно дело — теория, и совсем другое — беседовать с бабушкой «закрытого» навсегда молодого парнишки.

А вот Багров так не переживал. Олег Всеволодович вовсе не был бесчувственным. Просто жизненный опыт имел побольше, и живую свою душу научился прикрывать от ежедневных болезненных уколов. Это лучше, чем инфаркт в тридцать лет.

Через какое-то время все сели за стол. Все — это одиннадцать человек, с детьми и бабушкой.

Не успели начать, как подошли еще трое — две крепкие краснощекие женщины и средних лет мужчина, Глеб.

А потом Ольга и считать перестала, кто-то входил, кто-то выходил. Несмотря на очевидный интерес к приехавшим московским адвокатам, гости надоедливыми не были. По крайней мере, Шеметова успела попробовать значительную часть выставленных на столе вкусок, что, впрочем, никак не мешало ей вникать в важную для дела информацию.

Например, бабушка Лешки, утянув Ольгу в сторонку, рассказала ей, как, собственно, это «преступление века» было раскрыто.

Оно бы и никак не было раскрыто — продолжавшийся снегопад уничтожил все следы и запахи, кинолога с собакой даже не вызывали. Ребята же, забравшие у убитого майора его пистолет, сразу ушли с места событий, причем не в сторону деревни, а в сторону трассы, где их следы совсем исчезли.

Пистолет, кстати, добавлял проблем, хотя и без него хватало. Зачем парни это сделали — неясно, но они выбросили ненужную увесистую «железку» в заброшенный колодец, в результате чего добавлялось и обвинение в хищении оружия.

Милиции понаехало — когда труп обнаружили — видимо-невидимо. Не только районное, но и областное начальство прибыло. Отрабатывали разные версии. Трясли даже архангельское преступное сообщество — может, «крышевание» местных не поделили? Искали среди «транзитных» — в ту зиму бежало два опасных преступника. Но их путь явно не лежал через Любино и окрестности.

Постепенно колесо розыскных усилий, сначала активно раскрутившись, начало сбавлять обороты. Чуть не всех подозрительных проверили. Безрезультатно.

Лешку тоже проверяли, хоть и не считали его особо подозрительным — уж больно мал и неказист. Велик, может, и сопрет, но чтоб на убийство...

Дурачка Ваську вообще не тронули...

Сразу разобрались в этой ситуации только Анна с Виктором, да бабушка Марья. И сына своего хорошо знали, и пропажу ружья невозможно было не обнаружить.

Холодный ужас поселился в их сердцах.

Но не в сердце Лешки.

Он даже повеселел, особенно, когда понял, что убийство раскрыто не будет. Себя виноватым не считал — восемнадцать лет Алексей Васильевич готовил свою смерть. Лешка — лишь исполнитель. Спусковой крючок. А нажал на него сам оголтелый майор, это был его выбор.

Анна и Виктор даже не могли толком поговорить с сыном. Он просто не отвечал на вопросы.

В этих условиях приняли решение — оставить, все как есть. Тем более, природа была на их стороне, уничтожив следы и улики.

Анна Ивановна даже в церковь стала ходить, чего раньше не делала. Замаливала ужасный поступок сына. Просила Всевышнего перевести его грех на нее, это ведь она его не так воспитала, не так научила жизни.

С мужем договорились, что, если когда-нибудь речь пойдет о ружье, то его у них украли. Поскольку никто из них не охотится — заметили не сразу. Кто и когда украл — не знают.

Пока предосторожности были излишни — никто ничем у них не интересовался.

Впрочем, всех подробностей бабушка Марья не знала. Или, по крайней мере, не стала Ольге рассказывать. А рассказала она про то, как жуткая тайна выплыла на поверхность.

Мать дурачка Васьки, Вера Антоновна, сильно пьющая женщина, велела сыну зарезать курицу.

Тот послушно взял топор, вышел на улицу и... вернулся домой.

— Не буду, — сказал он матери.

Та взъярилась — надо же, даже дурачок перестал ее слушаться. Поняв, что сын все равно не выполнит приказа, взяла топор сама.

— Иди, поймай, — велела она Ваське.

Тот не стал отказываться, пошел, поймал пеструшку и отдал матери.

Женщина одним ударом отсекла несчастной голову.

Обычная деревенская картина, даже драмой не назовешь.

Кровь фонтаном окропила белый снег.

Вроде бы и вся история.

Мать уже ушла в дом, ощипывать еще теплую птицу, а Васька все стоял перед местом экзекуции и молча раскачивался рядом с россыпью красных брызг.

— Ты что, совсем сдурел? — крикнула мать, вышедшая выкинуть мусор.

— Мы его убили, — тихо сказал Васька и заплакал. — Убили его.

— Кого? — уже что-то понимая, ужаснулась Вера Антоновна.

Может, скажи ей Васька одной, и осталась бы ужасная история тайной — какой-никакой, а все ж сынок. Но дурачок вдруг завертелся на одном месте и начал диким голосом выкрикивать:

— Мы его убили! Убили! Мы убили!!!

Ни увещевания, ни побои не помогали — он кричал без остановки, и через десять минут двор уже был полон соседей.

Тайна перестала быть тайной.

Ваську забрали прямо из дома.

Лешка, узнав о страшном событии, поехал на автобусе в Любино, где сдался сам, чтобы чужие люди не заходили в их дом.

Все равно зашли, с безрезультатным обыском.

Впрочем, новые улики были ни к чему, Леша Куницын и не собирался больше ничего скрывать. На первых же допросах все принял на себя: Васька ничего не знал, ни к чему не причастен. Взял его с собой, так как не хотел обижать дурачка, его и так всю жизнь обижают.

Несмотря на это, «закрыли» обоих.

Сначала парней держали в Любино, потом опять проехали мимо родной деревни, но теперь увезли гораздо дальше — в Архангельск. Еще бы, страшные бандиты, угроза обществу и правопорядку.

А что, так оно и было.

Лишили жизни офицера полиции, отца двоих детей, осознанно, обдуманно и жестоко, а потом почти два месяца скрывались от правосудия.

Зато теперь, когда преступление столь счастливо раскрылось, многим оно сулило совершенно ощутимые земные блага: премии, благодарности, новые звездочки и должности.

— Мария Петровна, — осторожно спросила Ольга. — А как односельчане на все реагировали? Хоть кто-то Лешку защищал?

— Издевательства-то над ним все видели, — неохотно ответила бабушка. — Но разве кто признается себе, что и из-за него дитя страдало? А теперь один погиб, а другой... Тоже погиб, — закончила она, вытирая краем серого шерстяного платка глаза.

Шеметовой нечем было ее утешить. Заключение, отбывающий пожизненное наказание, все равно что погиб.

Улучив момент, Ольга обратилась к Анне Ивановне, заметив:

— По-моему, здесь полдеревни собралось.

— Четверть, — улыбнулась Куницына.

— А почему тогда от односельчан только общественный обвинитель? Нельзя общественного защитника организовать?

— Лешку многие жалеют. Но... — Пауза получилась длинноватая.

— Что — но?

— Боятся люди, — поджала губы Лешкина мама. — Все же сынок руку на власть поднял. А власть везде боятся. Тем более у нас, в лесу.

— А если объяснить, что это неопасно? — не отступала Шеметова. — Вон, адвокаты из самой Москвы приехали. Очень было бы неплохо иметь нам общественного защитника. Друзья-то у него есть?

— Друзья есть, — почему-то неохотно ответила Анна Ивановна. — И враги есть.

— А враги — в связи с чем? — не отставала Ольга.

— Фамильные. У нас тут чуть не все — Куницыны да Рыбаковы, — попыталась разъяснить Анна Ивановна. — Звучат одинаково. Но фамилии — в смысле, семьи, — разные. И у каждой — своя честь. Все боятся позора.

— Какого позора? — не поняла Ольга.

— Вон у Алешки остались две дочки, жена Наташка, да мать-старуха. Враги. Алешкина гибель, да еще от руки сосунка, — их позор. Они будут до последнего стоять, чтоб мой Лешка навеки сгинул.

Ольга ничего не сказала. С такими слабыми позициями входить в процесс ей раньше не приходилось. А тут, оказывается, добавляется и родовая вражда.

— И кто еще серьезный из их клана? — задумчиво спросила она.

— Многие, — ответила Анна Ивановна. — Петр Караваев, зампредела колхоза. Иван Рыбаков — райпотребкооперация. Степан Куницын — охотнадзор. Они все и родственники, и вокруг Алешки всю жизнь кормились. Теперь земля под ногами зашаталась. Мир рушится. А виноват — мой сынок.

— С врагами понятно. Давайте про друзей. Кого можно подтянуть к процессу? Неужели нет таких?

— Все родные за нас будут. Ну, и нейтральных — криво улыбнулась Куницына, — полдеревни. А в Любино, на суд, вообще как в кино пойдут. Поглазеть. Развлечений же мало. Да и разве от них что-нибудь? — усомнилась она.

— Зависит, — подтвердила Ольга. — Еще как зависит. От нас зависят эмоции слушателей, от их эмоций во многом зависит приговор. Судьи ведь тоже люди. Должны вершить суд по закону и совести. Одно дело — когда просто статью надо выбрать, и совсем другое — когда речь идет о живом человеке, который рядом сидит.

— В клетке, — машинально вырвалось у Анны Ивановны.

— Именно, — безжалостно подтвердила Шеметова. — Оттого, что он — в клетке, у судьи и у публики только усиливается обвинительный пыл — хорошего человека в клетку не посадят.

Теперь уже и у Куницыной, как недавно у бабушки, предательски заблестели глаза.

— Наша задача, — жестко продолжила Ольга, — найти в деревне его друзей. Понять, почему дружили, чем он был для них хорош. И донести все это до публики и судьи. Образно говоря, вытащить Лешку из клетки хотя бы виртуально, в их речах и рассказах. Увидят в парне человека — пусть и жестоко оступившегося, — появится шанс. Не увидят — не появится, уж больно статьи страшные.

— Ясно, — сказала Анна Ивановна. Она уже была, как всегда, в рабочем тоне. — К утру будет список друзей.

— Отлично! — подытожила Ольга.

Есть уже не хотелось — ни ей, ни Олегу Всеволодовичу. Решили, с разрешения хозяйки, пойти прогуляться по деревне.

Дочки Куницыных начали было объяснять дорогу, но Анна Ивановна тут же оборвала многословных доброхотов:

— Не потеряются. Три улицы вдоль, одна — поперек.

На улице было прохладно, однако не настолько, чтоб возвращаться за курткой.

— Красиво, — протянула Ольга, разглядывая окрестности. Стоял период белых ночей, и вокруг действительно было светло и красиво. Местные не зря шутят, что в Петербурге белых ночей не бывает, только серые. А уж белые — это у них, на «северах».

— Очень, — кратко ответил Багров, неторопливо вышагивая рядом.

— Не заскучаем за выходные? — спросила она.

— Здесь работы на неделю.

Они прошли по длинной улице до конца, свернули на боковую улицу и вернулись к дому Куницыных.

— Олег, — спросила вдруг Ольга. — Как думаешь, мы его вытащим?

— Не знаю, — ответил Багров.

— Я не спрашиваю, знаешь ты или нет, — рассердилась Ольга. — Я говорю, как думаешь?

— Думаю, шанс есть. В общем-то, это была пожизненная травля младшего старшим. Нельзя ж ее менять на пожизненное заключение.

— Вот и я думаю, что шанс есть.

Если честно, еще минуту назад она так не думала. Потому что ей вдруг стало страшно. Мгновенно привиделось, что все их с Олегом усилия, все эти перелеты, раздумья, все ожидания Анны и Виктора — впустую. Только потеря куницынских денег и нервов.

Но Олег ответил, и уверенность снова заставила ее голову включиться на обдумывание вариантов действий.

«Все-таки я пока слабый адвокат, — самокритично решила она. — Сильный не должен испытывать страх». А вслух сказала:

— Уверена, что отобьем парня.

«Не отобьете, — вдруг ответила пустота. — Он убийца. И будет сидеть до самой своей смерти».

Они оба повернулись на голос, но не увидели ничего и никого. Только густые переплетенные ветви облепихи и ивовых кустов.

Ольга вновь испытала чувства страха и неуверенности. Вернул ее в реальный мир Олег Всеволодович. Он взял девушку под руку и жестко ответил невидимому собеседнику:

— Поживем — увидим. Тоже мне, пифия ночная!

Больше с ними разговаривать не захотели. Наверное, за пифию обиделись.

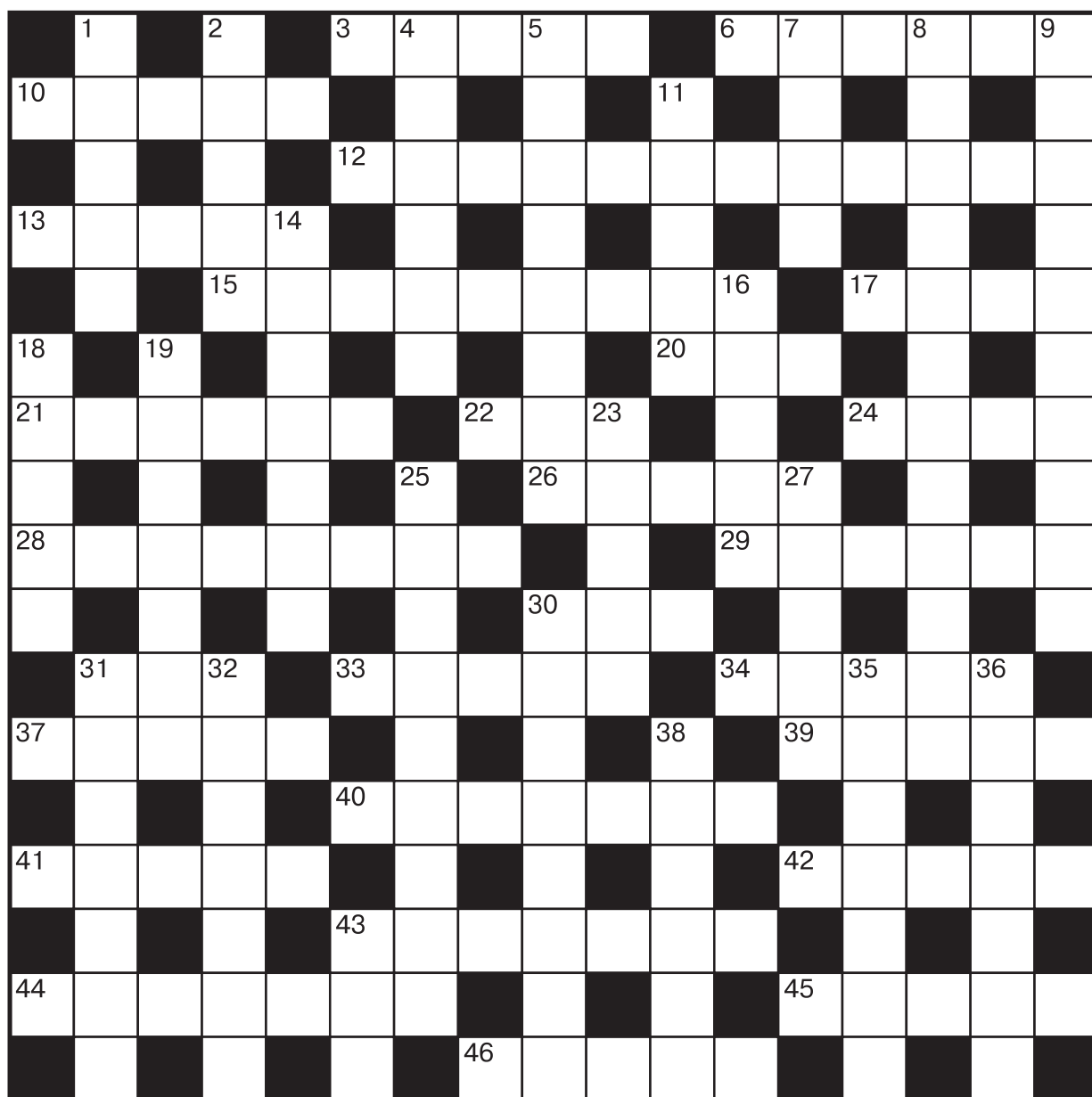
Однако продолжать прогулку настроения уже не было.

Что ж, работка предстояла не из легких.

Впрочем, люди, прилетевшие в деревню Заречье из далекой Москвы, тоже были не из тех, кто ищет легких путей. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Лейтенант, ставший «невольным отцом» Остапа Бендера и Шуры Балаганова. **6.** Тропическая птица, поставляющая гурманам мясо без холестерина. **10.** «Душа вещей» для русского философа Василия Розанова. **12.** «Всякий раз, когда есть ..., выбирайте то, что заставляет урчать кота в вашем сердце». **13.** «Витрина» на выставке.

15. Что показывает арбитр футболисту за грубую игру? **17.** Камень творчества. **20.** «Чем выше сидит ..., тем до него труднее дотянуться». **21.** Какая птаха держит хвост веером? **22.** Исполин с фонтанчиком. **24.** Какой сорняк запаривают, чтобы после лечить ангину? **26.** «Взыскание» с доходов. **28.** «Революционное» направление. **29.** С каким

живописным классиком учился в одной школе Эмиль Золя? **30.** «Где в дороге дальней нам часто снится ...» **31.** «За религиозные войны ... ответственности не несет». **33.** Легендарный актер, танцевавший даже с английской королевой. **34.** Голливудская дива, мечтавшая с детства стать оперной певицей. **37.** Кто укладывает соперника на обе лопатки? **39.** Кто запечатлел дочь Саввы Мамонтова с персиками? **40.** Что помогает автомобилисту пускать деньги в выхлопную трубу? **41.** В чем Василий Теркин махорку хранил? **42.** Что труднее всего слышать? **43.** Цыганка со старой колодой. **44.** Всадник среди участников корриды. **45.** Какая игра принесла миллионы Тайгеру Вудсу? **46.** Что труднее всего через голову надевать?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой металл разбегается шариками? **2.** «Крайность» в шеренге. **4.** «Сущие копейки». **5.** В каком образе патриарху нашего кино Иннокентию Смоктуновскому удалось во второй раз на экране воплотить образ принца Гам-

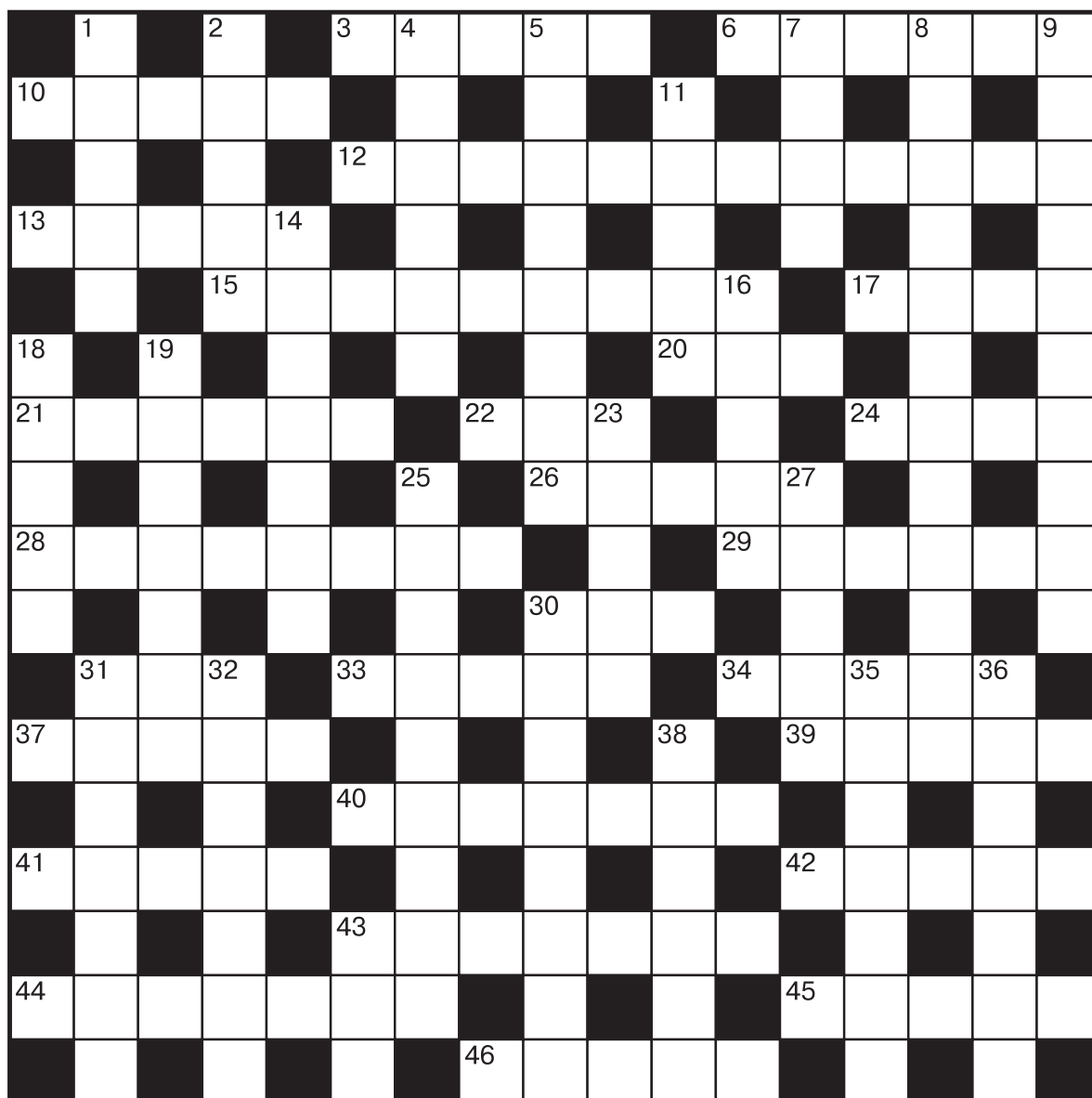
лета? **7.** Лестница для стюардессы. **8.** Кто оплачивает поездку на лайнере? **9.** Какой недуг погубил первенца Альберта Эйнштейна? **11.** Документальный склеп. **14.** Какой Пласидо спелся с Хосе Каррерасом и Лучано Паваротти? **16.** Орех на пару килограммов. **18.** «Помесь металлов». **19.** Первый блокбастер, выпущенный производственной компанией, принадлежащей лично Леонардо ДиКаприо. **23.** Большая цыганская семья. **25.** Столица единственного в России края, где выращивают чай. **27.** Кто придумал продавать программное обеспечение? **30.** Кто впервые выступает перед публикой? **31.** Южноамериканская страна, где есть тюрьмы, в которых заключенным за плату разрешено жить вместе с семьей. **32.** Кто чином старше полковника? **35.** «Чем тише ... сидит в комнате, тем страшнее туда заходить». **36.** Управляюще-тормозящее приспособление в лошадиной упряжи. **38.** Какая ящерица может слизывать воду со своих глаз? **43.** «Не выполнишь дело за день — провозишься ...» (восточная мудрость).

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Кипр. **3.** Срок. **7.** Спиди. **11.** Рига. **12.** Катакомбы. **13.** Прыть. **14.** Мгла. **17.** Гопак. **20.** Дельта. **21.** Сон. **22.** Динамика. **24.** Мрамор. **28.** Конспиролог. **29.** Взгляд. **30.** Ворон. **34.** Лермонтов. **37.** Верблюд. **38.** Дания. **39.** Скука. **41.** Бетон. **42.** Зельц. **43.** Афон. **44.** Олень. **45.** Лилия. **46.** Якорь. **47.** Мате. **48.** Багаж.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кекс. **2.** Патрон. **4.** Ромб. **5.** Крым. **6.** Угол. **8.** Парилка. **9.** Детство. **10.** Склад. **15.** Гвидон. **16.** Адам. **17.** Головорез. **18.** Кизил. **19.** Батон. **23.** Оскорбление. **25.** Развод. **26.** Моль. **27.** Роды. **31.** Дед. **32.** Смекалка. **33.** Анаконда. **34.** Людовик. **35.** Валенки. **36.** Бильярд. **40.** Шарм. **41.** Болт.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Противник трудоголизма» из духов на Руси. **6.** «План сотворения мира» у Шивы. **10.** Запевала в синагоге. **12.** В каком месте обрело «вечный покой» тело Джорджа Байрона? **13.** «Персональный ангел» у каждого из тайцев. **15.** Кто первым получил из рук Петра Великого графский титул? **17.** Крепкий бульон. **20.** «Королева» венгерских «салями». **21.** Личный

врач Наполеона, осмотревший Андрея Болконского. **22.** Ястреб-перепелятник из Земноморья. **24.** «Шокирующий вариант» поп-арта. **26.** Намеренное падение футболиста в штрафной площадке с целью добиться пенальти. **28.** Какой стишок Ленский писал в альбом Ольги? **29.** Походная обувь римских воинов. **30.** Кто из итальянских философов слыл исключительным знато-

ком подробностей жизни Джеймса Бонда? **31.** Что прежде на Руси называли «мягкой рухлядью»? **33.** Порода овец со спиральными рогами. **34.** Светский наместник епископа в феодальной Франции. **37.** Хлебная печь у таджиков. **39.** Ханум из узбекской кухни. **40.** Караимские пирожки. **41.** Звезда негритянского свинга, писавший для Фрэнка Синатры. **42.** Кого великая актриса Бэтт Дэвис назвала своей преемницей? **43.** Затяжной насморк. **44.** Светящийся моллюск в рационе морского бекаса. **45.** Стиль фламенко. **46.** Испанский композитор, завсегда́тай салона Пабло Пикассо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пассия бога Кришны. **2.** Нижняя челюсть лошади. **4.** Какое соединение можно получить с помощью «реакции Юрьева»? **5.** Какой генерал, согласно легенде, подал Емельяну Пугачеву идею стать самозванцем? **7.** Сын саксонского пастора, знаменитый своими книгами о братьях наших меньших. **8.** Первый и единственный ассирийский царь, знавший

клинопись. **9.** Полная неспособность фиксировать внимание. **11.** Какого художника Анна Ахматова считала своей единственной истинной любовью? **14.** Испанское кафе со «складом снега». **16.** Агент сыскной полиции, проложивший путь преступникам в большую литературу, став основателем детективного жанра. **18.** Любимая жена Густава Малера, которой посвящена Пятая симфония гения. **19.** Индейский стиль плавания. **23.** Самый крупный из кузнечиков России. **25.** Сарафан из Древнего Египта. **27.** Таинственный камень в стене Каабы. **30.** «Теоретик любви» XVI века, высмеявший в своем трактате постулат «о слепой любви», из-за которого художники эпохи Ренессанса частенько рисовали Амура с закрытыми глазами. **31.** Грузинское молодое вино. **32.** С какого китайского рисового напитка ведет свою историю национальное виноделие? **35.** Гонка преследования у лыжников. **36.** Программа помощи пожилым людям в США. **38.** Сладкий апельсин без косточек. **43.** Шотландский «танец вихря».

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Патч. **3.** Форд. **7.** Танто. **11.** Удод. **12.** Килмарнок. **13.** Крулл. **14.** Асба. **17.** Малик. **20.** Басант. **21.** Сыч. **22.** Гарделло. **24.** Клипер. **28.** Аллопрининг. **29.** Бедный. **30.** Стопа. **34.** Футуролог. **37.** Алтимат. **38.** Некто. **39.** Бхото. **41.** Баттл. **42.** Юдина. **43.** Апор. **44.** «Элорн». **45.** Ливен. **46.** Пихра. **47.** Тито. **48.** «Кодак».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пике. **2.** Толмач. **4.** Ойна. **5.** Дука. **6.** Зорб. **8.** Апрески. **9.** Тельное. **10.** Балиг. **15.** Стлань. **16.** Абок. **17.** «Мыслитель». **18.** Каирн. **19.** Аджна. **23.** Компримарио. **25.** Льезон. **26.** «Панч». **27.** Райд. **31.** Нут. **32.** Гуахильо. **33.** Боттарга. **34.** Фартлек. **35.** Гейдрих. **36.** Атенури. **40.** Шаут. **41.** Болт.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

